

«Мы говорим Партия — подразумеваем Ленин.
Мы говорим Ленин — подразумеваем Партия».
Вот так всегда у большевиков: говорят одно —
подразумевают совсем другое.

Антисоветский анекдот

СЛОВО АВТОРА К ЧИТАТЕЛЮ

Кровавые события братоубийственной Гражданской войны на территориях бывшей Российской империи в начале XX века не переставали привлекать внимание историков и публицистов на протяжении всего прошедшего столетия.

Мир за этот срок много раз менялся. Менялись господствующие в информационном пространстве интерпретации того, что случилось в годы Гражданской войны. Неизменным оставалось одно: факты из прошлого использовались в качестве орудия оправдания действий политиков в настоящем и подгонялись под казавшиеся идеологически верными концепции.

Ход времени неумолим: уже оставили нас последние свидетели былого. Нет среди нас ни палачей, ни их жертв, ни предателей, ни героев тех лет. Лишь их потомки снова и снова берут на себя смелость назначать на архетипические роли то того, то иного давно умершего человека, чьё имя они встретят в книгах своих предшественников или сухих записях архива.

100 лет — большой срок. Срок больший, чем то, что отмерено человеку. Быть может, именно поэтому сегодня, когда нет тех, для кого события Великой российской революции и вызванных ей вооружённых конфликтов были частью их собственной жизни, пора попытаться беспри-

страстно взглянуть в прошлое в попытке понять его. Не через осуждение или превозношение тех, у кого и с кого мы никогда не сможем ничего спросить. Понять через попытку взглянуть на события, так, как их видели люди 100 лет назад.

Сознавая недостижимость такого идеала, в данной работе сделана попытка не давать оценки, исходя из знаний о том, что будет происходить на протяжении XX века. Кроме того, намеренно сохраняется орфография и правила написания географических объектов, этнонимов и имен людей, использовавшиеся в документах той эпохи.

Большевизация Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в мае-июне 1920 года, её причины, ход, последствия, роль в этих событиях Красной армии до сегодняшнего дня относятся к кругу наиболее острых и дискуссионных проблем изучения истории военных столкновений и политических процессов на территории бывшей Российской империи в 1917–1921 годах.

Стремительное и практически бескровное установление власти коммунистов в последних числах апреля — начале мая на всей ранее контролировавшейся азербайджанским «мусаватистским» правительством территории менее чем через месяц сменилось чередой восстаний в сохранившихся частях старой армии АДР, кровавыми событиями в Гяндже, противостоянием в Закатальском округе и «народной войной» в сельских районах равнинного Карабаха.

Эти события не могут не вызывать массы вопросов. Как получилось, что большевизация АДР воспринималась значительной частью жителей Азербайджана не как потеря независимости, а отказ сопротивляться Красной армии, не как предательство национальных интересов? Почему приход к власти коммунистов в Баку поддержали люди,

далекие от левых взглядов, среди которых оказались даже губернатор Карабаха и популярный в стране бывший османский генерал, еще в 1918-м боровшиеся с Бакинской коммуной? И что же было сделано за свой «медовый месяц» большевиками такого, что поначалу лояльно отнесшееся к ним население и элиты страны оказались готовы с оружием в руках бороться против новых властей?

Ответить на эти вопросы можно, только подробно и беспристрастно рассмотрев на основе привлечения архивных источников, печатавшихся в те дни газет, появившихся впоследствии мемуаров участников тех событий причины, особенности и характер прихода коммунистов к власти в Азербайджане в 1920 году, их первые шаги в реформировании государственного аппарата, системы образования, армии, разрешении межэтнических конфликтов и территориальных споров.

РЕЦЕНЗИЯ С.И. ЧЕРНЯВСКОГО

*на монографию кандидата исторических наук В.И. Веселова
«Медовый месяц большевиков в Азербайджане
(конец апреля — начало июня 1920 года)»*

В последние годы в российской научной литературе заметно вырос интерес к исследованию истории приграничных государств, входивших в состав Российской империи и Советского Союза. С учетом большей доступности к некогда закрытым архивным материалам, оцифровки многих документов и отсутствия идеологической предвзятости появилась возможность по-новому взглянуть на события столетней давности.

История Кавказа богата разными интерпретациями. И это неудивительно — многонациональное лоскутное одеяло из сотен народностей, каждая из которых претендует на особый территориальный статус, подталкивает историка к субъективным оценкам роли каждого племени в жизни современного общества.

В представленной работе анализируются события, которые до сегодняшнего дня вызывают острые споры и дискуссии. Речь идет о приходе к власти в Азербайджане большевиков в 1920 году, первых волюнтаристских и жестких преобразованиях нового руководства, вызвавших серию антикоммунистических восстаний в Гяндже, Карабахе, Закаталах и на Мугани.

Исследование состоит из авторского предисловия, введения, шести глав и заключения.

Во введении автор дает картину административного, социально-экономического и демографического положе-

ния губерний российского восточного Закавказья накануне 1917 года, кратко и сжато представляет читателю событийную канву происходившего в регионе в 1917 — начале 1920 года.

Первые три главы посвящены обстоятельствам прихода большевиков к власти в Азербайджане в последних числах апреля 1920 года. В результате привлечения новых архивных источников автору удалось восстановить ход и точную хронологию событий, определить роль различных участников, в том числе второстепенных, в них, отразить на основе воспоминаний, мемуаров и материалов прессы точки зрения различных акторов на происходившее. Автор высказывает свои предположения о степени подготовки бакинских большевиков к восстанию и захвату власти в апреле 1920 года, характеру и особенностям формирования первого коммунистического правительства Азербайджана: Временного Революционного Комитета.

В четвертой и пятой главах подробно описывается внешняя и внутренняя политика новой власти, её первые преобразования, подходы к решению межэтнических и пограничных конфликтов, начало перехода к военному коммунизму. Автором проанализированы параметры формирования взаимоотношений между РСФСР и Азербайджанской Советской Социалистической Республикой, выявлен конфликт между представителями российских большевиков в Баку (Г.К. Орджоникидзе, И.Т. Смилги) с возглавлявшимся А.М. Караханом НКВДом из-за условий взаимоотношений с меньшевистской Грузией, «закатальскому» и ряду других вопросов, определено реальное положение азербайджанских и армянских сил в горной части Карабаха в конце апреля 1920 года и описаны первые попытки представителей XI армии прекратить межэтническое противостояние.

Шестая глава посвящена ходу развития антибольшевистских восстаний в Гяндже, Карабахе, Закаталах и на Мугани, поиску причин их начала и поражения. Автор подробно описывает меры большевиков, спровоцировавшие вооруженное сопротивление изначально лояльно отнесшегося к ним населения и представителей прежних властей Азербайджана. Ему удалось точно и аргументированно установить хронологию восстаний, определить равнинный Карабах в качестве первого очага, насколько это возможно, беспристрастно показать масштабы происшедшего, в том числе имевших место репрессий.

Работая над книгой, автор стремился быть объективным. При этом следовал заветам известного азербайджанского историка XIX века А.К. Бакиханова, который предварил свой труд «Гюлистан и Ирам» такими словами: «Собрал я, сколько мог, материала, сличил разбросанные сведения и, по возможности, старался соблюсти главные условия историков — описать происшествия в связи и порядке, руководствуясь строгим беспристрастием в отношении к единоверцам своим и к Родине, почитая весь род человеческий одним семейством, а шар земной — общим Отечеством».

Публикуемая монография будет интересна в равной мере историкам-профессионалам и самому широкому кругу читателей.

*Доктор исторических наук,
профессор МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный посланник
Станислав Иванович Чернявский*

РЕЦЕНЗИЯ В.Б. ЛОБАНОВА

на монографию В.И. Веселова «Медовый месяц большевиков в Азербайджане (конец апреля — начало июня 1920 года)»

Тематика монографического исследования В.И. Веселова является, к сожалению, чрезвычайно актуальной, т.к. события в кавказских регионах бывшей Российской империи начала XX в. и кавказских регионов бывшего СССР на рубеже XX–XXI вв. чрезвычайно схожи и требуют глубокого научного осмысления. Нельзя сказать, что Азербайджан периода Гражданской войны и интервенции в России был обойден вниманием историков. Можно даже сказать, что на протяжении всего советского периода множество региональных и центральных авторов пытались осветить перипетии событий 1917–1920 гг. в Закавказье. Главным же их недостатком было то, что противоположная (проигравшая) сторона конфликта или вообще не упоминалась, или показывалась в карикатурном виде. Думается, что такая идеологическая позиция мешала в первую очередь самой советской власти, показывая своих противников в виде недалеких, ходульных персонажей, преуменьшая тем самым победу большевиков.

Именно преодолевая эту тенденцию, ряд современных авторов задались целью посмотреть на события тех лет несколько под другим углом зрения. В череде этих работ особняком стоит монография к.и.н. В.И. Веселова. Ему удалось избежать апологетического стиля, столь свойственного некоторым авторам, пишущим историю Гражданской войны и интервенции с точки зрения какой-либо из противоборствующих сторон. Во многом этому способст-

вовало привлечение к работе широкого спектра источников из ГАРФ, РГВА и РГАСПИ.

Что касается непосредственно текста монографии, то в качестве положительных моментов особо следует отметить выводы, сделанные автором по поводу причин сравнительной безболезненной советизации АДР в апреле 1920 г. В.И. Веселов справедливо отметил, что «...успех большевиков 27–28 апреля был обеспечен не столько подпольной работой азербайджанских коммунистов (боевые дружины они создали в Баку только 28 апреля, когда переворот уже свершился), сколько участием в нём самых различных местных социальных и политических сил. Каждый оказался готов увидеть в приходе большевиков то, что ему хотелось. Бакинские рабочие — повышение зарплат, конец безработицы и дешёвый хлеб с Северного Кавказа. Бакинская буржуазия — возможность отправки своих товаров на традиционные рынки. Армяне и прочие национальные меньшинства — гарантию своей безопасности. Турецкие добровольцы — открытие коридора для помощи Советской Россией кемалистской Турции. Офицеры армии АДР — возможность быстро закончить войну в Карабахе победой и пробиться к находившимся в блокаде Нахичевани и Ордубаду. Даже исламисты из партии «Иттихад» и простые моллы заявляли о своей безоговорочной поддержке большевиков и пытались вступить в ряды Азербайджанской компартии...» (с. 124–125).

Однако первоначальные надежды довольно быстро сменились сначала разочарованием, а чуть позже и враждебностью, которая вылилась в антибольшевистское восстание. Запущенная большевизация Азербайджана (национализация собственности, национальная и религиозная составляющие) привела к отторжению среди разных слоев азербайджанского населения. Общее недовольство

новой власти аккумулировали военные круги, подняв восстание в Гяндже. Был расчет на помощь Грузии, однако ее не последовало.

Локальные, необъединенные выступления крестьян были подавлены, советские власти, опомнившись от первоначального шока, довольно быстро подавили все очаги антибольшевистского недовольства. Исследователь констатирует, что «...азербайджанская армия как самостоятельная боевая единица прекратила свое существование. На всех её бывших офицеров легло подозрение в контрреволюционных настроениях. АзЧК и Особые отделы XI армии получили полный карт-бланш для устранения всех, кто мог казаться им ненадежным. Восстание в деревне предписывалось подавлять “жестокостью”. Все офицеры, многие представители бывшей “мусаватской администрации”, буржуазии были арестованы. Часть их расстреляна. Часть, после фильтрации, продолжила службу в армии и гражданских учреждениях. Наркомвоенмор Чингиз Ильдрым лишился не только армии, но и, в значительной мере, авторитета в глазах представителей РКП(б) в Азербайджане» (с. 128–129). Основным выводом, который делает автор по итогам разгрома азербайджанской контрреволюции, заключался в том, что главным бенефициаром этих событий стал М. Багиров, будущий глава Советского Азербайджана (с. 129), который чуть позже стал верным проводником сталинской политики в регионе.

К.и.н., доцент В.Б. Лобанов

ВВЕДЕНИЕ

Конец XIX — начало XX века — время пробуждения этносов на перифериях империй. Южнокавказский регион (Закавказье), входивший в то время в состав Российской империи, не стал исключением. В условиях распространения капиталистических отношений, усиления экономических связей с Центральной Россией, ускорения транспорта и распространения информации, новых идей автохтонные интеллектуальные элиты искали место для своего народа в быстро меняющемся мире, артикулировали цели и задачи национальных движений.

События Великой Российской революции катализировали процессы этно- и нациостроительства, дали возможность народам Южного Кавказа создать национальные государства. Воспользоваться ею смогли Азербайджан, Армения и Грузия.

На протяжении столетий первостепенную роль среди жителей Южного Кавказа играла не этническая, а конфессиональная идентификация. Это, в совокупности с исторически сложившимся доминированием тюркоговорящих элит в восточном Закавказье, предопределило путь формирования азербайджанского этноса в XX веке, оказало влияние на определение границ будущей Азербайджанской республики.

В начале XX века территории современного Азербайджанского государства находились в составе нескольких административных единиц: Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской губерний и отдельного Закатальского округа. Согласно данным «Статистического ежегодника России»,

издававшегося Центральным статистическим комитетом МВД, в последний предвоенный 1913 год численность жителей Бакинской губернии составляла 1,07 млн чел., Елисаветпольской — 1,05 млн чел., Эриванской — 1 млн чел. В Закатальском округе жило чуть менее 100 тыс. чел.¹

Восточное Закавказье было неоднородно ни в демографическом, ни в социально-экономическом отношении. Самым большим городом был Баку. Несмотря на свою многовековую историю, накануне Первой мировой войны и Великой Российской революции Баку можно было по праву назвать новым и молодым городом. В результате нефтяного бума рубежа XIX–XX веков на берегу Бакинской бухты, рядом с окруженным древними стенами Старым городом, выросли кварталы с регулярной планировкой и многоэтажными зданиями, построенными европейскими архитекторами. Баку по праву можно было назвать нефтяной столицей Российской империи, которая обеспечивала более 90% добычи и потребления страны.

К 1913 году в Баку проживало около 230 тыс. жителей, что делало его одним из крупнейших городов Российской империи. Около 100 тыс. человек из них были формально горожанами — мещанами². Остальные жители Баку принадлежали к иным сословиям, преимущественно крестьянскому: большая часть жителей Баку являлись горожанами в первом поколении, зачастую отходниками, которые оставляли свои семьи в деревне. В результате в Баку в 1913 году проживало в два раза больше мужчин, чем женщин³.

¹ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914. С. 50–51.

² Там же. С. 76.

³ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914. С. 50.

Бакинская губерния была в лидерах Российской империи по доле жителей ранних трудоспособных возрастов¹. Рабочие были заняты преимущественно на крупных нефтедобывающих, рыболовецких и транспортных предприятиях. Высокая концентрация живущих совместно вчерашних крестьян — молодых мужчин давала прекрасную почву для пропаганды различного рода социалистических радикальных учений, ориентированных на городской пролетариат.

Баку был интернационален. Ни одна этническая или конфессиональная группа не была доминирующей в численном отношении. Третью часть населения города составляли, как в то время писали в официальных документах, «закавказские татары» (азербайджанские турки) и «персы». Еще треть — русские (к которым в то время относили и великороссов, и украинцев, и белорусов). Пятая часть жителей города — армяне. Евреи составляли 4,5%. Грузины — 1,9%. Немцы — 1,5%². Такая же пестрая картина была и в конфессиональной ситуации.

Иначе выглядели прочие города Азербайджана. Самыми многолюдными среди них были те, которые некогда являлись столицами ханств северного Азербайджана. Во втором по численности населения городе восточного Закавказья Елисаветполе (Гяндже) в 1913 году проживало в шесть раз меньше людей, чем в Баку, — 38,6 тыс. чел. В бывшей некогда столице Карабахского ханства Шуше — 32,2 тыс. чел. В Нухе (Шеки) — 29,9 тыс. чел. В Шемахе — 26,2 тыс. чел. В Кубе (Губе) — 19,1 тыс. чел. В Нахичевани (Нахчыване) и Ордубаде — 16,1 тыс. чел. В Ленкорани 10,1

¹ Статистический ежегодник России 1913 г. С. 79.

² Алишевский В. Г. Баку и Промыслово-заводской район по данным переписи 1913 года. Ч. II. Вып. 2. Баку, 1922. С. 49.

тыс. чел.¹ Все остальные уездные столицы даже формально не являлись городами.

Помимо Баку, из всех городов Азербайджана железнодорожная станция была только в Елисаветполе (Гяндже) и Нахичевани (Нахчыване)². Однако прямого сообщения между последними не было.

Почти все население городов Елисаветпольской и Эриванской губерний было «правильными горожанами» — мещанами или дворянами³. Крестьян-отходников среди них было сравнительно мало. При этом среди населения Елисаветпольской губернии доля дворян была одной из самых высоких в Российской империи: 3,5 % при среднем значении 1,5 %⁴. «Пролетарским оазисом» губернии был небольшой горный поселок Кедабек, где располагался медеплавильный завод⁵.

Бакинская губерния за пределами г. Баку была однородно мусульманской⁶. Подавляющее большинство её жителей являлись азербайджанскими турками. Однако на севере проживало значительное горское (лезгинское) меньшинство (7,6% от населения губернии). На Апшеронском полуострове — персоязычные таты (10,8%). На юге губернии — талыши (4,8%). В Кубинском и Геокчайском уездах — горские евреи (1%).

¹ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914. С. 50–51.

² При следовании поезда из Баку или Елисаветполя в Нахичевань ему было необходимо пройти через узловые станции Тифлис (Тбилиси) и Александрополь (Гюмри).

³ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914. С. 76.

⁴ Там же. С. 76–77.

⁵ Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018.

⁶ Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914. С. 70.

Елисаветпольская и Эриванские губернии были населены азербайджанскими тюрками и армянами, преимущественно чересполосно. Большинство жителей Елисаветпольской губернии были тюрками (60,8% против 33,2% армян). В Эриванской губернии ситуация была обратной: 37,8% тюрков против 53,2% армян. Кроме того, в Эриванской губернии насчитывалось 6% курдов. Доля жителей европейского происхождения за пределами Баку везде была незначительна¹.

Большая часть населения всех административных единиц, территории которых в настоящее время входят в состав Азербайджана, занималась сельскохозяйственным трудом². Имущественное разложение к 1917 году не проникло глубоко в азербайджанскую деревню: не было сформировавшего сельского пролетариата-бедняков, зарабатывавших на жизнь исключительно наемным трудом и становившихся опорой большевиков в деревне в губерниях Центральной России. Не произошло окончательного разрыва неформальных отношений между крестьянами и помещиками-мюлькадарами. Конфликты, происходившие в деревне, зачастую носили некапиталистический характер и протекали в формах, свойственных докапиталистическим обществам.

После взятия власти в Петрограде осенью 1917 года большевики не смогли закрепиться ни в одном из крупных центров Закавказья, за исключением экономически развитого космополитичного Баку и Сухумского округа³. На остальной территории российской части Южного Кавказа установилась власть Закавказского сейма, состояв-

¹ Статистический ежегодник России 1913 г. С. 64.

² Там же. С. 86.

³ Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. Т.1. М., 2008. С.113.

шего из депутатов Всероссийского учредительного собрания и представителей региональных партий¹.

К лету 1918 года созданная большевиками Бакинская коммуна оказалась отрезана от красной России фронтами Гражданской войны и была ликвидирована турецкими войсками при поддержке добровольческих формирований из местных тюрков-азербайджанцев². Гибель идейных коммунистов-лидеров Бакинской коммуны предопределила кадровый голод, который впоследствии будут испытывать большевики на Южном Кавказе в 1920 году.

Еще задолго до падения Бакинской коммуны, 28 мая 1918 года в Тифлисе (Тбилиси), депутатами-мусульманами Закавказского сейма и Всероссийского учредительного собрания было провозглашено создание Азербайджанской Демократической Республики (АДР)³. Первое время столичные функции выполняла Гянджа. В сентябре руководство нового государства переехало в Баку. Однако уже в ноябре военному министерству пришлось вернуться в Гянджу из-за позиции командования вошедших в город английских войск, рассматривавших господствующую партию Азербайджана «Мусават» в качестве сторонников потерпевшей поражение в Первой мировой войне Турции⁴. К весне 1919 года отношения между правительством АДР и англичанами нормализовались⁵.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Т.1. М., 1983. С. 212.

² Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С.5.

³ Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и Азербайджанского Национального Совета 1918 г. Баку, 2006. С.123–125.

⁴ Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С.6.

⁵ Там же.

Ведущую роль в политической жизни Азербайджана играл парламент. Его костяк составляли депутаты Всероссийского учредительного собрания и Закавказского сейма от мусульман Южного Кавказа¹. Осенью 1918 года состав парламента был расширен, и в него были включены представители от национальных меньшинств: из 120 мандатов 21 должны были получить армяне, 10 — русские и по одному немцы, евреи, грузины и поляки².

Ни одна партия не имела в парламенте абсолютного большинства. Самыми значимыми фракциями были находившаяся у власти национальная партия «Мусават» и исламская партия «Иттихад». Многочисленны в парламенте были социалисты различной ориентации³.

В начале 1920 года усиливавшееся понимание западными дипломатами неизбежности скорого поражения «белых» на юге России позволило делегации АДР в Париже добиться признания странами Антанты правительства Азербайджана «де-факто»⁴.

На момент большевистского переворота АДР находилась в состоянии необъявленной войны с Арменией. Значительные территории со смешанным, живущим чересполосно армянским и мусульманским населением Восточного Закавказья стали в 1918–1920 годах ареной серии кровопролитных межэтнических конфликтов с участием формировавшихся регулярных армий «мусаватистского» Азербайджана и «дашнакской» Армении. В марте

¹ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Парламент: стенографические отчеты. Баку, 1998. С.10.

² Там же. С.17.

³ Там же.

⁴ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. XII. European, including Russian, Questions. January 1920–April 1921. Ed. by R. Butler and J.P.T. Bury, London, 1962.

1920 года в горной части Карабаха вспыхнуло инспирированное дашнаками восстание. Части азербайджанской армии оказались втянуты в казавшееся бесконечным кровопролитное противоборство¹.

Большевики в Закавказье долго не могли оправиться от поражения Бакинской коммуны. Тем не менее с приближением фронтов Гражданской войны к Кавказу они активизировали свою работу в Баку. Необходимость в этом была продиктована не столько идеями «неизбежной победы мировой революции», сколько жестким топливным голодом, который испытывали контролировавшиеся большевиками территории бывшей Российской империи. Получить доступ к нефтяным промыслам коммунистам было жизненно необходимо.

По состоянию на начало 1920 года на территории Азербайджана действовало несколько крайне левых политических организаций. «Гуммет» ориентировалась на закавказских мусульман-рабочих. «Адалят» была партией бакинских рабочих-выходцев из Ирана. Кроме того, в Баку, преимущественно в среде рабочих-немусульман, возродились ячейки Российской коммунистической партии (РКП(б)). В начале февраля все крайне левые силы объединились в Азербайджанскую коммунистическую партию (АКП(б))². Образованием формально независимой от РКП(б) национальной коммунистической партии Азербайджана большевики решали сразу несколько своих задач. Стремясь избежать ошибок интернациональной Бакинской коммуны и обвинений в великорусском империализме, равно как и потакания армянским националистам,

¹ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С. 375.

² Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918–1920 гг. Баку, 1994. С. 79.

они шли на компромисс с национально ориентированной частью мусульманского левого движения. Демонстрация приверженности принципу права наций на самоопределение и уважения к азербайджанской национальной государственности давала возможность выбить из рук противников большевиков лозунги борьбы с русской агрессией. Кроме того, народы Востока, в первую очередь турки и персы, получали сигнал, что политика российских коммунистов в их отношении не является колонизаторской.

ГЛАВА 1. РЕЙД БРОНЕПОЕЗДОВ НА БАКУ

«Наш паровоз вперед летит,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка».

(Революц. песня)

Частью первого акта большевизации Азербайджана и всего Южного Кавказа стала Бакинская операция. Советская военно-историческая литература рисует её как беспримерный по своей скорости и сопутствовавшему успеху прорыв четырёх советских бронепоездов под командованием Михаила Григорьевича Ефремова, которому на момент тех событий только исполнилось 23 года, к «революционному Баку»¹. Утром 27 апреля 1920 года бронепоезда «III Интернационал», «Красный Дагестан», «Тимофей Ульяновцев» и «Красная Астрахань» пересекли границу. Вечером того же дня они были в Баку, преодолев 200 километров за сутки. Темп движения (с такой скоростью в годы Гражданской войны порой поезда не передвигались и в глубоком тылу, а не то что по территории противника), авантюрный характер плана операции, равно как и успешная его реализация, не могут не вызвать неподдельного удивления и массы вопросов.

Пролог

Весна 1920 года началась с окончательного разгрома белого движения на Северном Кавказе. В конце февраля

¹ Кадишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С.254–258.

части XI армии, ранее действовавшие на нижней Волге, широким фронтом, протянувшимся от берегов Каспия на востоке до Ставрополя на западе, перешли полосу практически безлюдных и безводных калмыцких степей и подошли к густонаселенным предгорьям Кавказа, стратегической железнодорожной линии Тихорецкая—Порт-Петровск (Махачкала).

В десятых числах марта линия была перерезана. Надежды деникинцев на оборону Северного Кавказа рухнули. Деморализованные части белых оставляли города практически без сопротивления и лишь взрывали мосты¹, пытаясь задержать стремительное движение Красной армии. К 30 марта всё Предкавказье, вся линия Тихорецкая—Порт-Петровск были в руках красных. Часть деникинских войск ушла морем в Персию в Энзели². Часть, вместе с генералом Даниилом Павловичем Драценко и контр-адмиралом Апполинарием Ивановичем Сергеевым, была интернирована в Баку. Оружие корпуса Драценко оказалось в руках АДР³. Сергеев разрешил своим офицерам вступать в армию Азербайджана⁴. Однако большинство из них, ожидаемо, стремились попасть в Крым к генералу Врангелю.

С приходом большевиков в казачьи районы предгорий Кавказа на первые позиции в XI армии выдвинулся Михаил Карлович Левандовский: командование фронтом считало его «хорошо знакомым с местными условиями» и «популярным среди местного населения»⁵. Действительно, Левандовский прекрасно знал театр боевых действий, так как уже командовал XI армией в начале 1919 года и по-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 198.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1081.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 944.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 940.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1081.

терпел тяжелое поражение от «добровольцев» Деникина в тех же местах, куда он теперь триумфально возвращался.

В начале апреля 1920 года части и тылы XI армии стянулись к Порт-Петровску (Махачкала) и начали выдвижение к Дербенту¹.

Установление советской власти в Дагестане проходило практически без эксцессов². Лишь из разведсводок XI армии от 7 апреля мы узнаем о прибытии из Баку в аул Маджалис бывшего турецкого генерала, командующего Кавказской исламской армии Нури-паши с 50–60 бывшими турецкими солдатами и попытке организовать местных горцев на борьбу с большевиками. В разведсводке от 10 апреля сообщается о возвращении Нури-паши обратно в Баку³.

12 апреля отдельному конному корпусу, состоящему из 7-й Кавдивизии и Таманской кавбригады с приданными из XI армии частями, отдается приказ занять переправы через пограничную реку Самур⁴. Приказ выполнен не был: передовые заставы до начала в ночь с 26 на 27 апреля Бакинской операции переправы не контролировали. Особую обеспокоенность у командования вызывал факт того, что красноармейцы занимали позиции только у северной горловины стратегического железнодорожного моста через пограничную реку Самур. Южная горловина контролировалась азербайджанскими частями, и, следовательно, они имели возможность заминировать мост⁵. Дальнейшие

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1081.

² Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Г.Л. К вопросу об установлении советской власти в Дагестане и образовании Дагестанской АССР // История, археология и этнография Кавказа. Т.14. 2018. № 4. С.65.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 941.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1081.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 315.

события покажут, что эти опасения были беспочвенными. Ни один мост на всей 200-километровой железнодорожной линии от Самура до Баку взорван не был.

О царившей в районе линии соприкосновения Красной армии и войск АДР атмосфере можно узнать из воспоминаний М.Г. Ефремова. Посередине моста через реку Самур была натянута проволока, символизировавшая линию разграничения. Возле нее располагались советский и азербайджанский караулы из двух человек каждый. Несмотря на строгий приказ от 14 апреля, запрещающий без ведома Реввоенсовета пропускать кого-нибудь в Азербайджан¹, красноармейцы имели возможность беспрепятственно переходить на контролировавшуюся АДР территорию: там стихийно возникло некое подобие рынка, где за «царские» деньги можно было приобрести коньяк, водку, папиросы и другие ценные для солдата товары².

К середине 20-х чисел апреля части XI армии заняли исходные позиции. Тяжелое положение на польском фронте не давало возможности центральному командованию выделять значительные силы. XI армия, которой предстояло «большевизировать» весь Южный Кавказ, считывала немногим более 30 тыс. бойцов в составе трех дивизий и 2-го Конного корпуса³.

Вместе с XI армией на Баку предстояло наступать сформированному из мусульман-добровольцев Шариатскому полку под командованием азербайджанского турка — уроженца села Чайлы Казахского уезда Елисаветпольской губернии Зульфигара Ахундова⁴.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 410. Л. 39.

² Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т.VII. Баку, 1968. С.93–94.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 531.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

Концентрация внушительных сил не могла быть замечена азербайджанской стороной. Однако советское командование старалось ввести представителей АДР в заблуждение. Так, когда представитель МИДа Азербайджана Шахсуваров в 20-х числах апреля прибыл в Петровск, Орджоникидзе посоветовал Левандовскому в частной беседе сказать, что никаких приказов о наступлении нет и части сосредоточены исключительно на случай возможного появления англичан¹.

23 апреля командарму Левандовскому и командиру Каспийской флотилии Раскольникову поступила корректировка ранее выданной директивы за подписью комфронта Тухачевского, члена Реввоенсовета фронта Орджоникидзе и наштафронта Пугачева. Перед XI армией теперь ставилась задача овладеть не только Бакинской губернией, но всей территорией Азербайджана².

Командование армии отводило на предстоящую Бакинскую операцию 4 дня: все дивизии должны были сконцентрироваться на территории бывшей Бакинской губернии к 1 мая³. В 6:30 минут 26 апреля, менее чем за сутки до перехода Красной армией реки Самур, по войскам был разослан приказ о наступлении. Конный корпус должен был идти через Кубу-Шемаху, пересечь отроги Главного Кавказского хребта и выйти на железную дорогу в районе Кюрдамира с задачей прекратить движение по железной дороге Елисаветполь (Гянджа) — Баку к первым числам мая. Другая часть корпуса должна была к тому же времени захватить переправы через Куру к югу от Баку в районе Зубовки (Али-Байрамлы/Ширвана) и Алята. 32 дивизия

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 190. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 190. Л. 14.

Штейгера к 1 мая должна была оказаться на пригородной бакинской узловой станции Беладжары (Биладжари). Но в сам город Баку не заходить, а продолжать наступление вдоль линии железной дороги Баку–Гянджа и прикрыть город от возможного подхода азербайджанских частей с грузинской границы и из Карабаха. В Баку к 1 мая должна была войти 28-я дивизия. 20-я дивизия Поповича оставалась в резерве.

Начальнику боевого участка железной дороги т. Ефремову передавалось две роты 28-й дивизии под командованием т. Немыкина. Ефремову ставилась задача «27.4 перейти в наступление и самым решительным и смелым налетом в кратчайший срок ворваться в Бакинский район, парализовав таким образом попытки Азербайджанского правительства к сопротивлению, уничтожению запасов и промыслов». Затем отряд бронепоездов Ефремова должен был бы выйти к Бакинской бухте. Для борьбы с корабельной артиллерией он получил дальнобойные орудия.

Вместе с отрядом бронепоездов в Баку выезжали представители Кавказского крайкома: Г. Мусабеков, А. Микоян, Г. Джабиев и др.¹

Всем частям XI армии приказывалось двигаться «в кулаке» и не допускать отставания тыловых и хозяйственных учреждений из-за опасений внезапных атак со стороны «партизан».

Отдельным пунктом прописывалась опасность межнациональных провокаций: «Разъяснить всем красноармейцам, что с подходом наших частей в Баку возможна национальная резня между татарами и армянами. Зада-

¹ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 93–94.

ча Красной Армии — ни в коем случае не допустить этой безрассудной бойни и всякие попытки, с чьей бы то ни было стороны они не исходили, подавлять самым беспощадным образом». Командарм Левандовский планировал прибыть в район Беладжары (Биладжари) — Баку 1 мая¹.

Приказ в войска поступил сравнительно поздно, что не давало штабам дивизий и полков возможности подготовить полноценные собственные приказы. Тем не менее такое распространение приказа практически нивелировало возможность его утечки. Даже если бы приказ попал в руки азербайджанской разведки, в Баку о нем бы узнали, уже когда операция бы началась.

Исходя из содержания приказа, можно сделать вывод, что командование XI армии отказывалось рассматривать сценарий, что по пути к Баку сопротивление оказано не будет, и склонялось доверять собственным разведсводкам, которые говорили о существовании подготовленных для обороны позиций в районе Ялама–Худат и Беладжары (Биладжари). Более того, командование испытывало серьезные опасения по поводу возможного подхода неприятельских сил с запада по линии Гянджа–Баку и противодействия азербайджанского флота.

Всего лишь за сутки до начала Бакинской операции, 25 апреля, на границе произошел инцидент. Один из азербайджанских аскеров (бойцов) с бронепоезда «Азербайджан» перебежал на советскую сторону. Командир азербайджанского бронепоезда потребовал его выдачи и угрозил в случае отказа открыть огонь. Советская сторона аскера не выдала, а частям было приказано приготовиться к захвату бронепоезда и пограничной станции Ялама².

¹ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России... С. 93–94.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 315.

Один день на Петровской линии

Среди документов XI армии, хранящихся в Российском государственном военном архиве и помогающих пролить свет на события Бакинской операции, непосредственностью изложения выделяется рапорт офицера для поручений при управлении Интенданта Азербайджанской армии поручика Казыхана¹. Рапорт набран на печатной машинке с использованием элементов дореволюционной орфографии и весь испещрен визами вышестоящих начальников. В том, что Казыхан, равно как и все прочие упоминаемые в его рапорте лица, — реальные люди, сомнений не возникает. Согласно адрес-календарю Азербайджанской Республики на 1920-й год поручик Казыхан являлся «начальником ганджинских интендантских служительских команд»².

Поручик Казыхан ходатайствует о возвращении ему ценного оружия, которое, по его словам, у него забрал 27 апреля, с обещанием вернуть в Баку, командир бронепоезда «Красная Астрахань». К моменту подачи рапорта 29 апреля 1920 года, по сведениям Казыхана, поезд уже ушел «в сторону Тбилиси».

Вот как поручик описывает отобранное оружие: «шашка с золотой насечкой в оправе из слоновой кости и старинным персидским клинком стоимостью не дешевле 25 000 рублей, револьвер «Наган» бельгийского образца, каковой стоит сейчас не менее 8000 рублей, черный кобур, купленный мною за 550 руб., и ремневый шнур для револьвера с золотой насечкой в 800 рублей».

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 2.

² Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 год. Баку, 1920.

Если бы оружие у Казыхана забрали в интендантском управлении или на Торговой улице (ныне Низами) в Баку, рапорт не был бы столь интересен. Однако поручик утверждает, что 27 апреля вместе со своим командиром полковником Прозоровым он выехал на пассажирском поезде со станции Хачмаз. Не в Баку. Они выехали на ст. Белиджи, расположенную на занятом Красной армией левом берегу р. Самур, где их поезд и азербайджанский бронепоезд ожидали распоряжений. Распоряжений не своего командования, а Халил-паши (Кута), бывшего османского генерала, героя Первой мировой войны и борьбы с Бакинской коммуной, человека, которого в высшей степени уважали в Азербайджане, но который не имел никаких официальных постов в аппарате АДР.

Этот эпизод Бакинской операции незаслуженно обойден вниманием в советской исторической литературе. Зато о нём можно узнать из такого источника, как мемуары турецких генералов: самого Халил-паши и командующего восточным фронтом кемалистской армии Мусы Казым Карабекира. Халил-паша прибыл к командарму XI Левандовскому для того, чтобы возглавить наступление Красной армии, так как полагал, что имеет на это полномочия от Кавказского бюро Центрального Комитета РКП(б)¹.

Навстречу Красной армии Халил-паша из Баку выехал на поезде из нескольких вагонов в сопровождении небольшого отряда турок, полковника бывшей царской армии Скачкова² и, как выясняется из рапорта поручика Казыхана, представителей Министерства обороны АДР от интендантского ведомства.

¹ Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана // Кавказ&Глобализация. 2010. Т. 4. Вып. 1–2. С. 245.

² Halil Paşa. Bitmeyen savaş. (Халил-паша (Кут). Бесконечная война.) İstanbul, 1972. С. 325–326.

Полковник Скачков не имел отношения к армии АДР. Он, проживая как минимум с осени 1919 года в Баку по документам турецкого генерала, в квартире, обставленной на турецкий манер, с камердинером-негром, являлся связным между кемалистскими кругами Азербайджана и большевистскими организациями, а также курировал ночные нелегальные сеансы радиосвязи через государственную береговую радиостанцию АДР с «красной» Астраханью¹.

Где произошла встреча Халил-паши с командованием XI армией, выяснить достоверно не представляется возможным: источники противоречат друг другу.

Согласно рапорту Казыхана, пассажирский поезд и азербайджанский бронепоезд ожидали результатов переговоров Халил-паши на ст. Белиджи, т. е. на дагестанской стороне реки Самур².

Халил-паша в своих воспоминаниях прямо не указывает станцию, на которой он встретил большевистские бронепоезда. Это событие он описывает так: «...впереди слышались взрывы. Вскоре после того, как мы остановились на маленькой станции, чтобы узнать причину этого, на станцию вошел бронепоезд (прим.: большевистский), стреляя, не целясь, направо и налево»³. Предположить, что советский бронепоезд входил с боем на давно занятую ст. Белиджи, трудно.

В кратком сообщении в газете «Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана» от 29 апреля 1920 года (судя по стилистике, написанному корреспондентом еще старой «буржуазной» школы со слов ря-

¹ Баданов И. Подпольная работа ком'ячейки Бакинской радиостанции в 1919 г. // Из прошлого. Баку, 1924. С. 84–85.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 2.

³ Halil Paşa. Bitmeyen savaş. İstanbul, 1997. С. 325.

довых участников рейда бронепоездов), упоминается, что на ст. Хачмаз в 50 км от Самурского моста у азербайджанского бронепоезда стало заканчиваться топливо. Он выслал навстречу советским бронепоездам некую «делегацию», а сам отобрал у этой делегации паровоз и ушел в сторону Баку¹.

М.Г. Ефремов ничего не пишет о делегации Халил-паши. Он лишь упоминает о пассажирском поезде, с которым чуть было не произошло столкновение в районе Худата, т. е. уже после приграничного боя на ст. Ялама. Правда, в его воспоминаниях поезд бежал от них «задним ходом»...²

Отдельно необходимо сказать о воспоминаниях М.Г. Ефремова о Бакинской операции. Публиковались они неоднократно. Впервые — в 1922 году³. Не оспаривая их значение в качестве ценного исторического источника, необходимо отметить склонность на тот момент молодого красного командира (на момент описываемых событий ему было 23 года) к преувеличениям и «красному словцу». Эта склонность становится заметна при сопоставлении его воспоминаний с архивными источниками. Так, к примеру, согласно Ефремову, ему противостояло 4 (!) азербайджанских бронепоезда⁴. А у Азер-

¹ Продвижение по Петровской линии // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 93–94.

³ Ефремов М.Г. Взятие Баку // Военные вести 1922. № 7.

⁴ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 94–95.

байджана их было всего три, два из которых в конце апреля 1920 года находились на линии Баку–Акстафа, т.е. в более чем 300 километрах от линии соприкосновения Красной армии и армии АДР¹. Та же ситуация и при описании форсирования отрядом бронепоездов пограничной реки Самур. Ефремов описывает кровавое боестолкновение с участием значительного числа бойцов с обеих сторон². Однако у моста не было солдат армии АДР. Там был лишь пост численностью 20 жандармов³. Вызывает удивление и оценка Ефремовым потерь его отряда в 30 человек, в то время как в уже упоминавшийся заметке в «Известиях Временного Революционного Комитета Азербайджана», со слов рядовых участников рейда, говорится лишь о трех погибших в приграничном боестолкновении. Погибших не от огня азербайджанской армии, а от преждевременного подрыва собственных снарядов⁴. Одним из погибших стал командир батальона 299-го полка Немыкин⁵, руководивший двумя приданными отряду бронепоездов ротами пехоты. Впоследствии, согласно донесениям военного комиссара отряда бронепоездов Дудина, число жертв того боя возросло до 6 человек при 2 раненых⁶.

Кроме того, Ефремов в темноте принял отряд азербайджанской конницы, отправленный на подмогу жандар-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 206. Л. 15.

² Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 91.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 206. Л. 15.

⁴ Продвижение по Петровской линии // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

⁵ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 4.

⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 115.

мам за англичан¹. Исходя из вышесказанного, относиться к приводимым М.Г. Ефремовым в своих воспоминаниях фактам и, в особенности, цифрам следует с долей здравого скепсиса.

В советском бронепоезде Халил-пашу, по его воспоминаниям, встретил комиссар — «маленький болтливый армянин» (по всей видимости, Анастас Микоян), от которого турецкий генерал потребовал прекратить стрельбу и с которым у турецкого генерала возникли натянутые отношения².

Когда и где произошла встреча Левандовского с Халил-пашой, также не понятно. Достоверно известно, что командарм был заранее предупрежден Орджоникидзе о том, что Кавказский краевой комитет РКП(б) всерьез рассматривает предложение Халил-паши о формировании в Дагестане мусульманских частей. Эти части под предводительством Халил-паши должны были бы идти впереди Красной армии.

Прибывший из Баку в Петровск (Махачкалу) большевик Кванталиани, по всей видимости, в понедельник 19 апреля телеграфировал Орджоникидзе: «Турки предлагают нам использовать Халил-пашу для свержения существующего Азербайджанского правительства. Для этой цели предлагают отправить Халил-пашу в Дагестан. А от туда его с добровольческим отрядом из дагестанцев в Баку под видом следования его в Зангезур для ликвидации армяно-татарской резни»³. По мнению бакинских большевиков такой сценарий предотвратил бы возможное унич-

¹ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 91.

² Halil Paşa. Bitmeyen savaş. İstanbul, 1997. С. 325–326.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 4.

тожение бакинских нефтепромыслов мусаватистами: они высоко оценивали авторитет Халил-паши в азербайджанском обществе¹.

Левандовский в переписке с Орджоникидзе выразил скепсис в отношении идеи использовать Халил-пашу: «... увлекаться этим, по-моему, не следует, так как он (прим.: Халил-паша) в любой момент может выкинуть нам гнусную штуку»².

Халил-паша впоследствии писал, что при встрече с Левандовским командарм сказал ему: «Мы с вами уже встречались... На той войне, Кавказском фронте»³. Халил-паша решил, что речь шла о Первой мировой. Но, принимая во внимание биографию Левандовского, гораздо правдоподобнее выглядит версия, что он припомнил турецкому генералу его антибольшевистскую деятельность в Дагестане в 1918 году.

Поручик Казыхан в своем рапорте пишет, что от Халил-паши после его встречи с представителями XI армии «последовало распоряжение обоим поездам (т.е. пассажирскому и бронепоезду) не уходить из Белиджи (прим.: название станции указано в оригинале рапорта) и пропустить мимо советские бронепоезда, не оказывая им сопротивления. ...Азербайджанский бронепоезд, не выполнив этого распоряжения, ушел в сторону Баку... не предупредил об это ни Прозорова, ни меня»⁴.

Командовал азербайджанским бронепоездом капитан (по другим сведениям — полковник)⁵ азербайджан-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 3.

² Там же.

³ Halil Paşa. Bitmeyen savaş. (Халил-паша (Кут). Бесконечная война.) İstanbul, 1972. С. 326.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 315.

⁵ Путница со званиями возникла, скорее всего, вследствие того, что Лордкипанидзе демонстративно носил «царские» погоны, а не погоны армии АДР, которые бы отражали его актуальное персональное воинское звание.

ской армии грузинского происхождения Лордкипанидзе¹. Выполнение распоряжения, не обладавшего формальными полномочиями Халил-паши, он, скорее всего, счел предательством. По воспоминаниям командующего отрядом советских бронепоездов М.Г. Ефремова, накануне начала операции у него состоялась встреча с Лордкипанидзе, по всей видимости из-за перебежчика-аскера. В конце беседы присутствовавший на ней А. Микоян в шутку предложил Лордкипанидзе перейти на службу в Красную армию. «Не поддается описанию, с какой надменностью и злобой ответил Кипанидзе² тов. Микояну. Понеслась невероятнейшая брань Кипанидзе и сопровождавших его офицеров по адресу Красной армии и Советской власти... Потребовалось минут двадцать на то, чтобы “мирно” уладить этот инцидент», — вспоминал впоследствии Ефремов³. Кстати, командир отряда бронепоездов в своих воспоминаниях впоследствии писал: «почему к князю Кипанидзе прибавлялось “лорд”, мне и до сего времени остается неизвестным»⁴.

Азербайджанский бронепоезд под командованием Лордкипанидзе был единственным подразделением азербайджанской армии, оказывавшим упорное сопротивление большевикам на всем протяжении железнодорожной линии Баку–Ялама. Впервые он дал бой у разъезда Ляджет южнее ст. Ялама⁵. После артиллерийской дуэли начал

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 944.

² Ефремов полагал, что «лорд» — это титул князя Кипанидзе, а не часть фамилии Лордкипанидзе.

³ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 85.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

отступать. Затем бронепоезд не подчинился делегации Халил-паши, пытался поджечь железнодорожные мосты. Все прочие части армии АДР сопротивления большевикам практически не оказывали¹.

Основные силы армии АДР на северном направлении, согласно схеме расположения вооруженных сил Азербайджана, составленной, по всей видимости, под руководством сохранившего свой пост начштаба Гайтабаши², вскоре после переворота в Баку, находились в районе Худат-Хачмаз. Непосредственно у моста через пограничную реку Самур стояла слабая застава из 20 жандармов. В нескольких километрах южнее, на станции Ялама, размещалась конница общим числом до 150 сабель для контроля границы «разъездами» (её в темноте Ефремов принял за англичан)³. В районе Худат-Хачмаз находилось 800 аскеров под командованием полковника Туманова (Туманишвили)⁴ и отряд из 200 турецких добровольцев⁵. Эти же сведения о численности азербайджанских войск в районе Самура подтверждаются разведсводкой XI армии от 21 апреля 1920 года⁶. Кроме того, АДР располагала 200 аскерами в Кубе⁷. Правда, о боевых качествах данных частей командарм Левандовский был очень плохого мнения. В телеграмме Орджоникидзе он писал, про войска АДР —

¹ Продвижение по Петровской линии // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 18.

³ Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968. С. 92.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 944.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 206. Л. 15.

⁶ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 944.

⁷ Там же.

на северном направлении: «ни черта у них нет. Все что есть — разбежится»¹.

Так или иначе, этих сил вместе с бронепоездом могло было бы хватить, чтобы задержать продвижение оторвавшихся от собственных пехотных и кавалерийских частей советских бронепоездов. При условии, если бы аскеры и турецкие добровольцы оказали полноценное сопротивление.

Аскеры, стоявшие в Кубе, сопротивления не оказали. Об их судьбе мы узнаем из оперативной сводки конкорпуса. 27 апреля в 16:00 Куба была взята без боя. Две роты аскеров 4-го Кубинского полка сдались в плен в нескольких километрах от города в селе Чартепе. В самом городе в плен сдалось 60 аскеров и 6 офицеров².

После того как первый большевистский бронепоезд пересек Самур без происшествий, жандармы были застигнуты врасплох и без сопротивления разоружены. Только один успел вскочить на лошадь и скрыться³. Затем в полуверсте перед ст. Ялама в час ночи бронепоезд столкнулся с двумя ротами Кубинского полка при двух орудиях и эскадром конницы, которые задержали продвижение на час. В этом бою отряд понес свои единственные в тот день потери⁴.

Бронепоезд Лордкипанидзе впервые дал бой у разъезда Ляджет уже южнее ст. Ялама⁵. Затем он отступал до Баку, неоднократно пытаясь задержать большевиков и раздобыть пути.

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 13.

³ Мусабеков Г. Избранные статьи и речи. Т. I. Баку, 1960. С. 36.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

Судя по данным разведуправления XI армии, после распоряжения Халил-паши и ухода со станции Хачмаз в команде азербайджанского бронепоезда произошел раскол, так как часть аскеров сдались на ст. Дивичи¹, т.е. в 100 км от Баку. Сам бронепоезд Лордкипанидзе ушел к Баку и, получив приказ по возможности задержать большевиков, дал последний бой недалеко от узловой ст. Беладжары (Биладжари) — на станции Хырдалан в 9 часов вечера, попытавшись в очередной раз разобрать путь².

О судьбе ушедшего на Баку азербайджанского бронепоезда Казыхан знать не мог. В тот день поручик со своим начальником Прозоровым были обезоружены на ст. Хачмаз, куда их пассажирский поезд пришел вместе с советскими бронепоездами. «...Как отношение, так и обращение красноармейцев с нами и с пассажирами были в высшей степени корректное и предупредительное», — пишет Казыхан в своем рапорте. Командир бронепоезда «Красная Астрахань», тов. Богданов³, обезоруживший Казыхана и Прозорова, обещал вернуть отобранное в Баку, «если азербайджанцы не окажут им сопротивление».

К счастью для Казыхана, сопротивление оказано не было. Командование большевистских бронепоездов ожидало, что их ждет бой у ст. Беладжары (Биладжари), где армией АДР были заранее подготовлены позиции. По воспоминаниям одного из участников рейда Мусабекова, после Сумгайита головной поезд «III Интернационал» двигался медленно, постоянно простреливая возможные позиции и ожидая нападения из засады. Но в окопах никого не было⁴. Только бронепоезд Лордкипанидзе попытался

оказать сопротивление¹. По сообщению «Известий Временного Революционного Комитета Азербайджана» на станцию Беладжары (Биладжари) поезда вошли в половине четвертого утра². К тому моменту парламент АДР уже проголосовал за передачу власти большевикам, а все части в Баку либо перешли на сторону коммунистов, либо были блокированы.

На следующий день, 28 апреля, в Хачмаз прибыл поезд командующего XI армией Левандовского, на котором Казыхан и Прозоров поехали теперь уже в столицу советского Азербайджана³.

Оружие поручику Казыхану, по всей видимости, вернули. Судя по переписке, хранящейся в РГВА, за него вступились и его непосредственный начальник, и сам военмор Ильдрым. Дело дошло до командарма Левандовского и Реввоенсовета XI армии, которые потребовали от начальника отряда бронепоездов Ефремова все вернуть⁴.

Начальник боевого участка железных дорог XI армии тов. Ефремов М.Г. за «блестящее выполнение боевого приказа о взятии гор. Баку» был награжден приказом № 212 от 24 мая Реввоенсовета Армии именной саблей⁵, а также орденом Красного знамени⁶.

Халил-паша сопровождал советские части и агитировал азербайджанских аскеров против борьбы с большевиками: «Красная армия, не встречая сопротивления, прошла станции Самур, Хачмаз, Чархи и продолжает движение. Обошлось без кровопролития. Но в других местах

¹ Продвижение по Петровской линии // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Там же. С. 2.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 2.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 1.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 9. Ед. хр. 86. Л. 205.

⁶ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 4.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 940.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 531.

⁴ Мусабеков Г. Избранные статьи и речи. Т. I. Баку, 1960. С. 36–37.

оказание сопротивления может стать причиной кровопролития. В Азербайджане в основном сохранится власть независимой народной республики. Нет причин для беспокойства и паники, всем следует сохранять спокойствие и сидеть тихо. Антанта — враг мусульманства — хочет, чтобы между нами и советской Красной армией пролилась кровь. Кровавые события в Стамбуле и Измире показали, в какой степени англичане являются врагами мусульман»¹. Пробыв некоторое время после переворота в Баку и осознав, что делать ему теперь там нечего, он поехал в Москву².

Троих красноармейцев, погибших во время обстрела пограничной станции Ялама от преждевременного подрыва снаряда, похоронили с почестями 30 апреля в Баку как «жертв пролетарской революции»³. Командира десантных рот, приданных отряду бронепоездов, наградили посмертно орденом Красного знамени⁴.

Что стало с командиром азербайджанского бронепоезда Лордкипанидзе, выяснить не удалось.

¹ Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана (1919–1920 гг.) // Кавказ&Глобализация. Т. 4. Вып. 1–2. С. 245–246.

² Halil Paşa. Bitmeyen savaş. İstanbul, 1997. С. 327.

³ Жертвы пролетарской революции // Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 1.

⁴ Празднование 1 мая // Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 4.

ГЛАВА 2. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

В то время, когда первый большевистский бронепоезд с говорящим названием «III Интернационал» пересек в ночь с 26 на 27 апреля 1920 года мост через реку Самур, Баку мирно спал. В гостинице «Метрополь» шел банкет, устроенный грузинской миссией для представителей азербайджанского правительства. После 12 часов ночи информация о переходе Красной армии в наступление привела всех присутствовавших в замешательство. Представители грузинской миссии покинули своих гостей и засобирались на вокзал¹. Однако события развивались столь стремительно, что бежать из Баку не успел никто. Грузинская миссия, так же как и миссии прочих зарубежных стран и даже английские военные чиновники, ехавшие через Баку транзитом в Персию, была арестована большевиками².

ВМЕСТО ПРОЛОГА

После получения сообщения о взятии Красной армией ст. Худат военный министр Самедбек Мехмандаров направил начальнику Гянджинского укрепрайона Джавадбеку Шихлинскому телеграмму следующего содержания: «Большевики напали на ст. Ялама, продвигаются дальше,

¹ Последний банкет // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Гасанлы Дж.П. История дипломатии азербайджанской Республики: в 3 т. Т. II: Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013. С. 76.

заняли Худат, положение критическое. Приказываю сегодня же выслать в Кызыл-Бурун из Казаха один батальон, из Гянджи один батальон, по возможности каждый силою не менее 500 штыков с пулеметами; подвижной состав уже подан. О времени выступления телеграфируйте, ожидаю прибытие этих батальонов завтра»¹. В тот же день в направлении Баку вышли два азербайджанских бронепоезда, курсировавших на линии Баку–Актафа². Добраться в Баку они не успели. Авиаразведка XI армии 30 мая обнаружит один азербайджанский бронепоезд сошедшим с рельсов в Сангячалах, а другой на ст. Аджикабул³.

Несмотря на занятие большевиками приграничных станций, с военной точки зрения положение Баку не выглядело критичным. В Бакинской бухте стояли два современных военных корабля «Карс» и «Ардаган», акватория бухты простреливалась мощной береговой артиллерией. В районе пригородной узловой станции Беладжары (Биладжари) были подготовлены позиции с проволочными заграждениями и окопами. В самом городе стояли части 7-го Ширванского полка. Кроме того, руководство АДР могло рассчитывать на добровольческий полицейский вспомогательный полк «Ярдым Алай», офицеры в котором были турки, на добровольческие турецкие формирования, на курсантов военных учебных заведений, охрану парламента. Общая численность войск АДР в районе Баку 27 апреля составляла более 3 тысяч бойцов⁴, не считая полицейские части, которые также могли бы быть использованы. Советские бронепоезда отряда Ефремова сопровожда-

¹ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С. 375.

² Там же. С. 376.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 943. Л. 1.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 206. Л. 6–7.

ли только две роты пехоты: гарнизон Баку имел возможность без труда их задержать на укрепленных позициях в районе узловой станции Беладжары (Биладжари). Азербайджанский флот, выйдя из Бакинской бухты, мог практически безнаказанно обстреливать железнодорожную линию Баку–Петровск, которая идет вдоль берега моря, и если не уничтожить советские бронепоезда, то как минимум сделать невозможным их продвижение вперед. Баку имел ресурсы, чтобы обороняться от внешних врагов несколько дней: основным силам XI армии, двигавшейся от реки Самур к Баку, требовалось преодолеть 200 километров. Этого времени хватило бы для эвакуации правительства в Гянджу, подхода подкреплений из Карабаха.

Оказание помощи Азербайджану в борьбе с большевиками рассматривала Грузия¹. На специальном заседании Учредительного собрания председатель правительства Ной Жордания заявил: «27 апреля азербайджанское правительство сообщило нам о том, что большевистские войска подошли к границе и просили военной помощи. Мы поставили вопрос, хочет ли азербайджанский народ вести борьбу с большевиками и примет ли он на себя основную тяжесть? В таком случае мы будем обязаны оказать ему помощь не только в силу договора, но и политически и морально». Однако грузинская армия не пришла на помощь Азербайджану. Ной Жордания так объяснил это решение: «В час дня мы получили сведения, что большевики вошли в Хачмас, а в семь часов вечера они уже были в Сангаите (прим.: Сумгийите), около Беладжар (Биладжар), т.е. за шесть часов они прошли сто верст. Тогда мы поняли, в чем дело. Мы сказали: большевики идут с быст-

¹ Махарадзе Н.Б. Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси, 1965. С. 340–341.

ротой скорого поезда, без боев, значит, с согласия Азербайджана. Пришли с совершенно незначительными силами, с двумя бронепоездами, заставить их отступить и захватить поезда могла небольшая сила, но так как не было такого желания, то вступление большевиков в Азербайджан превратилось в простую прогулку»¹.

Действительно, власть большевики в Азербайджане взяли без боя.

Один день в Баку

Часто в исторической литературе встречаются описания вооруженного восстания в Баку 27 апреля. Обычно они опираются на воспоминания большевиков. Однако анализ источников, создававшихся непосредственно в те дни, говорит о том, что 27 апреля ни о каком восстании в Баку не могло быть и речи. Первые номера официальной газеты красного Азербайджана «Известия Временного Революционного Комитета» рисуют нам картину, противоположную той, которая часто изображается в исторической литературе². Ни о каком пении Интернационала на улице 27 апреля не могло быть и речи. Вот как описывают «Известия...» этот день: «С вечера 27 апреля в городе стала чувствоваться особая напряженная атмосфера. Улицы были заполнены народом. Собирались кучками. Перешептывались. Весть о приближении советских войск, о занятии ст. Хачмаз быстро облетела город. Обывательское население города тревожно мечтало: только бы не было

¹ Махарадзе Н.Б. Победа социалистической революции... С. 340–341.

² Дарабади П. Военно-политическая история Азербайджана (1917–1920 годы). Баку, 2013. С. 250.

вооруженных столкновений. И ложилось спать в тревоге. Твердая уверенность захватила зато все рабочие районы. У рабочих не было ни сомнений, ни колебаний. Власть будет наша. Город засыпал, еще не зная, какой будет переход власти и каковы будут последствия». Особое внимание следует обратить на то, что напряжение на улицах Баку стало чувствоваться «с вечера».

В подтверждение отсутствия заметных признаков восстания в Баку 27 апреля говорит и то, что на следующий день, 28 апреля, утром вышли номера небольшевицких газет, в которых ни словом не упоминаются какие-либо события на улицах Баку¹. В том числе в тот день вышел последний номер официальной газеты «Азербайджан». Сам факт того, что газеты были отпечатаны, говорит о том, что большевики в ночь с 27 на 28 апреля не контролировали типографии и редакции.

Видимо, не контролировали они и радиостанцию, так как отправленная радиотелеграфистом Бадановым телеграмма с призывом к Советской России оказать помощь восстанию в Баку, исходя из её содержания, должна была быть выслана не раньше вечера 27 апреля². А Баданов, указав датой отправки в своих воспоминаниях 26 апреля, просто ошибся, что свойственно этому типу исторического источника.

Первая большевицкая газета выйдет в Баку только 29 апреля. Она состояла всего из одного листа. Редактор оправдывался, что выпуск в печать готовился в спешке: «Ввиду спешного выпуска первого номера “Известий” редакция не имела возможности осветить полностью все

¹ Голос России. 1920. 28 апр. № 89.

² Баданов И. Подпольная работа комьячейки Бакинской Радиостанции в 1919 г. // Из прошлого. Баку, 1924. С. 85–86.

этапы совершавшейся революции. Подробности будут сообщены нами в ближайших номерах газеты»¹.

Сравнивая макеты первых номеров «Известий Временного Революционного Комитета» и правительственной газеты АДР «Азербайджан», можно сделать предположение, что технический персонал редакции у них был один и тот же. Подтверждение этому мы видим внизу второй страницы первого номера «Известий...», где имеется подпись: «типография Ревкома, бывш. газ. «Азербайджанъ». По всей видимости, многие пишущие журналисты «Азербайджана» также первое время остались на своих местах: в половине материалов, особенно имеющих информационный, а не пропагандистский характер, используется дореволюционная орфография, а в другой половине — новая. Сохраняется в газете и рекламный блок, в котором печатаются афиши театров и объявления практикующих врачей².

Только говоря о 28 апреля, а не 27-м, журналисты «Известий...» отмечают, что этот день «внес бодрое оживление во все уголки Баку» и что «на улицах наблюдаются обычные картинки революционных переворотов».

Сомнения вызывает приводимая в современной исторической литературе³ информация о формировании боевых дружин 27 апреля и вооружении их заранее. Все статьи первого номера «Известий...» от 29 апреля указывают на то, что дружины начали формироваться 28 апреля. Так, в заметках «На защиту новой власти» и «Формирование

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Там же.

³ Дарабади П. Военно-политическая история Азербайджана (1917–1920 годы). Баку, 2013. С. 248–253.

дружин» говорится, что вчера, т.е. 28 апреля, было произведено изъятие винтовок в Баку со всех полицейских участков и производилась спешная запись в рабочие и студенческие дружины¹.

В заметке «Известий...» от 30 апреля, посвященной работе Объединенного союза (профсоюзов), говорится о том, что 27 апреля утром им позвонили из Совета профессиональных союзов и предложили разойтись, оставив несколько дежурных, так как Красная армия перешла границу и возможны налеты полиции на рабочие организации. Налетов не было, и полиция была разоружена 28 апреля². Тем не менее 27 апреля «работники коммунисты разошлись по своим заранее определенным местам».

О положении в Баку 27 апреля красноречиво говорит также то, что даже в 9 вечера генерал-губернатор Баку Тлехас продолжал уверять журналистов в том, что город находится под контролем и всякие незаконные собрания будут пресекаться³. Однако, как саркастически отметил один журналист, в канцелярии «почему-то справлялись, есть ли ... русские паспортные книжки»⁴.

Сложно себе в этом контексте представить картины из книги «Чингиз Ильдрым» И. Кятибли⁵, которые впоследствии перекочевали в учебную и популярную литературу. Как бакинцы и журналисты могли не заметить красные флаги на военных кораблях Азербайджанского флота,

¹ «На защиту новой власти» // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Рабочая жизнь // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

³ Перед переворотом // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Кятибли И. Чингиз Ильдрым. Баку, 1964. С. 63–65.

да еще и 27 апреля в 10 утра? Как можно было не обратить внимания на разоружение в тот же день полицейского участка?¹

Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что 27 апреля в Баку восстания не было: по городу медленно распространялись слухи о переходе Красной армии в наступление. Как впоследствии писал М.Э. Расулзаде: «Часть действующих в Баку османских турок невольно вводили людей в заблуждение такими словами: “Приближающуюся Красную армию возглавляет тюрок по имени Ниджат-бек. Полки этой армии составлены из тюрок. Большое количество солдат родом из тюрок Поволжья. Эта армия идет на помощь Анатолии, борющейся со смертельным врагом. Сопротивление, оказанное этой армии, будет равносильно помехе спасению Турции. С точки зрения великотюркского единства и мусульманской общности это равносильно предательству”»².

О подобных слухах можно прочесть также у других свидетелей тех событий. Вот что пишет турецкий офицер, находившийся в Баку: «Большевики, не имевшие никакого влияния и авторитета среди населения, на подходе к Баку, испытывая потребность успокоить народ, посредством Революционного Комитета распространяли информацию, будто Красная армия идет на помощь Анатолии, что турки и большевики — союзники, что комиссары исповедуют мусульманство, что губернатором Баку и комендантом назначен Рыфат-бек из османских офицеров и что Красная армия несколько дней погостит в городе, а затем пойдет в поход на Армению. Османские офицеры и учителя на автомобилях объезжали улицу за улицей, распростра-

¹ Кятибли И. Чингиз Ильдырым. Баку, 1964. С. 64.

² Resulzade M.E. Azerbaijan cumhuriyeti. Ystambul, 1990. С. 86.

няя эту дезинформацию, сбивая народ с толку, и добились своего»¹.

В действительности в составе наступавших на Баку частей был лишь сформированный из добровольцев-мусульман отдельный шариатский полк под командованием тюрка-азербайджанца, уроженца Казахского уезда Елисаветпольской губернии, Зульфигара Ахундова².

В это время правительственные учреждения АДР в частном порядке готовились к эвакуации в Гянджу...³

Около полудня (по другим данным, приведенным Буният-Заде, это произошло в 4 часа дня)⁴ делегация большевиков во главе с Гамидом Султановым поставила парламенту ультиматум о передаче власти в 12-часовой срок⁵. В последнем номере официальной газеты АДР «Азербайджан», вышедшей уже 28 апреля, содержится информация о попытке создать из лидеров парламентских партий (М.Э. Расулзаде, К. Карабекова, А. Сафикюрдского, С.А. Агамалова, А. Кардашева) комитет во главе с М.Г. Гаджинским с чрезвычайными полномочиями для поиска компромисса с большевиками⁶.

Но бакинские большевики не планировали идти ни на какие компромиссы. Во-первых, компромисс с меньшевистскими политическими силами противоречил при-

¹ Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана (1919–1920 гг.) // Кавказ&Глобализация. Т. 4. Вып. 1–2. С. 246.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 66. Л. 1–3.

³ Неудачная попытка // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

⁴ Митинг в Маилловском театре // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

⁵ Искендеров М.С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. Баку, 1958. С. 441.

⁶ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Парламент: стенографические отчеты). Баку, 1998. С. 520.

нятому ранее решению Кавказского краевого комитета РКП(б)¹. Во-вторых, они понимали, что в Баку нет сил, готовых защищать лидеров «Мусавата» и оказывать сопротивление большевикам.

Глава парламентского комитета, созданного для ведения переговоров, Мамед Гасан Гаджинский стоял за внешнеполитическую ориентацию Азербайджана на Россию, независимо от того, какой она будет: красной или белой, — и задолго до переворота пытался наладить контакт с бакинскими большевиками². В начале апреля 1920 года, когда победа красных в Гражданской войне в России стала очевидной, Гаджинский попытался создать коалиционный с бакинскими большевиками кабинет министров. Получив отказ от коммунистов, по воспоминаниям А.Г. Караева, Гаджинский заявил ему, что теперь он сам является большевиком, и даже получил об этом письменное подтверждение за подписью М.Д. Гусейнова³.

В начале апреля 1920 года на контакт с коммунистами вышли заместитель министра обороны АДР, один из отцов-основателей Азербайджанской армии и, в прошлом, активный участник борьбы с Бакинской коммуной, Али-Ага Шихлинский⁴, а также представитель наиболее боеспособных азербайджанских частей Карабахского отряда Велибеков, действовавший от имени генерал-губернатора Карабаха Хосров-бека Султанова и Нури-паши⁵.

Министр обороны Азербайджана Самедбек Мехмандаров если не искал контакта с большевиками, то находился во фронде к мусаватистам. Показательно, что, не-

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–10.

² Караев А.Г. Из недавнего прошлого. Баку, 1926. С. 121.

³ Караев А.Г. Из недавнего прошлого. Баку, 1926. С. 116.

⁴ Там же. С. 118–119.

⁵ Там же. С. 123.

смотря на принятый в армии АДР головной убор — папаху, Мехмандаров продолжал демонстративно носить генеральскую фуражку «царского» образца, за что получил язвительное прозвище «министр в фуражке»¹. Такая позиция министра обороны была замечена большевиками. По воспоминаниям сына генерала, отец, вернувшись домой после последнего заседания парламента АДР 27 апреля, заявил, что представитель большевистской фракции в парламенте имел с ним разговор, что против своего народа он не выступал и что уходить со своей родины не собирается². После прихода к власти коммунистов 28 апреля Мехмандаров передал все дела Военкоммору Ч. Ильдарыму. В своем последнем приказе он призвал всех своих бывших подчиненных продолжать служить Азербайджану при новой власти: «Сего числа я сдал свою должность вновь назначенному советской властью военному и морскому комиссару Чингиз(у) Ильдарым(у). Объявляя об этом, я на прощанье выражаю свою сердечную благодарность всем моим дорогим сослуживцам за их честную и доблестную службу. Не сомневаюсь, что они и при новой власти также будут служить честно и доблестно на благо всем нам дорогого Азербайджана. Прощайте, от всей души и от всего сердца желаю всем вам, от самого старшего до младшего аскера, всякого благополучия, успеха и счастья как в трудовой, так и в семейной жизни. Дайто Бог»³. Позицию Мехмандарова по отношению к произошедшему в ночь с 27 на 28 апреля в Баку перевороту хорошо характеризует и то, что уже после падения пра-

¹ Абасов А.Т. Генерал Мехмандаров. Баку, 1977. С. 63.

² Абасов А.Т. Генерал Мехмандаров. Баку, 1977. С. 64.

³ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С. 184.

вительства «Мусавата» он беспокоился о сохранении армейского имущества и столь ценившейся им дисциплины, объявив ответственными за хищения всех офицеров частей, где они произойдут¹. После Гянджинского восстания Мехмандаров был арестован. Затем по рекомендации Наримана Нариманова был направлен в Москву и долгие годы служил в Красной армии.

Бакинские промышленники также имели надежду договориться с большевиками. Незадолго до переворота представитель Кавказского краевого комитета РКП(б) Нанейшвили и ведший переговоры о поставках нефти в Россию Соловьев телеграфировали в Москву, что «буржуазия (прим.: бакинская) ничего не имеет даже против советской власти, лишь бы правительство было составлено из мусульман»².

В марте — начале апреля 1920 года коммунисты всеерьез опасались сценария, при котором им досталось бы пепелище вместо бакинских нефтяных промыслов³. Однако если принять предположение о том, что нефтепромышленники были не против прихода коммунистов к власти в Баку, в ином свете рисуется ситуация с охраной нефтепромыслов 27 апреля от возможного их уничтожения мусаватистами при подходе Красной армии и восстании бакинских рабочих.

Не в пользу руководства АДР в апреле складывалась и внутривнутриполитическая ситуация в стране. Вторая по численности фракция парламента — партия исламистов-федералистов «Иттихад» — все больше склонялась к союзу с большевиками. Показательно, что в первые дни после пе-

¹ Азербайджанская демократическая республика... С. 183.

² ГАРФ. Д. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 21.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 4.

реворота в Баку «Иттихад» по собственной инициативе объявила о прекращении всякой деятельности и признании «работы партии Коммунистов в деле освобождения мусульманства вполне исчерпывающей главными цели партии «Иттихад»»¹. Даже «левое крыло» партии «Мусават» 27 апреля организует чрезвычайное собрание, на котором признает власть большевиков и заявит об их поддержке,² не говоря уже о социалистах всех мастей³.

Османские турки, которых было много в армии и добровольческих военизированных формированиях АДР, к концу апреля 1920 года уже давно нашли общий язык с большевиками⁴. Сближение между кемалистской Турцией и Советской Россией произошло на почве совместной борьбы с Антантой. В надежде получить военно-техническую помощь Турция оказалась готова способствовать продвижению Красной армии на Южном Кавказе⁵.

В телеграмме, отправленной Ордженикидзе бакинским большевиком Квантилиани, по всей видимости в понедельник 19 апреля из Петровска (Махачкалы), говорится следующее: «Кавказский краевой комитет нашел связь с турецким национальным движением и установил между нами известный контакт. Действия всех турок, находящихся в Баку, получили от комитета турецкого национального движения распоряжение работать только по указаниям и директивам Кавказского краевого комитета»⁶.

¹ Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 2.

² Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 2.

³ Коммунист. 1920. 1 мая. № 1. С. 4.

⁴ Karabekir K. Ýstiklal Harbimiz (Карабекир К. Наша борьба за независимость), С. II: Ýstambul, 1960. С. 681–683.

⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 725.

⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 4.

Части, которыми командовали турецкие офицеры, 27 апреля перешли на сторону коммунистов. Вокзал был занят в тот день около 11 часов вечера¹ не восставшими рабочими, а именно группой турецких аскеров-добровольцев под предводительством «турецкого офицера»², который был впоследствии награжден орденом Красного знамени³.

Правда, вопреки устоявшемуся в литературе мнению, основанному на телеграмме Орджоникидзе⁴, турецкий офицер был ненастоящий. Сопоставляя источники, можно сделать вывод, что этим «турецким офицером» был 21-летний большевик Абид Ахмедович Алимов⁵, поволжский татарин родом из Пензенской губернии. Член РКП(б) с 1918 года. Участвовал в вербовке турок-военнопленных. Весной 1920 года Алимов прибыл в Баку с Туркестанского фронта и, скорее всего, был снабжен местными кемалистами документами. Так он стал «турецким офицером»⁶. Алимов был одним из тех, кто подписывал первые воззвания бакинских большевиков от имени Временного Революционного Совета⁷ и, по всей видимости, руководил действиями перешедших на сторону коммунистов турок и азербайджанских аскеров во время переворота в Баку.

¹ Неудачная попытка // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12. Л. 10.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 1.

⁶ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 445–446.

⁷ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

О степени проникновения пробольшевистски настроенных элементов во все властные структуры АДР красноречиво говорит факт того, что начальником торгового порта Баку был один из лидеров восстания Чингиз Ильдырым. В 1919–1920 годах им была организована контрабанда нефтепродуктов в красную Астрахань. Авиационный керосин переправлялся в бидонах на рыбацких шаландах¹.

Весной 1920 года Чингиз Ильдырым, пользуясь своим положением, способствовал большевистской пропаганде на военно-морских судах АДР, формированию коммунистических ячеек на канонерских лодках «Карс» и «Ардаган»². Ему удалось 27 апреля обезвредить береговые батареи Бакинской бухты, сняв с орудий замки и нарушив связь. Благодаря этому около 8 часов вечера³ (но никак не утром) того же дня боевые корабли «Карс» и «Ардаган», находясь на рейде Бакинской бухты и ничего не опасаясь, подняли красные флаги и объявили о поддержке большевиков. Чингиз Ильдырым вручил отдельный ультиматум парламенту с требованием передачи власти от имени азербайджанских моряков⁴.

В продолжение дня 27 апреля в руководстве Азербайджана выдвигались разные проекты сопротивления Красной армии, в том числе установления диктатуры в стране. На роль «диктатора» прочили министра путей сообщения Мелик-Асланова, министра обороны Мехмандарова⁵.

¹ Красовский С.А. Жизнь в авиации. М., 1960. С. 58–59; Лукьяненко Я. В подполье Азербайджана // Из прошлого. Баку, 1924. С. 96.

² Из прошлого. Баку, 1924. С. 99.

³ Митинг в Маиловском театре // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

⁴ Из прошлого. Баку, 1924. С. 100.

⁵ Караев А.Г. Из недавнего прошлого. Баку, 1926. С. 125.

Но время шло. Лидеры «Мусавата» получали сообщения одно другого хуже. Вот Красная армия заняла станцию Хачмаз. Вот на сторону большевиков перешли корабли военно-морского флота — канонерские лодки «Карс» и «Ардоган», вот части руководимого турецкими офицерами-кемалистами добровольческого полицейского полка «Ярдым алай», на который возлагалось столько надежд в борьбе с большевиками, перешли на сторону коммунистов. Вот турецкие добровольцы поддержали переворот и заняли вокзал, отрезав пути к эвакуации в Гянджу. Вот и части 7-го Ширванского полка заявили, что не намерены проливать кровь за «мусаватистов».

В 20 часов 45 минут М.Ю. Джафаров открыл последнее заседание парламента АДР. Распространено мнение, что оно началось с выступления министра обороны АДР Мехмандарова. В мемуарах С.А. Красовского сохранилась байка о том, каким был его ответ на вопрос о способности армии сдержать наступление неприятеля: «Какого противника вы имеете в виду? Если дашнаков или меньшевиков (прим.: грузинских меньшевиков), то можно надеяться, но если имеется в виду Красная армия, то наших сил хватит только на минуты»¹.

В опубликованной стенограмме последнего заседания парламента АДР упоминания о выступлении Мехмандарова нет². По всей видимости, оно имело место ранее днём, когда создавался комитет Гаджинского для переговоров с большевиками и когда только стало известно о занятии большевистскими бронепоездами станции Хачмаз.

¹ Красовский С.А. Жизнь в авиации. М., 1960. С. 70.

² Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Парламент: стенографические отчеты. Баку, 1998. С. 520.

По предложению М.Э. Расулзаде заседание парламента проходило в открытой форме, дабы «нация знала, в каком положении принимается это решение».

Первым выступил глава комитета по переговорам с большевиками М.Г. Гаджинский. В то время когда генерал-губернатор Баку Тлехас рассказывал журналистам о том, что ситуация в городе находится под полным контролем, Гаджинский с трибуны парламента заявил, что реальное положение всем хорошо известно и не требует описания, что большевики отказываются идти на какие бы то ни было компромиссы и требуют немедленной передачи им власти. Единственное, на что согласились коммунисты, — это дать отсрочку парламента в принятии решения о самороспуске до следующего утра¹. Если в течение ночи большевики не получают ответа, они угрожали начать вооруженное восстание и запретить деятельность всех политических партий Азербайджана.

После Гаджинского выступили социалисты (С.А. Агамали оглы, А. Сафикюрдский), иттихадисты (К. Карабеков и С.М. Ганизаде), лидер «Мусавата» М.Э. Расулзаде.

Социалисты настаивали на трактовке происходящих событий как передачи власти от партии «Мусават» большевикам. Агамали оглы в воспоминаниях приводит текст своего выступления: «Никто не осмелится затеять какое-либо сопротивление, никто не осмелится подвергнуть разрухе город и пролить напрасно кровь невинных. Ни капли крови. И за что? За то, что происходит перемена власти и взамен Усуббекова, Хойского и прочих сторонников дармодов и бездельников (прим.: имеются в виду помещики и буржуазия) у власти станут Нариманов, Мирза Давуд и

¹ Изначально большевики требовали передать власть к 7 вечера.

другие, то есть сторонники интересов рабочих и крестьян. Кто осмелится сопротивляться... Надо спешить — время дорого»¹. С подобной трактовкой были согласны и представители других партий, в частности иттихадисты².

Кроме того, национально ориентированные, протурецкие и религиозные круги азербайджанского общества рассматривали приход Красной армии как часть борьбы народов Востока, мусульман с западными колонизаторами, а не как возвращение русских империалистов³. Этому способствовала позиция находившихся в Баку турок, считавших, что «Мусават» ищет поддержки у Антанты, а Красная армия идет на помощь революционной Турции.

Около 11 часов ночи 27 апреля практически все депутаты парламента АДР, в том числе и от партии «Мусават», проголосовали за передачу власти большевикам, поставив условия:

«1) что сохраняется полная независимость Азербайджана, управляемого Советской властью;

2) что созданное правительство Азербайджанской коммунистической партии будет временным органом;

3) что окончательная форма управления Азербайджана, независимо от всяких внешних давлений, определяется высшим законодательным учреждением Азербайджана в лице Совета рабочих, крестьянских и аскерских депутатов Азербайджана;

4) что остаются все служащие правительственных учреждений на своих местах, замещаются только лица, занимающие ответственные посты;

¹ Искендеров М.С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. Баку, 1958. С. 441–442.

² От мусульманской партии «Иттихад» // Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 2.

³ Там же.

5) что новообразовавшееся коммунистическое временное правительство гарантирует неприкосновенность жизни и имущества членов правительства и Парламента;

6) что примет меры к недопущению вступления Красной армии с боем в г. Баку и

7) что новое правительство будет бороться решительными мерами и имеющимися в его распоряжении средствами со всеми внешними силами, имеющими целью попортить независимость Азербайджана, откуда бы они не исходили»¹.

Эпилог

В ночь с 27 на 28 апреля на вокзале в Баку развернулись драматические события. Начальник азербайджанских железных дорог Мелик-Асланов признавал всю тяжесть положения и, готовясь к эвакуации в Гянджу, еще днем приказал сформировать специальный пассажирский поезд. К этому поезду был прицеплен вагон, нагруженный средствами Азербайджанского государственного банка в размере 96 млн рублей. Вечером, еще до завершения заседания парламента, Мелик-Асланов прибыл на вокзал вместе с начальником охраны железных дорог. Однако в 11 ночи их, уже севших в поезд, арестовали прибывшие представители большевиков во главе, по всей видимости, с А. Алимовым. Семья бывшего главы правительства Усуббекова была задержана в том же поезде, но вскоре отпущена. Самого Усуббекова с ними не было. Отрядом турок под руководством Алимова был также задержан еще

¹ Последнее постановление бывшего парламента о передаче власти // Коммунист. 1920. 6 мая. № 4. С. 3.

один сформированный служебный поезд, который планировал уйти в Гянджу¹.

Никому из первых лиц «мусаватистского» Азербайджана, равно как и представителям иностранных дипломатических миссий, покинуть Баку в ночь с 27 на 28 апреля не удалось. Генерал-губернатор Баку М.Г. Тлехас был арестован вместе с бывшим градоначальником Гудиевым, начальником контрразведки Шахсуваровым, как, по выражению журналистов «Известий...», «душители рабочих»².

В половине 4-го утра на станцию Беладжары (Биладжари) вошли бронепоезда Красной армии³.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ДНИ АССР

Коммунист-подпольщик, моторист бакинской береговой радиостанции Иван Баданов в 1922 году опубликовал свои воспоминания о ночи, когда произошел переворот: «Нам дают задание — во что бы то ни стало передать последнюю радиотелеграмму и затем, испортив радиостанцию, самим скрыться... Это делалось для того, чтобы в случае неудачи восстания правительство не могло снести по радио с Тифлисом и просить меньшевиков о помощи войсками... После совещания решили прибегнуть к крайнему средству. На радиостанции находились два радиотелеграфиста турка. Их вызвали в штаб турецкой кемалистской группы и посветили в тайну нашей подпольной организации; указали, что между Советским правительством и кемалистами есть связь по вопросу о советизации Закавказья и что через Закавказье Советская власть будет помогать кемалистам в борьбе их против Антанты. Турецко-кемалистский штаб дал инструкцию радиотелеграфистам Халилу и Вели исполнять мои задания. В ночь с 26 на 27-ое апреля нужно было передать в Москву радиотелеграмму о том, что в Баку произошел переворот и что мы просим ввести в Баку Красные войска. Я договорился с турецким телеграфистом, чтобы сегодня ночью он во что бы то ни стало на время заменил Азербайджанского контролера (прим.: сотрудника МВД) на дежурстве, а в это время мы передадим в Астрахань радиотелеграмму. Мы купили водку, Халил пригласил мусаватского контролера с дежурства в общежитие, а другой турок пошел его сменить. Без сомнения, они друг другу доверяли. И в это

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Аресты контрреволюционеров // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

³ Митинг в Маиловском театре // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

время, пока еще в Баку было мусаватское правительство, в Москву полетела радиотелеграмма: «Всем, всем, Москва. Ленину. В Баку совершен переворот. Мусаватское правительство свергнуто. Не имея возможности своими собственными силами остановить натиск контрреволюции, просим ввести Красные войска...»... Население Баку просыпается утром 28 апреля под звуки Интернационала. По улицам маршируют с Красными флагами и возгласами: «Да здравствует власть Советов»!.. Реввоенсовет 11-й армии постановил наградить за работу в подполье золотыми и серебрянными часами прямых и косвенных участников работы на радиостанции»¹.

Очевидно, Баданов по какой-то причине перепутал даты. Радиограмма была принята Астраханью в ночь с 27 на 28 апреля: командующий Каспийской флотилией Раскольников и чрезвычайной обороны Иван Бабкин передали её содержание в Москву именно тогда². Во всех без исключения именах в телеграмме, легшей на стол В.И. Ленину, были сделаны ошибки. Нариманов превратился в Нариманова, а Али-Гейдар Караев в Али-Гей Дакараева, что говорит об отсутствии подробных сведений о подготовке переворота в Баку у командования красными военно-морскими силами на Каспии.

Получение Москвой радиогаммы Времревкома 28 апреля подтверждается и косвенно. На следующий день, 29 апреля, о перевороте в Баку на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства заявил В.И. Ленин: «вчера же нами была получена вестъ из Баку, которая указывает, что положение Советской России направляется к лучшему; мы знаем, что наша промышленность

¹ Баданов И. Подпольная работа ком'ячейки Бакинской Радиостанции в 1919 г. // Из прошлого. Баку, 1924. С. 85–86.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 28.

стоит без топлива, и вот мы получили вестъ, что бакинский пролетариат взял власть в свои руки и сверг азербайджанское правительство»¹.

Радиотелеграмма была получена многими радиостанциями. О перевороте в Баку 28 апреля слышали и в Армении².

В РЕВКОМЕ

В ночь на 28 апреля 1920 года в опустевшее здание парламента въехал Временный Революционный Комитет Азербайджана в составе М.Д. Гусейнова, А.Г. Караева, Г. Султанова, Г. Мусабекова и А.А. Алимова (он же «турецкий офицер», блокировавший ранее со своими добровольцами вокзал)³.

Формального председателя Ревкома Наримана Нариманова ни во время переворота, ни в первые недели после него в Баку не было. Несмотря на неоднократные телеграммы Орджоникидзе с просьбой поторопиться⁴, Нариманов приедет в Азербайджан только 16 мая⁵.

В отсутствие Нариманова под всеми ключевыми распоряжениями новой власти в течение первой недели после переворота стоит подпись «председатель Ревкома Азербайджана Д. Гусейнов». В частности, Мирза Давуд Гусейнов в качестве председателя Ревкома подписал приказ № 1 по Бакинскому гарнизону, который объявлял о зачислении всех чинов бывшей армии Азербайджана в Красную

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. С. 332.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 2. Л. 2–4.

⁵ Встреча товарища Нариманова // Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 1.

армию и требовал снять погоны¹. Им же подписан Декрет о земле, опубликованный 5 мая².

Перед рассветом, около 4–6 утра на бакинский вокзал прибыл бронепоезд Красной армии «III Интернационал», на котором находились Г. Мусабеков, А. Микоян и Г. Джабиев³. По воспоминаниям Микояна, на вокзале их встречал Камо (Симон Аршакович Тер-Петросян, профессиональный революционер, работавший в закавказском большевистском подполье)⁴ и отвез на машине в здание бывшего парламента, где уже заседал Временный ревком и где происходило формирование новой власти красного Азербайджана.

Уроки воинствующе-интернациональной политики Баккомуны, преступного и трагического по своим последствиям компромисса с дашнаками в 1918 году большевики усвоили. Ревком составили исключительно из мусульман, что придавало дополнительную легитимность совершившемуся перевороту, демонстрировало приверженность большевиков политике права наций на самоопределение.

Окончательное распределение должностей во Временном ревкоме происходило ранним утром 28 апреля. Отдельные отзвуки рисуют картину случайного и ситуативного распределения должностей, серьезного кадрового голода, который испытывали большевики. Главой ревкома был объявлен один из оставшихся в живых комиссаров Баккомуны, представитель московских большевиков Нариман Нариманов, который в Баку приедет только в середине мая. Четыре наркомовских портфеля получили бакинские подпольщики-гумметисты Гусейнов, Султанов, Буниатзаде и

¹ Приказ № 1 // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

² Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 3.

³ Мусабеков Г. Избранные статьи и речи. Т. I. Баку, 1960. С. 36–37.

⁴ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 173.

Везиров. По одному портфелю досталось депутату-социалисту бывшего парламента АДР Караеву и прибывшему с большевистскими бронепоездами Мусабекову. И два портфеля получили «герои дня»: отличившиеся 27 апреля мятежом на флоте Чингиз Ильдырым и захватом во главе турецких добровольцев бакинского вокзала Абид Алимов.

Наркомвоенмора Чингиза Ильдырыма в изначальных списках членов ревкома на было. В переданной в ночь с 27 на 28 апреля радиограмме Времревком состоит из Н. Нариманова, М.Д. Гусейнова, Алимова и А.Г. Караева¹. Не было Ильдырыма и среди тех, кто подписывался под большевистским ультиматумом парламенту 27 апреля: Ильдырым подал парламенту отдельный ультиматум от имени азербайджанских моряков. По всей видимости, его бурная деятельность 27 апреля, восстание на флоте, равно как и отдельный ультиматум парламенту о сдаче власти, были «самодеятельностью», а не реализацией заранее подготовленного плана, спущенного сверху.

Среди всех наркомов Временного комиссариата он единственный входил в административную элиту Азербайджана до переворота, являясь начальником торгового порта Баку. Действиями 27 апреля он доказал большевикам свою нужность не только в качестве канала контрабандных поставок нефтепродуктов в Астрахань и по итогам дня явочным порядком оказался во главе революционного военно-морского флота. На следующее утро 28 апреля его статус был подтвержден членами ревкома, и гражданский инженер-металлист Чингиз Ильдырым, никогда не служивший в армии, стал официально наркомвоенмором с подчинением как всех морских, так и всех сухопутных войск «молодой республики»².

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 28.

² Во Временном революционном комитете // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

Чингиз Ильдырым был не единственным наркомом нового правительства Азербайджана, у которого отсутствовал опыт работы в той сфере, которой теперь предстояло руководить. Наркомом здравоохранения и призрения стал 20-летний «турецкий офицер», захвативший вокзал вечером 27 апреля А.А. Алимов¹, до революционных событий работавший пастухом в родной деревне в Пензенской губернии².

Не принципиально лучше с профессиональной квалификацией было и у других руководителей Советского Азербайджана. Должность народного комиссара промышленности и продовольствия занял прибывший с отрядом большевистских бронепоездов Газанфар Мусабеков, врач по образованию. Главой наркомата финансов стал Мирза Давуд Гусейнов, никогда в сфере финансов не работавший.

Отсутствие профессионального опыта у наркомов компенсировали их заместители, являвшиеся фактическими руководителями комиссариатов. Заместителем наркома финансов М.Д. Гусейнова стал финансист Насиб-бей Тагиев³. Заместителем наркома здравоохранения А.А. Алимова — бакинский врач общей практики, рекламу услуг которого мы можем найти в соответствующем разделе газет⁴, А.Г. Кязимов⁵.

У наркома промышленности доктора Мусабекова была сформирована целая коллегия замов⁶: нефтяной

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

² Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокиной. СПб., 2003. С. 445–446.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Известия Там же. С. 1.

⁶ Там же.

промышленностью и отправкой топлива в Россию поначалу занимался бывший председатель Главтопа РСФСР¹ Н.И. Соловьев², прибывший в Баку еще в начале апреля для переговоров с «мусаватистским» правительством и бакинской буржуазией. Продовольствием — И.Я. Мясин. Сельским хозяйством — бывший депутат парламента АДР С.А. Агамалиоглы.

Список заместителей тех наркомов, в чьей компетентности не могли не возникнуть сомнения, был опубликован в первом номере «Известий Временного Революционного Комитета Азербайджана».

ТРАНЗИТ ВЛАСТИ «НА МЕСТАХ»

После переворота на передний план в деятельности ревкома выступали вопросы обеспечения порядка. Один из первых приказов ревкома гласил: «Всем служащим в правительственных, общественных и частных учреждениях предписывается оставаться на своих местах и продолжать обычную работу»³. В Баку и его районах вводился комендантский час и сухой закон: любые передвижения по городу без специального разрешения после 9 часов вечера запрещались⁴.

Чрезвычайная комиссия была создана утром 28 апреля. Во главе ее стал бежавший за несколько часов до этого из Баиловской тюрьмы⁵ бакинский рабочий-металлист и неоднократно арестовывавшийся «мусаватистами», под-

¹ ГАРФ. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 10–14.

² Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3267.

польщик Андрей Емельянович Чураев¹. Биография его впечатляет: член РСДРП с 1903 года, участник восстания на крейсере «Очаков» в 1905 году и бывший «обороновец»², переметнувшийся к большевикам в 1919 году.

Комиссию по охране промыслов возглавил Сапунов³. На улицах Баку велась запись добровольцев в ряды Красной гвардии и раздавалось оружие⁴. Любые аресты и реквизиции без ордеров Г. Султанова или А. Чураева объявлялись незаконными⁵. Председателем Военно-революционного трибунала назначался Теймур Алиев⁶.

Передача парламентом власти ревкому не гарантировала успешного и бескровного признания свершившегося переворота «на местах» и в особенности силовыми ведомствами. Когда днем 28 апреля в Баку прибыл командующий XI армией Левандовский, он в высшей степени скептически оценил те ресурсы, которыми располагал Вревком. Ознакомившись с положением, он потребовал от всех своих частей, находившихся на марше, ускорить движение. В разговоре с командиром 28-й дивизии Левандовский сказал, что «реальной силы у ревкома нет»⁷. Эти слова Левандовского подтверждают, что массовое формирование добровольческих большевистских дружин в Баку началось только 28 апреля. В искренность же перехода на сторону большевиков частей армии АДР и турецких доб-

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3267.

² РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 1.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

⁵ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 1.

⁶ Коммунист. № 1. С. 3.

⁷ РГВА. Ф. 195. Оп. 4. Ед. хр. 252.

ровольцев Левандовский не мог поверить, равно как он ранее не верил в искренность пробольшевистских действий Халил-паши. Подразделения Красной армии войдут в Баку 30 апреля¹.

Одним из условий, поставленных парламентом, мирной передачи власти большевикам было то, что все служащие в ведомствах АДР останутся на прежних должностях. Замещены будут только лица, занимающие ответственные посты². В первые дни после переворота этот пункт соблюдался коммунистами неукоснительно. Как происходила передача дел в институтах исполнительной власти в Баку новому руководству, можно рассмотреть на примере военного ведомства.

Утром 28 апреля министр обороны Самедбек Мехмандаров пришел в здание министерства и выпустил два своих последних приказа в этой должности. Первый его приказ в тот день (№ 237) выдержан в строгом тоне. В нем Мехмандаров объявляет о передаче парламентом власти большевикам, требует охранять армейское имущество и не допустить его расхищения³. Второй приказ (№ 238) написан уже в совсем других выражениях. Министр обороны информирует о том, что он передал полномочия Чингизу Ильдрымю и прощается со своими сослуживцами, заканчивая приказ совсем по-отечески: «...от всей души и от всего сердца желаю всем вам, от самого старшего до младшего аскера, всякого благополучия, успеха и счастья как в трудовой, так и в семейной жизни. Дай-то бог»⁴.

¹ Коммунист. № 1. С. 2.

² Последнее постановление бывшего парламента о передаче власти // Коммунист. 1920. 6 мая. № 4. С. 3.

³ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С. 183.

⁴ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998. С. 184.

Заместитель министра обороны Самедбека Мехмандарова и начальник штаба армии АДР генерал-майор Абдулгамид — бек. Гайтабаши¹ сохранил свою должность².

Кроме того, по воспоминаниям одного из отцов-основателей армии Азербайджана Али-Аги Шихлинского, 29 апреля к нему домой Ильдрым пришел сам и предложил работать с ним, фактически возглавив комиссариат. Когда Шихлинский дал согласие, «он (прим.: Ильдрым), улыбаясь, указал на мои погоны и сказал: “А это надо будет снять”. Я ответил: “Если я берусь работать с вами, то у меня прежде всего происходит перемена внутри, и это гораздо важнее, чем внешний вид. Я его, конечно, легко смею”. Впоследствии я был не заместителем народного комиссара, а военным руководителем»³.

Специфику происходившего 28 апреля ярко рисует приказ наркома внутренних дел Гамида Султанова о реорганизации полиции. Бывший полицмейстер города Баку Кабулов не был арестован. Ему было приказано передать полномочия начальнику милиции Рагиму Гусейнову. При этом Кабулов оставался в должности заместителя Гусейнова. Этот приказ был уточнен на следующий день распоряжением Бакинского ревкома за № 1:

- первым пунктом полиция переименовывалась в милицию;

- второй пункт предписывал сместить в участках приставов и назначить комиссаров. Примечание к нему гласило: «в тех случаях, когда пристав — надежный советский работник, его можно оставить при исполнении обязанно-

стей, переименовав в Комиссара участка»¹. Из всех приставов в первые дни после большевистского переворота был арестован только руководитель 1-го бакинского участка Абас Усуббеков².

Однако не всё шло гладко. На протяжении дня 28 апреля большевикам не удавалось установить связь со всеми районами Баку. Легитимность свершившемуся перевороту должен был добавить прообраз Баксовета: рабочая конференция. Первое её заседание должно было состояться в 4 часа дня в Маиловском театре³. Однако оно сорвалось из-за невозможности оповестить все районы города и было перенесено на сутки. Вместо рабочей конференции собрание в Маиловском театре было названо митингом, на котором о рейде бронепоездов на Баку рассказали его участники.

С проблемами столкнулась и Комиссия по охране промыслов, заводов и складов г. Баку и его районов. На протяжении всего дня 28 апреля на связь с ней не выходили рабочие бакинские предместья: Завокзальный, Белаханинский (Балаханинский) и Сабунчинский районы. Дело дошло до того, что Центральная комиссия обращалась к ним через «Известия...» с требованием немедленно прислать по одному представителю⁴.

29 апреля в здание бывшей городской управы въехал Бакинский Революционный комитет. Возглавил его по совместительству нарком труда А.Г. Караев,⁵ что еще раз де-

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 1.

² Там же. С. 3.

³ Митинг в Маиловском театре // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 2.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 1.

⁵ Там же.

¹ Азербайджанская демократическая республика... С. 172.

² Новая власть в Гяндже // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

³ Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1944. С.177.

монстрирует испытывавшийся большевиками дефицит квалифицированных надежных кадров-мусульман.

Транзит власти в уездах Азербайджана проходил спокойно с незначительными трудностями. О характере этих трудностей, возникавших на местах, можно судить на примере Гянджи. По сообщению «Известий...», утром 28 апреля председатель Времревкома оповестил по телефону губернатора Худадата Рафибекова¹ о том, что в Баку произошел переворот. Одновременно местные коммунисты потребовали от Рафибекова сдать власть. Губернатор Гянджи уклонился от прямого ответа и, по всей видимости, в течение дня вел переговоры с местными армейскими чиновниками о возможности сопротивления. Чтобы убедить Рафибекова подчиниться Ревкому, ему в Гянджу звонили начальник штаба армии АДР, сохранивший свою должность при большевиках, генерал Гайтабаши и депутаты-социалисты бывшего парламента Сафикурдский и Джамалбеков². В итоге Рафибеков объявил, что ждет инструкций от Временного ревкома, и затем, по требованию из Баку, сложил с себя полномочия. Первым председателем Гянджинского Ревкома стал Ибрагим Алиев³. Бронепоезд «Тимофей Ульянов» подошел к ст. Гянджа 1 мая в 13:50 и телеграфировал в штаб XI армии о переходе власти к Временному ревкому, поддержке большевистского переворота аскерами и гарнизоном⁴.

Иначе сложилась ситуация в Карабахе. В условиях отсутствия большевистской организации в апреле 1920 года

¹ Новая власть в Гяндже // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

² Новая власть в Гяндже // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 81.

в Шуше¹ «мусаватистский» губернатор Хосров-бек Султанов сам организовал ревком из представителей своей администрации и обратился к бакинским большевикам с приветствием².

Похожая на карабахскую история произошла в Шемахе, где уездным коммунисом был сформирован без ведома и участия местных коммунистов. В него вошли: шемахинский судебный следователь, секретарь воинского присутствия, уездный комиссар — бывший мусаватист, уездный начальник и городской голова. Более того, подобный состав ревкома не вызвал никаких нареканий со стороны политработников проходивших в первых числах мая через город частей Красной армии³.

По всей видимости, транзит власти по шемахинскому и карабахскому сценариям был характерен для большинства уездов Азербайджана: ревкомы формировались из бывших представителей местной администрации. Вот как описывает состав Шамхорского уездного ревкома Гянджинской губернии большевик из заводского поселка Кедабек М.Г. Садыхов, назначенный в начале мая чрезвычайным уездным комиссаром: «Кулаки Дзегамы (прим.: Шамхорский ревком находился на этой железнодорожной станции) и близлежащих сел устроили совещание и на этом совещании сформировали “временный революционный комитет по Шамхорскому уезду”. В указанный ревком вошли: Алиев Селим — крупный оптовый торговец и кулак, Гаджиев Мемедали — крупный землевладелец, Нуризаде Гаджи Молла Ахмед — член мусаватистского парламента (прим.: от соцфракции «Эхрар»), впоследствии ставший главарем крупной контрреволюционной шайки,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 810. Л. 7.

² Коммунист. 1920. 1 мая. № 1. С. 3.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 4.

Молла Меджид Молла Маггерам-оглы — реакционное духовное лицо, впоследствии возглавил антигосударственное провокационное событие в Шамхоре и явился инициатором “Витили-Имама”...»¹.

Обеспечить связь новой/старой власти на местах в Баку были призваны инструкторы Времревкома, которых разослали в уезды 28–29 апреля².

НА УЛИЦЕ

Представление об обстановке на улицах Баку ранним утром 28 апреля дают воспоминания А. Микояна. В то время, когда с вокзала в здание бывшего парламента его вместе с другими прибывшими на поезде «III Интернационал» большевиками вез на машине Камо, им «встречались полицейские, которые продолжали нести свою службу, не зная еще, что власть в городе переменилась. На рассвете открывались лавки, казалось, жизнь идет своим чередом»³.

Постепенно город стал узнавать о произошедшем. Не из газет: в ночь с 27 на 28 апреля большевики не контролировали типографии, и в них были отпечатаны материалы, сданные еще до завершения последнего заседания парламента.

Вот как описывал утро 28 апреля в Баку другой участник рейда бронепоездов на Баку Мусабеков: «Быстро мчавшиеся по городу автомобили, на которых развевались красные флажки, подтверждали происшедшее. Нача-

¹ Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 204.

² Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

³ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 173.

ли показываться в одиночку и по несколько вместе прибывшие на броневике (прим.: бронепоезде) красноармейцы. Дома стали украшаться красными флагами. С раннего утра улицы Баку заполнились трудящимися, искренне радовавшимися произошедшему бескровному перевороту и приходу красных-героев-бойцов»¹.

Такую же картину нам рисует и первый номер газеты «Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана». Дадим самим журналистам описать то, как выглядел город 28 апреля: «Вот глухо катится по мостовой броневик. Мчатся грузовики, переполненные товарищами рабочими, крепко сжимающими в мозолистых руках винтовки. На Садовой ул. близ Набережной производится запись студентов в дружину. В парламенте заседает Временный Революционный комитет. Грузовики, переполненные винтовками, развозят оружие по районам. Старая власть пала. Молодой Советский Азербайджан укрепляет свои позиции. И население Баку, рисовавшее себе мрачные картины кровавых столкновений, радостно приняло мгновенный переход к новой власти. Одни приветствовали ее искренно. Другие — с тайной боязнью. Все на свои места, все за работу! Вот лозунг, под которым прошел первый день жизни нового Советского Азербайджана»².

Праздничной атмосфере старались способствовать и бакинские большевики. Еще до того, как Чингиз Ильдырым стал наркомвоенмором (или вскоре после этого), он, объявив себя комиссаром морского порта, потребовал от всех морских судов вывесить красные флаги «по случаю сегодняшнего торжества»³.

¹ Мусабеков Г. Избранные статьи и речи. Т. I. Баку, 1960. С. 38.

² На улице // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

³ Приказы комиссара морского порта // Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 1.

На протяжении дня в городе шли митинги. В мусульманской его части собрания проходили непосредственно в мечетях. Перед собравшимися выступали А.Г. Караев и Д. Буниятзаде и другие большевики-мусульмане¹.

Коррективы в эту «идиллию бескровной революции и эйфории» вносят воспоминания лидера правых мусаватистов М.Э. Расулзаде. «С 28 апреля трехцветный азербайджанский флаг был заменен частично Красным знаменем и полуофициально османским знаменем. Над милицией, полком «Ярдым Алай», городской управой и другими официальными учреждениями развевалось турецкое знамя, повсеместно виднелись приказы, декларации и объявления на турецком языке. Создавалось впечатление, что виновата в происшедшем не агрессия российской армии, а османские турки. Мусаватистское правительство было свергнуто, взамен было создано турецкое правительство. Османские офицеры, снующие на автомобилях по городу из конца в конец, были тому ярким подтверждением»². От имени Турецкого Комиссариата были подготовлены прокламации, которые провозглашали, что «падение “проанглийского” Мусавата преследует две цели: 1. Спасение Азербайджана. 2. Обеспечение российской поддержки, борющейся за свою жизнь Турции». Те же тезисы транслировались через газету турецких коммунистов «Ени Дунья» (прим.: «Новый мир»)³.

Находившиеся в Баку турки действительно много сделали в первые дни после переворота для поддержки большевиков. Однако в действительности флаг, который развевался над государственными учреждениями и который

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

² Resulzade M.E. Azərbaycan cumhuriyeti. İstanbul, 1990. С. 86–87.

³ Там же.

Расулзаде назвал турецким, был флагом нового большевистского Азербайджана. Такой флаг использовался, как минимум, до 1923 года¹. Он представлял из себя прямоугольное красное поле с белым полумесяцем и звездой в трети, ближайшей к древку². Неудивительно, что при отсутствии устоявшейся геральдической традиции он производил впечатление турецкого. Пятиконечная звезда и полумесяц вскоре стали обязательной нарукавной нашивкой красных аскеров³. А с 16 мая приказом комиссариата юстиции вводился единый образец печатей и штампов для госучреждений с такой же символикой⁴. Исламская символика использовалась большевиками для привлечения тружеников Востока — мусульман.

Первое мая 1920 года Баку ликовал. Вот как описывал тот день Серго Орджоникидзе в телеграмме В.И. Ленину: «Энтузиазм населения, особенно мусульман и рабочих, не поддается никакому описанию и может быть сравним только с Октябрьским в Петербурге с той разницей, что здесь не было никаких столкновений. Всюду полный порядок. Запасов нефтяных продуктов свыше 300 миллионов пудов, месячная добыча 20 миллионов пудов. Пока отправлено в Астрахань полтора миллиона пудов. Размеры вывоза будут зависеть от Астрахани. Первое мая дало ни с чем не сравнимую картину. Десятки тысяч рабочих и почти все население было на улицах. Наша армия вызвала ли-

¹ Дунин-Борковский К. Альбом флагов и выпелов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, союзных советских республик и иностранных государств. По материалам Народного Комиссариата по иностранным делам и Штаба командующего морскими силами Республики. М., 1923.

² Там же.

³ Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 3.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 20 апр. № 4. С. 2.

кование...»¹. Восторг вызвали награждение Ильдрыма и Алимова орденами Красного Знамени и ультиматум, направленный Армении. По словам Орджоникидзе, каждое слово от имени Советской России вызывало взрыв энтузиазма.

Основные торжества развернулись на площади Азадлыг (Свободы). К 11 утра туда стянулись колонны рабочих со знаменами, хорами и оркестрами из всех районов города. Там же были построены прибывшие войска Красной армии. Митинг продолжался до 3 часов дня. На нем выступили Орджоникидзе, Киров и др.²

Около полудня в Бакинскую бухту прибыли миноносцы Каспийской флотилии «Карл Либкнехт», «Дельный» и «Расторопный»³.

Вечером в бывшем Маиловском театре прошло торжественное заседание Времревкома и Рабочей конференции⁴.

ГЛАВА 4. НОВЫЕ РЕАЛИИ И МЕСТО АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В МИРЕ

Переворот 27–28 апреля в Баку изменил позиционирование Азербайджанской республики на мировой арене. Первостепенная задача дипломатии АДР добиться признания со стороны стран Антанты потеряла смысл. Иностранный дипломатический корпус в Баку был арестован в полном составе¹.

Азербайджан развернулся лицом на 180 градусов. Республике отводилась роль «образца социалистических преобразований для порабощенного Востока»².

АЗЕРБАЙДЖАН И РСФСР

«Необходимо ваше приветствие Азербайджану и признание в общей форме».

Из телеграммы Г.К. Орджоникидзе В.И. Ленину³

Ключевым для внешнеполитического позиционирования большевизированного Азербайджана был вопрос о взаимодействии с РСФСР. В публичном пространстве коммунисты неизменно декларировали и демонстрировали приверженность принципу права наций на самооп-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

² Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 1.

³ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 3.

⁴ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 1.

¹ Гасанлы Дж.П. История дипломатии Азербайджанской республики: в 3 т. Т. 2: Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013. С. 76.

² Освобождение Востока // Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

ределение. После праздничного первомайского митинга в Баку Орджоникидзе попросил Ленина направить новой власти Азербайджана приветственную телеграмму и признать независимость Азербайджана «в общей форме» (прим.: формулировка Орджоникидзе)¹.

Составлением текста приветственной телеграммы занимался Лев Каменев. Первоначальный вариант содержал такие пассажи: «...под руководством Советского правительства независимая республика Азербайджан войдет в братскую семью народов, объединенных РСФСР, и совместными силами отстоит свою свободу и независимость»². Подобные формулировки означали декларирование планов по включению Азербайджана в состав непосредственно РСФСР и ликвидации независимости республики, что привело бы к обвинению российских большевиков в империализме и нанесло бы им непоправимый репутационный урон на Кавказе, в Турции и на всем Востоке. Неприемлемость телеграммы в таком виде была очевидна: черновик текста весь испещрен правками.

В финальной версии, направленной в Баку 6 мая, приветственная телеграмма В.И. Ленина Азербайджану выглядела уже совсем иначе: «Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджан совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов востока от империализма. Да здравствует независимая Советская Республика Азербай-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 33–35.

джан! Да здравствуют рабочие и крестьяне Азербайджана! Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана и России!» В таком виде под заголовком «Признание РСФСР Азербайджанской ССР» она была опубликована 9 мая в газете «Коммунист»¹.

Телеграмма Ленина вызвала в Азербайджане огромное воодушевление и была воспринята буквально: как признание РСФСР независимости Азербайджана. В частности, 8 мая признание РСФСР независимости Азербайджана приветствовал телеграммой Гянджинский ревком под председательством Ибрагима Алиева².

Реальность была иной. В формировавшейся на подконтрольных большевикам территориях системе управления политика, во всех без исключения сферах жизни общества, определялась не столько государственными институтами, сколько партийными структурами. Поэтому полноценно независимых государственных образований под руководством коммунистов при сохранении единства партийной организации быть не могло: проявление несогласия местных партийных элит с центром выливалось во внутривластные конфликты. Не могли быть независимыми ни РСФСР, ни прочие территориально-государственные образования под контролем большевиков. Все госслужащие на ключевых постах подчинялись общей партийной дисциплине. Именно в этом контексте следует понимать стремление азербайджанских социал-демократов создать независимую от РКП(б) коммунистическую партию Азербайджана: полноценный суверенитет Азербайджана мог быть обеспечен только при

¹ Признание РСФСР Азербайджанской ССР // Коммунист. 1920. 9 мая. № 7. С. 1.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 42.

независимости местных коммунистов от решений Центрального Комитета.

В условиях управленческого доминирования партийных структур над государственными институтами кадровые вопросы и вопросы определения основных направлений политики во всех сферах жизни общества на Кавказе решались в рамках Кавказского краевого комитета РКП(б) и, в частности, непосредственно его представителем в Баку Г.К. Орджоникидзе, прибывшим в Азербайджан накануне Первого мая.

В начале весны 1920 года, когда Красная армия еще только вела бои с деникинцами на Ставрополье и Терекке, Кавказский крайком определил общие принципы большевизации Кавказа:

- ни на какие тактические и тем более стратегические союзы с местными партиями большевики идти не планировали;

- все национальные армии должны были быть «решительным образом» ликвидированы;

- внешняя политика большевизированных территориально-государственных образований должна была проводиться в едином ключе;

- должно было быть обеспечено единство принципов экономической политики в отношении отраслей, не имеющих сугубо местного значения;

- на большевизированных территориях должен был быть приведен в жизнь Декрет II съезда Советов о Земле, т.е. вся земля обобществлялась¹.

Как мы видим, у большевиков на местах оставалось не так уж много возможностей для проведения независимой от общепартийных решений политики.

¹ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–10.

«ЗАКАТАЛЬЩИНА»: АЗЕРБАЙДЖАН И ГРУЗИЯ

После переворота в Баку Азербайджан, ранее находившийся в союзнических отношениях с Грузией, оказался с ней фактически в состоянии войны. Прекратилось железнодорожное сообщение¹. Грузинская миссия в Баку была арестована².

Легкость, с которой произошел переворот, и стремительность продвижения отряда советских бронепоездов на Баку шокировали грузинское руководство. Глава правительства меньшевистской Грузии Ной Жордания 30 апреля вынужден был оправдываться перед экстренным заседанием Учредительного собрания (выполнявшего функции парламента) за то, что грузинская армия никак не помогла «мусаватистскому режиму»³. В самом Тифлисе в начале мая произошли беспорядки, восстали призывники, которые должны были быть отправлены служить на границу⁴. Весь ход событий давал право представителю Кавказского крайкома РКП(б) в Азербайджане Г.К. Орджоникидзе рассчитывать повторить азербайджанский сценарий большевизации и в Грузии. Именно на это он делал ставку и уверял в грядущем скором успехе В.И. Ленина⁵.

Грузинское меньшевистское правительство осознавало угрозу и делало всё, чтобы предотвратить подобное

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 29 апр. № 1. С. 2.

² Гасанлы Дж.П. История дипломатии Азербайджанской республики: в 3 т. т. 2: Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013. С. 76.

³ Махарадзе Н.Б. Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси, 1965. С. 340–341.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 39–41.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

развитие событий. Первые шаги были им предприняты 28 апреля. Командующий Гянджинским укрепрайоном Джавад-бек Шихлинский телеграфировал в Баку, что грузинские войска перешли в наступление и заняли стратегические мосты на железнодорожной линии Гянджа—Тифлис (Пойлинский мост через р. Куру) и на шоссе (Красный мост через р. Храми), а также приграничную станцию Пойлы и выдвинулись к крупной станции Акстафа (Агстафа)¹. Кроме того, грузинские войска усилили давление на населённый азербайджанскими тюрками анклав Борчалы и 3 мая потребовали от его жителей разоружиться и принять прямое управление грузинской администрации².

Первый ультиматум Азербайджан направил Грузии 30 апреля. М.Д. Гусейнов, исполнявший обязанности заместителя наркоминдела, потребовал от министра иностранных дел Грузии Гегечкори освободить территорию Азербайджана от грузинских войск и отойти за границу, существовавшую до 28 апреля³.

Гегечкори ответил на ультиматум 3 мая, обвинив азербайджанское руководство в недружественных действиях и заявив, что ст. Пойлы грузинские войска не занимают, а мосты контролируют на законных основаниях⁴. Тем не менее 4 мая Дж. Шихлинский телеграфировал о начале отвода грузинских войск с территории Азербайджана⁵.

Несмотря на то что ещё 30 апреля приказом № 6 за подписью Ильдрыма и Гайтабаши все азербайджанские части были подчинены в оперативном отношении находившемуся в Баку командующему XI армии Левандовско-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 259i–260. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 38–41.

³ Коммунист. 1920. 1 мая. № 1. С. 3.

⁴ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 2.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 259–260. Л. 6–7.

му¹, а 1 мая бронепоезд «Тимофей Ульянов» прибыл в Гянджу², на протяжении недели с 28.04 по 04.05 азербайджанские аскеры и азербайджанский бронепоезд № 1 противостояли грузинам в одиночку.

Впервые к границе с Грузией в районе Пойлинского моста части XI армии подошли 5 мая. Это были бронепоезда, входившие в отряд Ефремова, которые продолжили движение по железным дорогам Азербайджана в сторону грузинской границы после переворота в Баку.

Рано утром 5 мая к мосту через реку Кура со ст. Акстафа выдвинулся бронепоезд «Тимофей Ульянов» с ротой пехоты при поддержке азербайджанского бронепоезда № 1. Они были обстреляны полевой артиллерией грузин с противоположного берега реки и отошли обратно, потеряв одного красноармейца убитым. Затем к ним на помощь пришел бронепоезд «Красный Дагестан» и прибывшие части передового 237-го полка 32-й дивизии. Вместе они попытались зайти на ст. Пойлы, располагавшуюся возле самого моста, но были снова обстреляны с грузинского берега р. Кура и остановились в трёх верстах от станции.

На следующий день, 6 мая, начдив I азербайджанской дивизии Дж. Шихлинский телеграфировал Ильдрыму, что район Пойлинского железнодорожного моста занят частями российской Красной армии и в Казах (Газах) прибыло 2 полка с артиллерией³. 7 мая начинается отвод аскеров из зоны боевых действий и замещение их красноармейцами.

В то же время ещё 2 мая Конному корпусу была поставлена задача походным порядком выдвинуться в сто-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 259–260. Л. 3–4.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 81.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 260. Л. 8.

рону Грузии, сосредоточиться в пределах Закатальского округа к 10 мая и выставить отряды с пулеметами для охраны границы. В оперативное подчинение Конкорпуса, по прибытии на место, переходил расквартированный там 2-й батальон Закатальского полка Азербайджанской армии¹.

Прибытие на границу бронепоездов XI армии, а затем и существенных контингентов войск не могло оставаться незамеченным грузинами. Опасаясь повторения сценария Бакинской операции, они решают взорвать мост через Куру.

В 16 часов 7 мая при очередной попытке бронепоездов «Тимофей Ульяновцев» и «№ 1 Азербайджанской республики» подойти к мосту один из его пролетов был уничтожен грузинами². С этого момента Пойлинский мост потерял стратегическое значение, равно как потерял значение и весь мощный кулак из 7 бронепоездов, находившихся в оперативном подчинении XI армии после большевизации Азербайджана. Совершить быстрый рейд, подобный бакинскому, на Тифлис стало технически невозможно.

Однако никакого рейда на Тифлис 7 мая не планировалось. В тот день передовые отряды Красной армии получают приказ новых позиций не занимать и ограничиться обороной уже занятых от грузин³. Несмотря на телеграмму Орджоникидзе Ленину, в которой он выразил твердую уверенность в скорой реализации азербайджанского сценария большевизации в Грузии, и его однозначную позицию по вопросу о бессмысленности переговоров с грузинским меньшевистским правительством⁴, в Москве

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 154.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 7.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

планы были иные: ещё 5 мая Орджоникидзе получил телеграмму за подписью В.И. Ленина и И.В. Сталина с требованием воздержаться от нападения на Грузию и вывести ее территории войска¹.

В условиях обострения ситуации на польском фронте и намерений главы НКИДа (Наркомата иностранных дел) Чичерина улучшить отношения с Великобританией 7 мая, без согласования с Времревкомом Азербайджана или хотя бы Кавказским крайкомом, в Москве был подписан мирный договор между РСФСР и Грузией. Желая как можно скорее завершить всякие боевые действия на южном направлении и высвободить задействованные там армейские части, НКИД РСФСР согласился со всеми территориальными претензиями грузинской делегации и признал за Грузией Закатальский округ², де-факто контролировавшийся Азербайджаном и населенный преимущественно мусульманами.

Условия договора вызвали шок среди большевиков, находившихся в Баку. Орджоникидзе начал засыпать Москву телеграммами с требованиями немедленно пересмотреть договор. «Впечатление от договора убийственное», — телеграфировал он Ленину³.

Выдвижение грузинских войск в Закаталы побудило Г.К. Орджоникидзе, И.Т. Смилгу (командующего Кавказским фронтом) и С.М. Кирова направить В.И. Ленину коллективную телеграмму, полную жестких формулировок. «До сих пор Грузия на него (прим.: Закатальский округ) не претендовала. С вашего благословения Грузия начала се-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 15.

² Ментешашвили А.М. Оккупация и фактическая аннексия Грузии: о политической и правовой оценке нарушения договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 года. Тбилиси, 1990.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 49.

годня на этот округ наступление. Население восстало.... Признание нами этого захвата является началом конца советской власти в Азербайджане. Объясните, чем вызвано такое отношение к Азербайджану?!»¹ Замнаркоминдел Карахан, подписавший договор с Грузией, был обвинен в телеграмме в некомпетентности в кавказских делах и провоцировании войны между Азербайджаном и Грузией с неизбежными перспективами «взаимной резни»². Завершалась телеграмма угрозой Орджоникидзе, Смильги и Кирова снять с себя полномочия и покинуть занимаемые должности: «Перед вами стоит вопрос: или пересмотреть договор с Грузией, или отозвать нас. Ибо мы не намерены расплачиваться за невежество Наркоминдела»³.

Вдогонку этой телеграмме Орджоникидзе направил в тот же день следующую, в которой в еще более жестких формулировках потребовал от Ленина быстрого ответа из-за начала наступления грузин⁴.

На месте, в Баку, было принято решение игнорировать условия заключенного в Москве мирного договора. Части Конкорпуса, находившиеся в Закаталах, приказом за подписью комкавфронта Ивара Тенисовича Смильги от 11 мая из пределов округа запрещалось выводить⁵.

Позиция Орджоникидзе, Кирова и Смильги возымела результат. От грузин потребовали остановить наступление, и 12 мая РСФСР и Грузия подписали дополнительное соглашение к ранее заключенному мирному договору. Закатальский вопрос замораживался: из представителей Азербайджана и Грузии должна была быть создана сме-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 54.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 15.

шанная комиссия под председательством представителя РСФСР для решения вопросов о спорных территориях и границе¹. Также соглашением запрещался всем сторонам ввод новых войск в Закатальский округ. Дополнительное соглашение признавалось неотъемлемой частью ранее заключенного мирного договора и не подлежало дополнительной ратификации.

Подписание мира между РСФСР и Грузией на новых условиях не привело к прекращению столкновений. Воспользовавшись отсутствием соглашения с Азербайджаном, грузины продолжили попытки занять более удобные позиции на границе и совершать провокации в отношении Закатальского округа. Части российской Красной армии, сменившие аскеров в Казахском уезде, вели тяжелые бои. Даже 13 мая, уже после подписания мира в Москве на новых условиях, все внимание командарма Левандовского было приковано к границе с Грузией. 32-я дивизия концентрировала на нем большую часть своих сил².

XI армия после 12 мая оказалась в странной ситуации: на нее наступали регулярные подразделения государства, с которым только что был подписан мир. Как отмечал Орджоникидзе, требуя от Москвы оказывать дипломатическое давление на грузин после боя в районе Красного моста 15 мая: «наши части поставлены в ненормальное положение»³.

В результате долгих согласований о месте переговоров между Азербайджаном и Грузией они все же начались на азербайджанской территории. 3 июня на приграничной железнодорожной станции Акстафа произошла

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 23. Л. 2–3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 415. Л. 1–8.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 64.

встреча представителей Тифлиса и Баку. Из-за большого числа разногласий договориться получилось только 12 июня.

Соглашение повторяло условия Московского договора в редакции 12 мая. Границей становились реки Храми и Кура. До решения вопроса о принадлежности Закатальского округа арбитражной комиссией обе стороны отказывались от ввода туда «новых войсковых частей»¹.

«Закатальский вопрос» стал первым сильным ударом по репутации нового большевистского правительства в Азербайджане. Как позднее писал Ленину Орджоникидзе: «не считайте эти вопросы (прим.: о границе с Грузией) не стоящими внимания, так как контрреволюция (прим.: в Азербайджане) на этом спекулирует, указывая, что без большевиков грузины не смели нас трогать, а теперь отнимают наши земли»². Попытки московского НКВД проводить на Кавказе политику заключения мирных договоров ценой уступок в территориальном вопросе получили нарицательное имя — «закатальщина»³.

АЗЕРБАЙДЖАН И АРМЕНИЯ

На момент большевистского переворота АДР находилась де-факто в состоянии необъявленной войны с Арменией. Значительные территории со смешанным, живущим чересполосно армянским и мусульманским населением бывших Эриванской и Елисаветпольской губерний стали в 1918–1920 годах ареной серии кровопролитных межэт-

нических конфликтов с участием формировавшихся регулярных армий «мусаватистского» Азербайджана и «дашнакской» Армении.

Правительство Азербайджана претендовало на всю территорию бывшей Елисаветпольской (в том числе Карабах и Зангезур) и часть Эриванской губерний (район Ордубад–Джюльфа–Нахичевань)¹. Однако к концу апреля 1920 года АДР не контролировала значительную часть Зангезурского уезда² и горного Карабаха, где действовали армянские вооруженные формирования³. В результате прямое сообщение с районом Ордубад–Джюльфа–Нахичевань отсутствовало. Регулярных частей армии АДР там не было: оборону против армян держало местное мусульманское ополчение⁴.

После армянского восстания в марте 1920 года в Карабахе регулярные части азербайджанской армии были втянуты в бесконечное кровопролитное противоборство. В конце апреля 1920 года руководство действиями армии АДР осуществляли губернатор Карабаха Хосровбек Султанов и начальник Карабахского отряда Махмудбек Зейналов. Армянскими частями командовал эмиссар ереванского правительства генерал Дро (Драстамат Каноян)⁵, рассчитывавший взять столицу Карабаха Шушу в начале мая⁶.

¹ Адрес-календарь Азербайджанской Республики / под ред. А.М. Ставровского. Баку, 1920. С. 50.

² Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Внешняя политика: документы и материалы. Баку, 1998. С. 436.

³ Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армения: документы и материалы. Баку, 1998. С. 375.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 73–75.

⁵ Novannisian R.G. The Republic of Armenia. From London to Sevres, February–August, 1920. V. III. London, 1996. С. 157–159.

⁶ Там же. С. 173.

¹ Коммунист. 1920. 22 июня. № 42. С. 1.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 73–75.

³ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 13. Д. 32. Л. 3.

Переворот в Баку, приход к власти большевиков, равно как и появление российской Красной армии на Южном Кавказе, изменили ситуацию в зоне кровопролитного конфликта и позиционирование Азербайджана в отношениях с Арменией.

Через два дня после прихода к власти большевиков в Баку, 30 апреля, Азревком направил Армении ноту с требованием вывести войска из Карабаха и Зангезура и прекратить межнациональную резню. В противном случае, Советский Азербайджан был намерен считать себя в состоянии войны. Публикация этой ноты в прессе и оглашение её на первомаяском митинге вызвало ликование в Баку¹.

Министр иностранных дел Армении Амазасп Иванович Оганджян решил ответить на ноту не непосредственно ревкому Азербайджана, а направить телеграмму в Москву на имя В.И. Ленина и наркоминдела РСФСР Чичерина. Позиция была ожидаемой: «регулярных войск Армении в Карабахе нет». Оганджян предложил вывести азербайджанские войска из Карабаха и после этого, при посредничестве российской комиссии, выяснить волю местного населения по вопросу о принадлежности региона².

Ключевым для определения всей дальнейшей конфигурации взаимодействия АзССР, РСФСР и Армении был вопрос о большевизации последней и вхождении её в круг советских республик. Так же, как и в случае с Грузией, по этому вопросу среди российских большевиков возникли расхождения.

Стремительная победа в Азербайджане и спровоцированные возвращением большевиков на Южный Кавказ

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 14.

волнения в самой Армении давали повод рассчитывать Кавказскому крайкому РКП(б) на успех в случае похода Красной армии на Ереван. В начале мая пробольшевистские восстания произошли в Александрополе (Гюмри) и Делижане (Дилижане)¹.

Однако дефицит продовольствия в Армении, недостаток информации о политической обстановке на территории бывшей Эриванской губернии и обострение ситуации на Западном фронте заставляли большевиков быть осторожными. Если вопрос о ценности Бакинского района с его нефтяными промыслами и многочисленным интернациональным пролетариатом никогда для большевиков не стоял, то в необходимости срочной советизации преимущественно крестьянской и полуголодной Армении были большие сомнения. Единственная из стоявших остро перед большевиками весной 1920 года задач, решению которой бы способствовал приход большевиков к власти в Ереване, — это выход Красной армии к границам дружественной РСФСР кемалистской Турции. Поэтому 3 мая замнаркоминдел Карахан телеграфировал Орджоникидзе следующее: «Ильич (прим.: В.И. Ленин) поручил передать вам, что торопиться с дальнейшим распространением нашим не следует, во-первых, чтобы закрепить Азербайджан, а с другой стороны, расширение, не вызываемое немедленной необходимостью, лучше отложить ввиду серьезных задач на Западном фронте... В самом деле, Армения не представляет для нас интереса ближайшего, между тем беспокойства она принесет много. Следует не переходить границ, установленных с ней старым Азербайджаном, спорные же территории не занимать в порядке ультиматума, а разрешать спорные вопросы мирным пу-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

тем, например, смешанная комиссия обоих государств под вашим председательством... Если бы результатом нашего продвижения были бы новые взаимные избиения, это серьезно повредило бы нам в Англии и Америке, поэтому мы предлагаем ограничиться Азербайджаном. Завяжите отношения с Турцией и добейтесь у них ответственных и полномочных представителей для переговоров с нами»¹.

Однако на протяжении всего мая 1920 года вопрос о «советизации» Армении поднимался еще не раз. 18 мая в Акстафу прибыли представители армянских большевиков Айвазов и Акопов. Они уверяли командование XI армии, что в районе Делижана в любой момент вспыхнет восстание, что для его поддержки достаточно появления самых незначительных сил Красной армии².

В начале 20-х чисел мая Орджоникидзе снова поставил вопрос о большевизации Армении. Это мероприятие он считал нужным, но «дорогим» с точки зрения продовольствия и уже «запоздалым». Понимания в Москве Орджоникидзе не нашел. Карахан настаивал на открытом, совершенном по договоренности с «дашнакским» правительством занятии войсками российской Красной армии Карабаха, Зангезура и района Нахичевань–Ордубад–Джульфа для установления прямого контакта с турецкими кемалистами и предотвращения межнациональных столкновений. Тогда же И. Сталин выражал сомнения в реализуемости азербайджанского сценария большевизации в Армении, так как имелись сведения о возможном восстании только в двух армянских полках³. В итоге во-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 29.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 14. Д. 29.

прос о большевизации Армении был отложен на перспективу. На протяжении всего мая 1920 года шли переговоры с представителями дашнаков о мире и взаимный обмен нотами между Баку и Ереваном.

Проблема выхода к границам дружественной большевикам Турции в такой ситуации могла быть решена только путем установления контроля над территориями со смешанным мусульманско-армянским населением юга бывших Елисаветпольской и востока Эриванских губерний. Подобное решение казалось выгодным и с репутационной точки зрения, так как отвечало чаяниям значительной части азербайджанского общества.

«ПРЕКРАТИТЬ АРМЯНО-МУСУЛЬМАНСКУЮ РЕЗНЮ...»¹

Успех переворота в Баку и признание его со стороны бывшей «мусаватистской» армии вызвали эйфорию в рядах большевиков. Армия АДР стала восприниматься как часть Красной армии. Об этом свидетельствует то, что российская Красная армия не спешила занимать всю территорию Азербайджана. Только 6 мая, спустя 9 дней после взятия власти в Баку, командармом Левандовским был впервые отдан приказ, которым определялись зоны ответственности войск². Распылять части по территории Азербайджана командование смысла не видело. Две из трех пехотных дивизий Армии (20-я и 28-я) оставались в районе Баку на Апшеронском полуострове. Задачу выхода к западной границе Азербайджана выполняли 32-я дивизия и Конный корпус.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 4.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 190. Л. 21.

Район, который должна была занимать 32-я дивизия, численностью менее 5000 бойцов¹, обширен и обозначен приказом крайне туманно: «расквартировать в районе рек Иора–Кура–Аракс» и удерживать границы Азербайджана с сопредельными государствами. Дивизия, и так оказавшаяся после 7 мая втянутой в Казахском уезде в странную необъявленную войну с Грузией, должна была, кроме всего прочего, направить в Шушу не менее полка с конницей².

Точные указания, где находится граница Азербайджана с Арменией, в приказе отсутствуют, так как никто в действительности этого не знал ни в Баку, ни тем более в штабе Красной армии. Парадоксальность имевшей место ситуации описывает рапорт от 3 мая штабиста, назначенного Левандовским ответственным за получение точных топографических сведений у представителей Азербайджана. Им были опрошены предревкома Азербайджана (по всей видимости, имеется в виду М.Д. Гусейнов, так как Н. Нариманова в Баку не было), комиссар иностранных дел и военно-морской комиссар. Никто документально подтвержденных данных о границе предоставить не смог. «На мои настойчивейшие требования меня направили к н-ку топографического отделения Военно-морского комиссариата Азербайджанской республики, который набросал на имевшуюся у меня пятиверстку требуемую границу. Указанная им граница ничем не может быть подтверждена и сам н-к топотдела при нанесении ее руководствовался преданиями дедов и воспоминаниями из своих юных дней», — говорится в рапорте³. Карта с набросанной от руки границей подшита к тому же

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 531.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 8–9.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 273. Л. 87.

делу и хранится в РГВА¹. Рапорт был рассмотрен командармом Левандовским и, несложно догадаться, поставил его в замешательство. Как формулировать приказ о выходе к границам Азербайджана, если никто точные данные о том, где они проходят, предоставить не может? В результате места, куда выдвигались части 32-й дивизии, соответствовали районам концентрации армии АДР (Гянджа и Шуша). Речи о выдвигении войск в Зангезур или тем более в район Нахичевань–Джувльфа–Ордубад в приказе от 6 мая нет.

Командование XI армии не планировало занимать всю территорию Азербайджана, создавать гарнизоны в уездных центрах и крупных городах. Сравнительно небольшие силы выдвигались только на наиболее угрожаемые с точки зрения возможной агрессии со стороны Грузии или Армении направления. Основные силы армии оставались на Апшеронском полуострове.

Тем временем в самом Карабахе после переворота азербайджанский губернатор региона Хосров-бек Султанов сформировал из своей администрации ревком и обратился к новой власти в Баку с приветствием. От имени «демократии Карабаха» он выразил уверенность в «раскрепощении трудящегося народа Востока от ига Англии и других империалистических государств Запада силой союза Советского Азербайджана, Советской России и Турции»².

Через два дня после прихода к власти в Баку, 30 апреля, большевики, удостоверившись в своем признании со стороны старой армии на всей территории страны, издали приказ «азербайджанским войсковым частям, находя-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 273. Л. 94.

² Коммунист. 1920. 1 мая. № 1. С. 3.

щимся в Карабахе и Зангезуре». Им надлежало: «1) прекратить наступление; 2) занять удобные позиции и 3) принять оборонительное положение». В случае нападений со стороны армянских регулярных частей им была обещана помощь Красной армии¹.

Командующий Карабахским отрядом азербайджанских войск Зейналов, признав новую власть, проявлял лояльность к ней, всерьез рассчитывал на помощь со стороны Красной армии в борьбе с армянскими повстанцами. Он регулярно отправлял сводки в штаб XI армии и даже представил доклад с подробным описанием расположения вверенных ему частей². Аскеры также положительно отнеслись к смене власти в Баку.

В начале мая Карабахский отряд добился тактических успехов, восстановив положение на Абдаллярском (Лачин) направлении. Однако его положение было тяжелым. В горной части Карабаха армия контролировала только окрестности шоссе Агдам–Ханкенды–Шуша–Абдалляр. Армянские формирования генерала Дро находились в горном массиве к востоку и юго-востоку от Шуши и блокировали дорогу на Карягино (Физули). Их позиции начинались уже в нескольких километрах от столицы Карабаха — в районе села Шушикенд (Шош)³. Кроме того, солдаты Зейналова были одеты в летнюю форму, притом, что в высокогорье шел мокрый снег: командующий Карабахским отрядом просил прислать обмундирование⁴.

Впервые официальный представитель российских большевиков прибыл в Карабах в конце 10-х чисел мая.

¹ Коммунист. 1920. 1 мая. № 1. С. 3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 493. Л. 236–239.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 5.

Им был уполномоченный Реввоенсовета XI армии Бунимович.

Находясь 10 мая в Тертере, он телеграфировал Орджоникидзе, что им был приведен в жизнь декрет Времревкома от 5 мая 1920 года о национализации земли на всем пространстве от Евлаха до Барды (в равнинном Карабахе). В этом районе он также добился передачи рабочим предприятий. Ожидаемым результатом деятельности Бунимовича стал конфликт с предревкома Карабаха Хосров-беком Султановым. Узнав о том, что творит уполномоченный Реввоенсовета, он лично прибыл к нему. Бунимович так телеграфировал Орджоникидзе из Тертера 10 мая об этой встрече: «Ознакомился с выбранным своей шайкою председателем Карабахского Ревкома, бывшим генерал-губернатором, и другими членами — бывшими следователями, также другими лицами — коммунистами на бумаге. Они протестовали против моих действий, говоря, что Красная армия есть союзница»¹.

Бунимович прав в том, что члены султановского ревкома коммунистами не были. Согласно автобиографии в личном партийном деле карабахского большевика Саркиса (Сако) Амбарцумяна, по роду занятий до 1917 года врача в Шуше, в городе до апрельского переворота отсутствовали коммунистические ячейки в среде мусульман. Взаимодействия между сочувствовавшими большевикам армянами и азербайджанскими тюрками не было никакого. Армянские коммунисты могли вести агитацию только в своей среде. Любые попытки найти сторонников-мусульман завершались провалом. Более того, после мартовского восстания в Карабахе 1920 года Амбарцумян был

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 21.

вынужден бежать на подконтрольную дашнакам территорию и оказался фактически в плену у генерала Дро¹.

Представитель XI армии Бунимович, находясь в Тертере, 10 мая просил предоставить ему полномочия для переговоров с командирами дашнаков. Чтобы понять, зачем ему это потребовалось, обратимся к тексту его телефонограммы: «Тертер. Частые нападения армян. Вода отрезана. Посевы без воды пропадают. Жители некоторых селений бегут. Армяне жгут оставленные населением села. Частей 11 (прим.: армии) нет»². К телефонному аппарату был срочно вызван председатель Реввоенсовета Мехоношин, но получил ли Бунимович полномочия вести переговоры, неизвестно. На следующий день Бунимович вновь направил телеграмму: «...по просьбе населения выехали на позиции засвидетельствовать наступление армян. Армяне, увидев красную каску, начали обстреливать и хотели окружить. Я остался целым. Мы воздержались от стрельбы. Жду указаний»³. Через несколько дней Бунимович направил армянским повстанцам воззвание, в котором призывал «открыть глаза на то, кто ваши обидчики», и заявлял, что Красная армия пришла «освободить вас (прим.: армян) от ваших капиталистов». Он также просил повстанцев выслать представителей в Шушу⁴. По всей видимости, некие мирные контакты с армянами у Бунимовича имели место быть, так как в итоге он телеграфировал своему руководству о необходимости занять фронт в Карабахе частями именно российской Красной армии⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 810. Л. 7–8.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 273. Л. 98.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 273. Л. 105.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 8–9.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 6.

Бунимович исполнял роль главного российского большевика в Карабахе до 16 мая. Во время вступления 12 мая 1920 года¹ 281-го полка 32-й дивизии в столицу Карабаха Шушу он организовал своеобразный парад, выстроив полковой оркестр на горе². За неделю пребывания в Карабахе Бунимович провел 20 митингов³.

Однако он достаточно быстро оказался в состоянии конфликта не только с предревкома Султановым. После прибытия в Шушу Бунимович рапортовал в Баку о раскрытии контрреволюционного заговора и бегстве его «главаря» «турецкого офицера Казанбека». В Шуше Бунимович успел арестовать 7 местных «беков». Кроме того, Бунимович рассчитывал арестовать еще одного «известного помещика», стоявшего во главе отряда из 300 человек. Начальник Карабахского отряда Зейналов наотрез отказывался оказывать содействие в этих делах⁴.

Руководство XI армии, по всей видимости, деятельностью Бунимовича в Карабахе осталось крайне недовольным и посчитало её преступной, так как 16 мая, по неизвестным причинам, комиссар 281-го полка, находившийся в Шуше, получил приказ от председателя Реввоенсовета Мехоношина арестовать Бунимовича⁵. Впоследствии материалы дела Бунимовича были сданы в ревком в Шуше при отступлении 281-го полка из города во время восстания в Гяндже и пропали⁶.

Возвращение большевиков к власти в Азербайджане застало генерала Дро врасплох. Тщательно подготовленную операцию по взятию Шуши пришлось отменить из-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 493. Л. 146.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 7.

³ Там же. Л. 8–9.

⁴ Там же.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 310. Л. 2.

⁶ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 310. Л. 30.

за подхода частей XI армии, солдаты которой приготовились оборонять город от армян¹. Воевать с Красной армией в планы Дро не входило.

Участник повстанческих армянских формирований Заре Мелик-Шахназаров писал спустя многие годы, что на следующий день после вступления Красной армии в Шушу, 13 мая, его направили на разведку в город узнать, есть ли там аскеры и какие у них взаимоотношения с большевиками. По его воспоминаниям, находившиеся в городе красноармейцы были уверены, что в любой момент армяне могут начать наступление, чтобы вырезать их и все мусульманское население Шуши. Переубедить Мелик-Шахназарову тех, с кем он говорил, в том, что армяне сами ждали прихода Красной армии, обороняясь от «турок и мусаватистов», не удалось².

С появлением частей Красной армии в Карабахе в повстанческих формированиях генерала Дро началось разложение. Его стали покидать ранее привлеченные офицеры деникинской армии, о чем свидетельствуют данные опроса Зейналовым сдавшегося вольноопределяющегося Владимира Кавелика³.

Генерала Дро начали покидать и армяне — уроженцы Карабаха, которых привлекали лозунги коммунистов о праве наций на самоопределение и которые все более склонялись к признанию советской власти. В Карабахе росло влияние местных армянских большевиков, таких как убежденный интернационалист С. Амбарцумян, настроенных на компромисс с Баку⁴.

¹ Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. М., 1995. С. 70–71.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 493. Л. 153.

⁴ Novannisian R.G. The Republic of Armenia. From London to Sevres, February–August, 1920. V. III. London, 1996. С. 198.

Дашнакские эмиссары в Карабахе, в частности Арсен Микаелян, пытались противостоять разложению с таким трудом создававшихся военизированных формирований в регионе. В селе Тох (Тут) 14 мая был созван съезд, на котором дашнаки пытались утвердить свое видение произошедшего в Баку переворота. Они утверждали, что революция в Азербайджане носит «панисламистский характер», что «беки и ханы» остались во власти на своих прежних местах и что Карабах все вопросы взаимодействия с Баку будет впредь решать совместно с Арменией¹. Схожие тезисы использовались дашнаками для антибольшевистской пропаганды и в других местах. Не останавливались они и перед прямой ложью, распространяя слухи, что на самом деле красноармейцы — это переодетые деникинцы и никакого переворота в Баку не было².

На следующий день, 15 мая (часто этот документ ошибочно датируется 6 мая), от имени «Комитета обороны крестьян Нагорного Карабаха», по всей видимости, представителю XI армии в Карабахе было передано письмо на имя В.И. Ленина³. Карабахские армяне заявляли о недоверии предревкому Султанову и обещали «с удвоенной энергией продолжить свою борьбу против реакции, пока к границам Нагорного Карабаха не подойдут верные сыны советской России»⁴.

Тем временем на помощь малочисленному стоявшему в Шуше 281-му полку занятой на грузинской границе 32-й дивизии XI армии выдвигалось подкрепление. Командкавфронта Смилга 11 мая отдал приказ: «Для прекраще-

¹ Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: сб. документов и материалов. Ереван, 1992. С. 494–495.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 2–4.

⁴ Возможно, именно после этого письма Бунимович просит занять фронт в Карабахе частями Красной армии.

ния армяно-мусульманской резни в Шушинском и Зангезурском районах левому флангу XI армии выдвинуться в район Нахичевань—Ордубат—Шуша и впредь до разрешения вопроса о границе между Азербайджаном и Арменией смешанной комиссией правительств обоих государств иметь в указанном районе гарнизоны достаточно сильные для поддержания порядка и недопущения национальной резни»¹.

В день появления первых красноармейцев в Шуше, 12 мая, вышел приказ по XI армии: 32-й дивизии предстояло по мере подхода частей 20-й дивизии покинуть грузинскую границу и занять Карабах, выдвинув в район Герусы (Гориса) конницу. Ни о каком занятии района Нахивань—Ордубад в приказе речи не шло. Дивизии ставилась задача «очистить район от банд, производящих взаимную резню, и водворить порядок и безопасность среди жителей»².

Тем же приказом от 12 мая 1920 года 20-й дивизии ставилась задача выдвинуть сильные отряды не только в ранее занимаемые азербайджанскими частями районы, но и в армянский Делижан, где происходило просоветское восстание. Вопрос об отправке частей XI армии в Делижан регулярно оказывался на повестке дня в штабах различных уровней. Связано это было в равной мере с существовавшими при АДР территориальными претензиями на данный район³ и поступлением из Делижана сведения о пробольшевистском настроении местных жителей⁴. Приказы об отправке и остановке отправки туда войск сменяли друг друга буквально через день. К примеру, 19 мая час-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 199. Л. 14.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 22.

³ Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks: power and identity under Russian rule. Hoover Press, 1992. С. 331.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

тям 20-й дивизии приказывалось ускорить выдвижение в Делижан. На следующий день, 20 мая, распоряжение было отменено¹, 24 мая снова приказывалось выслать разведку в район Делижана, но с дашнаками на армянской территории не сталкиваться. В случае если Делижан находится не под контролем местных большевиков — отряд не высылать².

Так же как и 32-й дивизии, приказом от 12 мая 20-й дивизии ставилась задача прекратить армяно-мусульманскую резню. На юге зоны ответственности дивизии располагались горы Малого Кавказа с чересполосным расселением армян и мусульман, где так же, как и в Карабахе, действовали дашнакские эмиссары, в частности полковник Егор Тер-Аветисян³.

Деятельность полковника Тер-Аветисяна характеризует следующий эпизод. В конце апреля он сформировал группу добровольцев из местных армян и отправил их в Араратскую республику для получения оружия. Уже после установления власти большевиков в Шамхорском уезде при проходе через населенное азербайджанскими тюрками село Кабахтепе между армянами и местными жителями произошло столкновение, в результате которого несколько человек погибло. Эта стычка привела к волнениям и перекрытию дороги между «пролетарским оазисом» Елисаветпольской губернии Кедабеком и железнодорожной станцией. Получившие оружие дашнаки спустя две недели попытались вернуться той же дорогой через Кабахтепе, но были остановлены при поддержке отрядов кедабекских рабочих. 16 мая дашнаки вновь решили про-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 53.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 65.

³ Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. М., 1995. С. 73–74.

никнуть в Шамхорский уезд: на этот раз другой дорогой через населенное в то время армянами село Башкенд¹.

Не прекращались стычки и в других районах Малого Кавказа. В горах к югу от Гянджи регулярно происходили столкновения между местным армянским и мусульманским населением, часть которого даже в середине мая не знала о приходе к власти большевиков в Азербайджане².

Спустя две недели после переворота, 14 мая, большевики взяли курс на чистку уездных ревкомов от старых кадров времен АДР³. Дефицит авторитетных большевистских кадров-мусульман заставил народных комиссаров разъехаться из Баку по всему Азербайджану осуществлять большевизацию ревкомов на местах.

Карабах и Зангезур достались наркому просвещения и народного контроля Дадашу Буният-заде, который выехал туда не ранее 15 мая⁴. Предревком Хосров-бек Султанов был смещен и спустя неделю, 22 мая, арестован и направлен в Баку⁵. В частности, ему в вину ставилось, что он посадил в тюрьму нескольких армянских коммунистов, пытавшихся после переворота в Баку перебраться в Шушу с контролировавшихся генералом Дро территорий⁶.

Вслед за Буният-Заде в Карабах направились Г.К. Орджоникидзе (16 мая)⁷ и командарм XI армии М.К. Левандовский.

Орджоникидзе еще 13 мая телеграфировал Ленину о намерении занять Карабах, Зангезур и район Ордубад—

¹ Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. С. 73–74.

² Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 2.

³ Коммунист. 1920. 15 мая. № 12. С. 4.

⁴ Коммунист. 1920. 16 мая. № 13. С. 3.

⁵ АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 21.

⁶ Коммунист. 1920. 3 авг. № 26. С. 2.

⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 64.

Нахичевань–Джувльфа частями Красной армии, выведя оттуда азербайджанских аскеров. Уже тогда он был уверен, что это соответствует интересам и армян, и мусульман и прекратит боевые действия между ними¹.

Во время пребывания Орджоникидзе и Левандовского в Шуше, 19 мая, к Дро были направлены парламентарии: уполномоченный реввоенсовета Кавфронта Саак Тер-Габриелян, помощник командира 281-го полка Парнакий и инструктор-организатор того же полка Кайдалов. При появлении представителей Красной армии в расположении армянских частей простые солдаты приветствовали их криками «ура!». Только начальник боевого участка отнёсся к ним холодно. Сам Дро старался убедить представителей Красной армии в том, что он не планирует с ней воевать и настроен только обороняться против мусульманских частей².

В Карабахе Орджоникидзе убедился в правильности своего прежнего решения о занятии Карабаха, Зангезура и Нахичевани войсками Красной армии. По возвращении в Баку он отправил в Москву следующую телеграмму: «Ночью вернулся из Карабаха. Армянская часть города Шуши и окрестные села армян совершенно разрушены. То же самое сделано армянами в Зангезурском уезде с мусульманскими селами. И армянское, и мусульманское население с радостью встречают русские красные войска. Думаю, что район Шуша–Нахичевань–Джувльфа–Ордубад будет занят без сопротивления со стороны армян»³.

Левандовский также сделал выводы из своей поездки в Карабах, приказав ускорить переброску туда войск 32-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 58.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1025. Л. 1–3.

³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 71–72.

й дивизии¹. Кроме того, 18 мая дивизии были поставлены новые задачи. К 25 мая ей надлежало выслать сильные отряды на Нахичевань и Джульфу»². Через три дня малочисленную 32-ю дивизию в Карабахе было решено усилить: 20-я дивизия, помимо границы с Грузией, должна была контролировать дорогу Шуша—Ханкенды³.

По мере нарастания численности частей Красной армии в Карабахе и арестов окружения бывшего генерал-губернатора и первого предревкома дела у генерала Дро шли все хуже и хуже. В начале 20-х чисел мая в Гюлистане и Хачене, в селе Шушикенд/Шош (к востоку от Шуши) произошел переворот. Местные карабахские армяне арестовали видных дашнаков и выходцев из Турции, в том числе начальника района Арамаиса Гаспаряна⁴.

Однако все планы руководства большевиков и наметившиеся в регионе процессы оказались перечеркнуты начавшимся в Азербайджане антибольшевистским восстанием. Карабах станет одним из его очагов.

ГЛАВА 5. ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА в АЗССР

Два с половиной года, прошедших с Октябрьской революции в 1917-м до весны 1920-го, были временем стремительной эволюции большевистского режима на территориях бывшей Российской империи. В эти годы происходило становление принципиально новой правовой системы, мобилизационной политики военного коммунизма в экономике, шла коренная ломка сферы образования и соцобеспечения, формировалась новая регулярная армия и силовые структуры.

Падение Баккомуну и изгнание большевиков из Закавказья в 1918-м привели к тому, что регион выпал из тех процессов, которые протекали в РСФСР. Развитие институтов и правовой системы возникших государств Южного Кавказа вплоть до 1920 года шло по принципиально иному пути.

Специфика возвращения большевиков к власти в Баку, равно как и признание независимости Азербайджана со стороны РСФСР, имели следствием сохранение на территории республики не только внешних атрибутов её государственности и большинства институтов (под новыми именами), созданных в годы «мусаватистского режима», но также и правовой системы, отличной от формировавшейся с 1917 года в Советской России. Если с приходом Красной армии на Северный Кавказ там автоматически вступали в силу декреты, законы и распоряжения органов власти РСФСР различного уровня, принятые в 1917–1920 годах, то в Азербайджане этого не произошло.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 274.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 35–36.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 61.

⁴ Коммунист. 1920. 3 авг. № 26. С. 2.

В течение первых недель после переворота большевики не осуществляли никаких принципиальных преобразований. Все их мероприятия носили ситуативный характер и были направлены на закрепление власти в Баку. Как телеграфировал в первых числах мая в Москву В.И. Ленину после ознакомления с положением дел представитель Кавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе: «органическая работа пока не ведётся, идет организация власти»¹.

Проведение преобразований тормозилось многими факторами. Во-первых, бакинские большевики сознавали, что опираются на старый государственный и силовой аппарат, который при начале коренных перемен по образцу Советской России, в лучшем случае начнёт их саботировать. Во-вторых, в те дни в Баку еще не приехал из Москвы провозглашенный председателем Временного Революционного комитета Н. Нариманов. Все значимые документы за него подписывал М.Д. Гусейнов — один из создателей формально независимой от РКП(б) Азербайджанской коммунистической партии и бывший «гумметист». В-третьих, представитель Кавказского краевого комитета РКП(б) Г.К. Орджоникидзе по приезду в Баку не имел полномочий курировать политику местных коммунистов даже в вопросах интеграции с РСФСР и в то же время откровенно признавался, что боится доверить это дело им².

Очевидно, бакинские большевики в начале мая 1920 года никак не могли определиться с тем, кто же является представителем Центрального Комитета РКП(б) в республике, через кого и как им следует выстраивать отношения с Москвой. Острая необходимость подтвердить свой статус в Азербайджане просматривается в следую-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

щих словах телеграммы Орджоникидзе Ленину: «будем проводить военно-хозяйственное, экономическое объединение с Совет. Россией... Снабдите нас по радио (прим.: полномочиями) или пришлите кого другого, но немедленно. Нариманову таких полномочий не давайте»¹.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

Вплоть до приветственной телеграммы В.И. Ленина с признанием независимости Азербайджана находившиеся в Баку большевики «варились в собственном соку». Единственным документом, который бы затрагивал принципиальные вопросы будущего устройства Азербайджана, созданным в первые недели после переворота, был Декрет о земле.

Положения Декрета сформулированы в общей форме и лишены конкретики. Первым пунктом декрета объявляется, что «отныне частная собственность на землю в Азербайджанской Советской Социалистической Республике уничтожается навсегда» и «все земли ханов, беков, помещиков, а также все монастырские, церковные, вакуфные и мечетские земли со всем их живым и мертвым инвентарем немедленно передаются без всякого выкупа (явного или скрытого) трудовому Народу на началах уравнительного землепользования»².

Декрет утвержден всеми членами Ревкома, находившимися на тот момент в Баку. В качестве председателя в списке подписавшихся фигурирует М.Д. Гусейнов.

За реализацию декрета отвечать должен был назначенный главой созданного в первых числах мая Комисса-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 12.

² Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 3.

риата земледелия бывший депутат Закавказского сейма и парламента АДР Самед Ага Агамали оглы¹. Скорее всего, именно он и стал автором текста декрета: с 1919 года Агамали оглы являлся главой «Земельной комиссии» парламента Азербайджана, подготовившей законопроект об обобществлении земли, рассмотрение которого неоднократно откладывалось под разными предложениями². Теперь он получил возможность реализовать существовавшие наработки.

Для передачи земель и инвентаря «трудовому народу» декрет предписывал создание «уездных и сельских (или участковых) комитетов». Ни из кого эти комитеты будут состоять, ни кто их должен создавать, в документе не уточняется. Более того, в течение недели после выхода в свет декрета никаких разъяснений по этим вопросам не публиковалось. Только 9 мая на последней странице газеты «Коммунист» в трех строчках упоминается о подготовке положения о земельных комитетах³.

Тем временем о декрете о земле в азербайджанской глубинке крестьяне узнавали крайне медленно⁴ и часто от представителей Красной армии, а не местных властей. Так, направленный в Карабах уполномоченный XI армии Бунимович по прибытии на ст. Евлах 7 или 8 мая без каких-либо инструкций Времревкома развернул бурную деятельность по передаче земель крестьянам. Уже 10 мая он телеграфировал члену реввоенсовета армии Мехоношину, что между Евлахом и Тертером «не осталось земель в руках у помещиков»⁵. Остается только догадываться, в

¹ Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 3.

² Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Парламент: стенографические отчеты. Баку, 1998. С. 368.

³ Коммунист. 1920. 9 мая. № 7. С. 4.

⁴ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 3.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 21.

каких формах проходило обобществление земель на равнине Карабаха. Однако факт срочного приезда к уполномоченному XI армии Предревкома Карабаха Х. Султанова и его попытки протестовать¹, а также дальнейшие события первого на территории Азербайджана антибольшевистского восстания в Тертере² говорят за себя.

Информационный вакуум, образовавшийся вокруг земельной реформы, был прерван 13 мая публикацией в «Коммунисте» интервью с Агамали оглы. Наркомзем успокаивал население, заявляя, что «в действительности... раздел касается крупных помещиков и сельскохозяйственных экономий; мелкого собственника он не тронет», и сетовал на профнепригодность служащих бывшего Министерства земледелия³. На следующий день, 14 мая, на передовице «Коммуниста» было опубликовано объявление о наборе желающих ехать в деревню приводить положения декрета о земле в жизнь⁴.

15 мая был опубликован Декрет о национализации лесов, вод и недр земли, имевший так же, как и Декрет о земле, декларативный характер: правила использования ресурсов предполагалось определить позднее⁵.

И только 20 мая увидело свет «Положение о временных уездных и сельско-общественных земельных комитетах», описывавшее порядок обобществления сельскохозяйственных угодий. Согласно положению, уездземкомы состояли из 5 человек каждый: назначаемый Наркомземом председатель и представители от местного Ревкома, крестьянской, рабочей и профсоюзной организаций. Уездземкомы создавали в каждом сельском обществе сельско-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 21.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 415. Л. 206.

³ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 2.

⁴ Коммунист. 1920. 14 апр. № 10. С. 1.

⁵ Коммунист. 1920. 15 апр. № 11. С. 2.

общественные земкомы из выборных лиц. Обобществлению не подлежали надельные земли и земли мелких собственников. Все остальные владения со всем движимым и недвижимым имуществом должны были быть конфискованы и разделены. Исключением должны были стать «культурно-ценные имения», которые подлежали национализации целиком с дальнейшим устройством хозяйствования в них «на новых началах»¹.

Порядок формирования местных земкомов предопределил характер и специфику проведения земельной реформы в советском Азербайджане. Во-первых, в большинстве уездов Азербайджана не было сложившейся прослойки наемных работников и, как следствие, не было местных рабочих и профсоюзных организаций, члены которых должны были бы принимать участие в деятельности земкомов. Во-вторых, неопределенность понятия «мелкобуржуазный собственник», которое фигурирует в декрете, и отсутствие классовых ограничений при выборах представителей сельско-общественных земкомов давало лазейку для проникновения в их состав бывших крупных землевладельцев. Тем не менее публикация «Положения...» имела огромное значение, окончательно продемонстрировав, что большевики в Азербайджане всерьез намерены приступить к конфискации имений местных помещиков и земель, принадлежавших религиозным организациям.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ФИНАНСЫ

Несмотря на, казалось бы, первостепенное значение бакинской нефти для российских большевиков, перево-

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 20 мая. № 4. С. 2.

рот в Азербайджане не привел к сиюминутной национализации ни промышленности, ни транспорта, ни финансов. Необходимость в этих мерах отсутствовала: из телеграммы Соловьева, ведшего переговоры в начале и середине апреля 1920 года о поставках нефти в Советскую Россию, следует, что нарушение в 1918–1920 годах привычных экономических связей, отсутствие доступа к традиционным рынкам и, как следствие, заговаривание складов и простои производства довели бакинских капиталистов до готовности к компромиссу с большевиками на любых условиях¹.

После прихода к власти в Баку коммунисты не столкнулись с саботажем буржуазии. Уже в день переворота первые пароходы с нефтью были направлены в сопровождении канонерской лодки «Ардоган»² в Астрахань³. Создание 28 апреля Центральной комиссии по охране промыслов, заводов и складов г. Баку и его районов⁴ оказалось лишеным смысла, и все её структуры были ликвидированы уже 6 мая⁵.

Лояльность бакинской буржуазии была оценена местными большевиками. В начале мая представитель Времревкома Спиридонов провел собрание рыбопромышленников, где заручился их поддержкой и пообещал, что отрасль национализирована не будет при условии «интенсивной работы» предприятий⁶. Подобная работа велась и с нефтепромышленниками⁷.

¹ ГАРФ. Д. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 21.

² Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

³ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 3.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 30 апр. № 2. С. 3.

⁵ Коммунист. 1920. 6 мая. № 4. С. 2.

⁶ Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 4.

⁷ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 4.

Основные проблемы в экономике в первые недели после переворота были связаны с приходом в Азербайджан XI армии и собственноручными действиями большевиков. Удару подверглись две сферы: финансов и продовольствия. Появление в Баку большого числа новых едоков привело к образованию дефицита хлеба¹. Обвинив в росте цен спекулянтов, большевики пытались решить проблему любыми мерами, вплоть до ареста пекарей². Это только усугубляло ситуацию и провоцировало слухи, подпитывавшиеся неуклюжими действиями Бакинского ревкома³, о запрете свободной торговли. Хлебные очереди, или, как тогда говорили, «хвосты», останутся привычным явлением для Баку.

Другой проблемой стало то, что красноармейцы привезли с собой большое количество валюты разного происхождения. Помимо советских рублей, у них имелись деньги, эмитированные различными «меньшевистскими» государственными образованиями на территориях бывшей Российской империи. Эту валюту было решено разрешить им через Азербайджанский государственный банк обменивать на азербайджанские бонны⁴.

Но сильнее всего по сфере финансов ударил приказ от 5 мая о 80%-ной надбавке заработной платы рабочим нефтяной отрасли. На совещании 6 мая представителей финансовых властей Азербайджана с нефтепромышленниками выяснилось, что у последних нет достаточного количества наличных средств для выплаты заработной платы

¹ Коммунист. 1920. 4 мая. № 2. С. 4.

² Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 4.

³ Коммунист. 1920. 20 мая. № 16. С. 4.

⁴ Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 2.

и им требуются ссуды¹. Все банки в Баку² и Гяндже³ были опечатаны для осуществления ревизии, которая завершилась объявлением о грядущей национализации банков, всех крупных вкладов и ценностей в банковских сейфах⁴. Последствия были предсказуемы: закрытие банков нанесло всей сфере финансов сильный репутационный урон. А вброс значительного объема денежных знаков на рынок в условиях невозможности продавцам повышать цены привёл к вымыванию с него товаров, в том числе продовольственных.

Вплоть до середины мая действия Времревкома под руководством М.Д. Гусейнова в рабочем вопросе и экономике носили не большевистский, а социал-демократический — «меньшевистский» характер. Сигнал о грядущих переменах дала короткая заметка в газете «Коммунист» о прибытии в Баку председателя «Главконефти» и автора декрета о национализации нефтяной промышленности 1918 года Зиновия Николаевича Доссера⁵. На следующий день, 16 мая, вышел в свет Декрет о рабочем контроле в промышленности и на транспорте. В одном из его пунктов говорится: «лишь только сами работники каждого предприятия через свои выборные органы Рабочего Контроля могут выяснить состояние своих предприятий... раскрывая все коммерческие тайны предприятия, подготавливая отдельные отрасли производства к огосударствлению»⁶.

¹ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 4.

² Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 4.

³ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 4.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 20 мая. № 4. С. 4.

⁵ Коммунист. 1920. 15 мая. № 12. С. 3.

⁶ Коммунист. 1920. 16 мая. № 13. С. 2–3.

З.Н. Доссер становится «временно исполняющим обязанности председателя» Азербайджанского нефтяного комитета. В этой должности 19 мая он ставит на учет всех инженеров и техников нефтяной промышленности¹.

Однако окончательно планы в отношении нефтяной промышленности большевики озвучили 22 мая. Национализация крупных предприятий объявлялась решенным делом. Вопрос о мелких и средних предприятиях должен был быть рассмотрен до конца мая. Руководством подготовкой декрета занимался старый большевик и потомственный революционер инженер Александр Павлович Серебровский², которому суждено будет возглавить процесс национализации нефтяной промышленности Баку после отъезда Доссера.

В день начала восстания в Гяндже, 26 мая, был принят Декрет о национализации нефтяной промышленности. Все предприятия переходили в ведение Азербайджанского нефтяного комитета. Торговля нефтью и нефтепродуктами объявлялась монополией. Огосударствлению не подверглись только кустарные производства³. Через десять дней, 6 июня, ему последовал Декрет о национализации Каспийского Торгового Флота⁴.

Пытаясь остановить процесс распространения сложившихся в РСФСР практик политики военного коммунизма на Азербайджан, Н. Нариманов 3 июня издал Постановление о свободной торговле. Предревком требовал от властей на местах прекратить ставить препоны свободному перемещению товаров по территории Азербайджана,

ограничивая только трансграничную торговлю¹. В том же духе был и изданный 2 июня Приказ о недопущении вмешательства других властей в распоряжения Наркомпрода², очевидно, направленный против действий представителей XI армии в условиях восстаний в уездах Азербайджана.

Тем не менее эти действия уже не могли изменить складывавшееся у жителей Азербайджана понимание того, какую экономическую политику будут проводить большевики. В тот же день, что и Постановление о свободной торговле, был опубликован подписанный Наримановым и Мусабековым еще 20 мая Декрет о создании единого распределительного аппарата («Единого Потребительского Общества»), предписывавший всем гражданам стать членами потребительского общества и приписаться к местному кооперативу. Через огосударствленные кооперативы под контролем гражданских властей должно было осуществляться распределение товаров первой необходимости среди жителей республики³.

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 1.

² Коммунист. 1920. 22 мая. № 17. С. 3.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 27 мая. № 9. С. 2.

⁴ Коммунист. 1920. 6 июня. № 29. С. 5.

¹ Коммунист. 1920. 3 июня. № 26. С. 5.

² Коммунист. 1920. 25 июня. № 25. С. 5.

³ Коммунист. 1920. 3 июня. № 26. С. 5.

Глава 6. Отложенная битва за Азербайджан

Легкость, с которой большевики установили власть в последние дни апреля 1920 года на всей территории, контролировавшейся на тот момент АДР, имела для них оборотную сторону: старый государственный аппарат остался практически в нетронутном виде. Многие уездные управы переименовали себя в «ревкомы», а полицейские учреждения в «милицию». Такое положение вещей не могло продолжаться долго. Оно не устраивало ни азербайджанских партийных функционеров, ни местных коммунистов^{1,2,3}, вызывало удивление и негодование политработников XI армии⁴, использовалось для антибольшевистской пропаганды в сопредельных странах Южного Кавказа⁵.

Первые недели после переворота большевистский Азербайджан был словно на распутье. Новые власти, ставшие у руля в Баку, не предпринимали шагов ни в одной из чувствительных для общества сфер. Даже столь логичный в имевшей место обстановке Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов был опубликован только спустя 2 недели⁶.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 4.

² Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 204.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 4.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 21.

⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 65.

⁶ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 2.

В начале мая представители существовавших до переворота в Азербайджане партий и политических сил одни за другими объявляли о лояльности большевикам¹. Армия признала переход власти, сняла погоны и ордена и перешла на новые внешние знаки отличия. Военнослужащие прикрепили к папахе красную ленту, на рукав нашили красную пятиконечную звезду и полумесяц. Вместо погон распространялась сходная с российской армией система обозначения званий². Красные аскеры старой армии даже принимали участие в операциях за пределами территории бывшей АДР на стороне большевиков. Часть Ширванского полка выполняла вспомогательные удары при Энзелийской операции, заняв 21 мая иранский город Ардебиль в южном Азербайджане и захватив при этом одно орудие. Согласно оперативной сводке полка от 22 мая противник при этом разбежался. Затем полк был направлен в Астару для погрузки на корабли и отправки морем в Энзели³.

Сквозь эту идиллическую картину триумфального, мирного и бескровного возвращения большевиков к власти проступали предвестники грядущих перемен. Нарком просвещения Буняят-заде 4 мая конфисковал материалы, подготовленные для публикации газетой партии «Мусават» «Истиглал»⁴. На следующий день председателем АзЧК вместо бывшего бакинского социал-демократа-подпольщика Чураева стал начальник Особого отдела XI армии Панкратов^{5,6}.

¹ См.: Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. № 1–2; Коммунист, № 1–3.

² Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 3.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 206. Л. 9.

⁴ Коммунист. 1920. 5 мая. № 3. С. 4.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3267.

⁶ Коммунист. 1920. 6 мая. № 4. С. 3.

ПЕРЕХОД БОЛЬШЕВИКОВ К ДЕЙСТВИЯМ

Отправной точкой начала полноценной, а не формальной большевизации Азербайджана следует считать два события, практически совпавших по времени: признание независимости республики со стороны РСФСР и приезд командующего Кавказским фронтом латыша Ивара Тенисовича Смилга в Баку. По всей видимости, именно в те дни была артикулирована генеральная линия большевиков в отношении Азербайджана.

В то время как в Баку проходили праздничные мероприятия по случаю приветственной телеграммы В.И. Ленина, включавшие в себя митинги и парад находившихся в городе частей¹, наркомпрос Д. Буният-заде объявил о национализации типографий и печати. Эта работа была поручена старому коммунисту² Аршаку Михайловичу Хачиеву³. Ничего теперь не могло быть отпечатано в Баку без его разрешения. Назначение армянина на такую должность стало огромным ударом по репутации новой власти в среде национально и протурецки ориентированной тюркской общественности, шло в разрез с прежним её позиционированием и не могло быть не использовано для антибольшевистской пропаганды.

По соседству с приказом о национализации типографий в том же номере газеты «Коммунист» оказался список из 21 расстрелянного азербайджанской Чрезвычайной комиссией под председательством Панкратова⁴. В списке

¹ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2160.

³ Коммунист. 1920. 13 мая. № 9. С. 3.

⁴ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 3.

в основном были старые враги большевиков, бежавшие в АДР с Северного Кавказа. Среди них оказались шесть деникинских генералов и известный руководитель антибольшевистского восстания в Предкавказье в 1918 году, социалист, ранее уже арестовывавшийся белыми, Георгий Бичерахов. Могло бы показаться, что российские коммунисты сводили старые счеты, если бы под номером 15 в списке не значился бывший начальник контрразведки АДР Шахсуваров. По стране поползли слухи о начале красного террора¹. Вскоре бакинцы с удивлением увидели метущими улицу 20 политических арестантов Баиловской тюрьмы. Среди них плечом к плечу работали бывшие генерал-губернатор Баку Тлехас и председатель армянского национального совета Тер-Микаэлянц².

В этой атмосфере было объявлено о назначении начала выборов депутатов Бакинского совета на 25 мая³. Центральную избирательную комиссию возглавил руководивший в течение недели АзЧК старый бакинский подпольщик А.Е. Чураев. Началась кампания по подготовке выборов. Согласно опубликованной инструкции, в них могли участвовать только рабочие обоих полов, достигшие 16-летнего возраста, тех отраслей, где имелись профсоюзы. К выборам допускались расквартированные в городе части российской Красной армии и флота. Права избирать и быть избранным лишались все жившие на «нетрудовые доходы» (проценты от капитала, сдачи в аренду недвижимости), занимавшиеся торговлей, духовенство, бывшие сотрудники полиции и жандармерии⁴.

¹ Коммунист. 1920. 14 мая. № 10. С. 1.

² Коммунист. 1920. 15 мая. № 11. С. 4.

³ Выборы должны были проходить несколько дней в разных районах города.

⁴ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 3.

Днём начала реальной большевизации Азербайджана стало 12 мая 1920 года. В то время когда 281-й полк 32-й дивизии российской Красной армии торжественно вступал в Шушу¹, в Баку было принято несколько ключевых решений.

Во-первых, был подписан Декрет о народном суде. Согласно его положениям, суд приобретал классовый характер и подчинялся советам соответствующего уровня. Судьями могли стать только те, кто обладал избирательным правом, то есть пролетарии и крестьяне. Политические дела, в том числе о дискредитировании советской власти, выводились из сферы деятельности Народного суда и передавались Революционному Трибуналу².

Во-вторых, был принят уже сильно запоздалый Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. Примечательно, что подписан он был не комиссаром внутренних дел Г. Султановым или предревкома Д. Гусейновым, а прибывшим вместе с А.Т. Смилгой политработником Кавфронта, старым большевиком, бывшим сотрудником московской редакции газеты «Правда» Сергеем Ивановичем Духовским. В 1918–1919 годах он являлся секретарем коллегии Наркомата внутренних дел РСФСР, а теперь вошел в коллегию Наркомата внутренних дел АзССР³. Подписанный им декрет отменял все существовавшие статьи законов о сословных и иных привилегиях и вводил единое для всего населения республики обращение «гражда-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 344. Л. 7.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Баку, 1920. С. 9–24.

³ ГАРФ. Ф. Р-5144. Л. 5.

нин». Имущество и архивы сословных организаций передавались ревкомам¹.

В-третьих, 12 мая было принято решение о начале чистки провинциального губернского аппарата. Наркомат внутренних дел направил местным ревкомам телеграммы с требованием удалить из своей среды «нетрудовой элемент» (т.е. помещиков, торговцев, рантье), бывших полицейских и администраторов. В интервью 14 мая Г. Султанов уточнил, что Времревком наделил его чрезвычайными полномочиями, а в телеграммах местным властям предписывалось арестовать всех бывших уездных начальников и губернаторов².

Нетрудно догадаться, что власти на местах телеграмму наркома внутренних дел всеми силами саботировали, так как состояли преимущественно именно из тех, кого от них требовали «вычистить». Зато предписания телеграммы исполняли представители XI армии. В Гяндже 13 мая особым отделом 32-й дивизии был арестован бывший губернатор Худадат-бек Рафибеков³. Это событие, а также предпринятое ранее опечатывание банков⁴ спровоцировали панику в городе. Гянджу начали спешно покидать представители имущих классов, а также все, кто мог опасаться репрессий со стороны коммунистов⁵. Среди них были и бежавшие с Северного Кавказа многочисленные деникинцы, осевшие в городе еще до переворота⁶. Недоверие к новой власти усилила публикация 18 мая подписан-

¹ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 2.

² Коммунист. 1920. 15 мая. № 12. С. 4.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 25 мая. № 7. С. 1.

⁴ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 4.

⁵ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 2.

⁶ Голос России. 1920. 25 апр. № 87. С. 3.

ной Духовским инструкции, согласно которой регистрации в ревкомах в двухнедельный срок подлежали все бывшие чиновники высшего и среднего звена, капиталисты и крупные землевладельцы с членами их семей¹.

В условиях распространявшихся по Азербайджану слухов о «бесчинствах» большевиков продемонстрировать новую законность был призван показательный процесс по делу об убийстве в марте 1920 года коммуниста Али Байрамова. Главными обвиняемыми проходили бывший бакинский генерал-губернатор Мирза Гирей Тлехас и главный городской полицмейстер Рустамбек Мирзоев. Суд начался 21 мая и проходил в помещении Маиловского театра непосредственно на его сцене. Вход в театр осуществлялся по билетам, распределявшимся среди рабочих. Обвинителем выступал нарком юстиции Али Гейдар Караев².

В-четвертых, 12 мая, было принято решение о чистке в правоохранительных структурах. С 15 мая все бывшие полицейские увольнялись. Нарком внутренних дел Султанов пообещал, что особое внимание будет уделено культурному уровню новых милиционеров³. Однако из кого можно было их набрать в провинции и как это осуществлялось на практике в условиях продолжения работы ревкомов в прежнем составе, остаётся только догадываться. Даже в Баку прежние полицейские чины могли быть приняты в милицию с условием рекомендации районного ревкома или руководства одного из профсоюзов⁴.

¹ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 3.

² Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 23 мая. № 6. С. 2.

³ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 2.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 2.

План коренного преобразования азербайджанской армии был подписан также после прибытия в Баку командования Смилги. К этому времени ревизия в бывшем военном ведомстве АДР выявила, что во всех регулярных частях имелся сильный недокомплект личного состава. В нескольких полках (Кубинском и Агдашском) вместо списочных 2000 бойцов налицо не насчитывалось и 400. Ситуация обстояла лучше только в Джеванширском, Ширванском и конных полках, укомплектованных более чем наполовину¹.

Приход к власти большевиков в Азербайджане привел к усилению дезертирства. Многие мобилизованные при старой власти рядовые аскеры решили, что теперь в армии они служить не обязаны, и стали расходиться по домам². Дезертиры порой сбивались в банды и совершали нападения на склады, как это произошло 4 мая на ст. Пута³. К этому следует прибавить, что офицерский корпус старой азербайджанской армии никак не мог вызывать доверия у командного состава прошедших Гражданскую войну большевистских частей.

Сохранение прежней структуры азербайджанской армии было невозможным. План реорганизации был включен в приказ по XI армии от 11 мая⁴ и подтвержден приказом Комвоенмора Ильдрыма 16 мая⁵. Азербайджанские части сводились в одну дивизию в составе стрелковой бригады из 3 стрелковых полков, артиллерийского дивизиона из 3 батарей по 3 орудия, кавалерийской бригады из 3 конных полков, одной конной батареи, инженерной

¹ Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 531.

² Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 3.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 411. Л. 154.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

роты дивизии, роты связи дивизии и управления дивизии и бригад по штатам российской Красной армии.

Командующим Азербайджанской Сводной дивизией был назначен бывший кадровый офицер царской армии Степан Степанович Шевелев, перешедший на сторону большевиков в 1918 году при обороне Кизляра¹. Его помощником — полковник армии АДР Рашид Эфендиев². Командирами трех пехотных полков стали офицеры старой азербайджанской армии: 1-й полк — Самед-бек Рафибеков, 2-й полк Исрафил-бек Исрафилов, 3-й полк — Гусейн Кугушев. Военным комиссаром дивизии назначен турок-коммунист, участник переворота в Баку Сулейман Нури³. Свести личный состав старой армии в новые пехотные полки планировалось в Баку, Гяндже и Ханкенды, выводя для этого туда все наличные части красных аскеров.

Дефицит квалифицированных большевистских кадров, в особенности мусульман, в Азербайджане был столь велик, что для организации власти на местах из Баку после 15 мая начали разъезжаться члены Времревкома. Кроме них, «чистить» уездные ревкомы было попросту некому. Нарком военмор Ч. Ильдырым⁴ и нарком внутренних дел Г. Султанов⁵ отправились в бывшую Гянджинскую губернию. Покидая Баку, Ильдырым оставил своим заместителем командира 28-й дивизии XI армии и с 11 мая⁶ на-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 118.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

⁴ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 1.

⁵ Коммунист. 1920. 15 мая. № 12. С. 4.

⁶ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 2.

чальника бакинского гарнизона Никифора Авраамовича Нестеровского¹.

Нарком просвещения Д. Буният-заде отправился в Карабах², где должен был заменить смещенного с должности и впоследствии арестованного 22 мая 1920 года бывшего губернатора и «самозванного» председателя ревкома Хосров-бека Султанова³.

Перед своим отъездом Буният-заде подписал Декрет о свободе совести⁴. Несмотря на свое громкое название, документ представлял из себя две статьи и касался только вопросов запрета на преподавание религии в гражданских учебных заведениях и ликвидации Министерства исповеданий.

Еще ранее сфера народного просвещения подверглась значительным преобразованиям по образцу РСФСР. С 5 мая прекратились занятия в учебных заведениях: их начали готовить к реформе, для чего отправили группу учителей в Россию⁵. В школьных зданиях разместились расквартированные красноармейцы⁶.

Экзамены отменялись — вместо них преподаватель при переводе на следующую ступень должен был руководствоваться работой учащегося в течение года⁷.

Ношение учащимися и преподавателями форменной одежды было отменено 7 мая⁸. Затем прекратили свое существование педсоветы в средних и младших учебных за-

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 1.

² Коммунист. 1920. 16 мая. № 13. С. 3.

³ АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 21.

⁴ Коммунист. 1920. 15 мая. № 12. С. 1.

⁵ Коммунист. 1920. 7 мая. № 5. С. 4.

⁶ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 4.

⁷ Там же.

⁸ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 3.

ведениях. Вместо них вводилось совместное управление советом учащихся, достигших 12 лет, преподавательского состава и представителей ревкомов¹.

Вскоре были отменены и вступительные экзамены в университет². К лекциям допускались все желающие. Проверка знаний предполагалась только по итогам первого полугодия.

Таким образом, к моменту запрета на религию в школе и отъезда Буният-заде в Карабах, по крайней мере в Баку, старая система образования уже прекратила свое существование.

Лаконичность и несоответствие содержания Декрета о свободе совести его названию наводит на мысль о том, что изначально он задумывался более масштабным, но вызвал слишком много споров среди лидеров находившихся в Баку большевиков. Окончательная артикуляция политики коммунистов в отношении религиозных организаций и служителей культа в Азербайджане была отложена до приезда формального председателя Времревкома Наримана Нариманова. Именно так следует интерпретировать слова А.Г. Караева, заявившего 17 мая, что «религиозный вопрос будет окончательно решен в ближайшие дни»³.

Н. Нариманов прибыл в Баку 16 мая в 11 часов утра. На вокзале ему был организован торжественный прием. Его встречали теперь уже ставший заместителем предревкома Д. Гусейнов, наркомвоенмор Ч. Ильдырым, наркомвнудел Г. Султанов, наркомздрав А. Алимов, представители XI армии, а также выстроенные курсанты военной школы со знаменем АзССР (т.е. красным полотнищем с белой

¹ Коммунист. 1920. 13 мая. № 9. С. 4.

² Коммунист. 1920. 14 мая. № 10. С. 4.

³ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 4.

звездой и полумесяцем) и оркестром. Предревкома выступил с речью о роли Азербайджана для революции на Востоке на русском и тюркском (прим.: так в газете) языках¹.

В тот же день большинство участников апрельского переворота разъехалось для организации власти в провинции. В столице осталась только половина членов Времревкома. Представитель Кавказского крайкома РКП(б) Орджоникидзе также уехал в Карабах². Командующий XI армией Левандовский — в Гянджу³.

После своего приезда Н. Нариманов сделал попытку переломить тенденцию к слиянию партийных и государственных структур в Азербайджане. Однако показательной стала история с прессой. К 19 мая редакция газеты «Коммунист» была разделена на две части. Одна должна была издавать официальный печатный орган Времревкома «Известия...», позиционировавшийся как непартийный. Вторая — орган АКП(б) «Коммунист»⁴. Эта мера не прижилась. Редакция фактически осталась единой и с 29 мая снова начала издавать только газету «Коммунист»⁵.

Декрет о свободе совести не внес полной ясности в вопрос о том, какую политику намерены проводить большевики по отношению к религии в Азербайджане. В день приезда Н. Нариманова в Баку А. Караев пообещал, что «в самое ближайшее время» будет окончательно определен курс новой власти в этой сфере⁶. Однако спустя несколько дней Н. Нариманов в интервью лишь оговорился, что

¹ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 1.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 496. Л. 64.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 2.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Коммунист. 1920. 29 мая. № 23. С. 1.

⁶ Коммунист. 1920. 18 мая. № 14. С. 4.

в Советском Азербайджане будут с уважением относиться к традициям местного населения, в том числе и религиозным¹.

ПЕРВЫЕ ЗВОНКИ

Переход к политике реальной большевизации Азербайджана и приезд членов Времревкома в провинцию продемонстрировали, что казавшиеся самоуправством действия сотрудников особых отделов и уполномоченных XI армии в уездах — это не случайные эксцессы. Несомненно, слухи о методах обобществления земель по образцу центрально-русских губерний, использовавшиеся Бунимовичем (возможно, что не им одним) в равнинном Карабахе, быстро распространялись по стране. Их не могли остановить ни арест излишне усердного уполномоченного XI армии, ни заверения Агамали оглы. Для большевиков начали звенеть «первые звоночки». В горной части Гянджинской губернии 20 мая местный ревком, состоявший из азербайджанских тюрок села Тауз-кала (в настоящее время с. Берд Тавушского района Республики Армения), располагая 2 пулеметами и 150 винтовками, отказался впускать направленные туда красноармейские части 175-го полка². Но тогда этой истории не придали значения.

На следующий день восстание вспыхнуло в селе Тертер — именно в том районе, где впервые в Азербайджане был «приведен в жизнь» декрет о земле. Приведен в жизнь в условиях отсутствия нормативной базы сотрудником Реввоенсовета XI армии, а следовательно, в соот-

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 23 мая. № 6. С. 1.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 415. Л. 184.

ветствии со знакомой и привычной ему российской практикой.

Согласно данным штаба 32-й дивизии, события развивались следующим образом. Стоявший в течение недели¹ в Тертере 282-й полк готовился 21 мая покинуть село. Около полудня возвращавшаяся из охранения рота в километре от села была обстреляна из леса. Поскакавшие на выстрелы конные разведчики захватили в плен трех местных «мусульман».

Одновременно с этими событиями в самом селе вспыхнуло восстание, в течение дня подавленное силами 282-го полка. Ожесточенный характер боев подтверждается потерями со стороны красноармейцев: 9 убитых, в том числе командир полка Наумов. Заместитель командира полка Дьяченко получил тяжелое ранение. Применялись пулеметы. Две роты полка бежали в западном направлении, и для их возвращения был направлен специальный отряд. В Тертере прошли аресты. Численность повстанцев оценивалась командирами Красной армии в 3000 человек². По официальной версии, поводом к выступлению стали слухи об аресте в Карабахе популярного среди «мусульман» турецкого генерала Нури-паши³.

До конца не выясненной остается роль в тех событиях стоявшего в Тертере 3-го Шекинского конного полка азербайджанской армии. По данным штаба 32-й дивизии аскеры не только не принимали никакого участия в подавлении восстания, но, возможно, и были теми, кто сделал первые выстрелы по красноармейской роте охранения⁴. В то

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 415. Л. 1.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 415. Л. 205–206.

³ Там же.

⁴ Там же.

же время, согласно рапорту командира Шекинского полка подполковника Саита Тонгиева (Тангиева), направленного 22 мая Ч. Ильдрому, офицерский корпус делал всё возможное для прекращения стрельбы и «принял все меры, но справиться с жителями, которые распропагандированы, не в силах»¹. Искренность слов Тонгиева о его стремлении прекратить восстание подтверждается тем, что, будучи в последних числах мая арестованным как офицер старой армии, 19 июня он был освобожден и вызван телеграммой в штаб Кавфронта во Владикавказ для продолжения службы². В последующие годы Тонгиев способствовал укреплению власти большевиков в Ингушетии, откуда был родом³.

Также участие аскеров в прекращении боя подтверждается телеграммой главы Тертерского Ревкома Ахмедова, отправленной Ильдрому 23 мая⁴.

Тонгиев полагал, что в регионе готовится большое выступление, и телеграфировал об этом Ильдрому. Действительно, подавление восстания в селе Тертер не привело к замирению. Северная часть равнинного Карабаха перестала быть безопасной для большевиков. Взаимные отношения красноармейцев и жителей стали враждебными. Антикommунистическая агитация развернулась повсеместно до дороги Евлах—Агдам⁵: там, где обобществляла землю и фабрики Бунимович. Местность оказалась на военном положении. Отряды повстанцев убивали одиноч-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

² РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 17. Л. 104.

³ Хакиева Р. Он пошел со своим народом // Ингушское слово. 1991. № 7–8.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344. Л. 23.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344. Л. 34.

ных красноармейцев, трупы которых то и дело обнаруживали в окрестностях Тертера¹.

Политработники XI армии старались, чтобы озлобление красноармейцев не приобретало формы межэтнического конфликта: в Тертере 25 мая был проведен митинг, на котором его участники поклялись забыть «национальную вражду и способствовать прекращению последней между закавказскими народами»².

Сознавая опасность ситуации, в равнинный Карабах направились Д. Буният-Заде³ и Ч. Ильдрим. Совместно они провели митинг в Тертере и ассигновали средства на установку памятника жертвам восстания⁴. Отстраненный ранее от должности бывший генерал-губернатор и предревкома Карабаха Х. Султанов был арестован⁵. Той же участи подверглось все его окружение: помощник Калантаров, кочи (авторитетное, в том числе в криминальных кругах, лицо) Шугур, уездный начальник Зангезура Шахсувар, начальник контрразведки Агаларов, начальник 1-го Бакинского участка Мешади Новрузов, Сеидбеков, 7 беков Калабековых (по всей видимости, их пытался поймать еще ранее Бунимович), Мешади Зульфугар. В самом Тертере по итогам восстания чрезвычайная комиссия арестовала 8 человек⁶.

Комвоенмору Ч. Ильдрому «для очищения района от контрреволюционных банд» была передана грузившаяся на поезд в Евлахе для отправки на Польский фронт 18-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344. Л. 34.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 4.

³ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 27 мая. № 9. С. 1–2.

⁴ Коммунист. 1920. 3 авг. № 26. С. 2.

⁵ АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 21.

⁶ Коммунист. 1920. 3 авг. № 26. С. 2.

я Кавдивизия¹. В район Геранбоя 24 мая для ликвидации «банды разбойников» численностью, по данным штаба 20-й дивизии, 150–200 человек под руководством Гаджигасана Кушбасоглы были направлены отряды пеших разведчиков 178-го полка². На следующий день к ним должны были присоединиться ещё две роты.

Но ещё ранее с этими повстанцами столкнулись части Таманской кавбригады, двигавшиеся походным порядком из Гянджи в Шушу. В 22 часа 24 мая в районе деревни Керванд-хана к юго-западу от Геранбоя они были обстреляны пулеметным и ружейным огнём со стороны керосинового завода. Потеряв 9 человек убитыми, им пришлось замедлить движение по дороге на Шушу и выслать разведку. Командир Кавбригады докладывал в Баку следующее: «население под влиянием агитации беков о мнимых грабежах и убийствах, чинимых красными. Поголовно разбегаются, бросая аулы»³. По всей видимости, результатом деятельности Бунимовича стало формирование отрядов самообороны из числа местных беков и буржуазии, которые приняли части Таманской кавбригады за тех, кто направлялся обобществлять их собственность.

В большевистском руководстве в Баку тем временем нарастало беспокойство. Бескровный переворот и признание армией АДР новой власти создавало в Москве иллюзию прочного положения в Закавказье. В результате в условиях ухудшения положения на Западном фронте XI армия рассматривалась в качестве донора. Предполагалось сокращение ее численности более чем на треть. Пределы Азербайджана должны были покинуть 18-я кавале-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 199. Л. 66.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 415. Л. 286.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 415. Л. 291.

рийская и 28-я пехотные дивизии. Ещё 13 мая прибывший в Баку Комкавфронта Смилга просил у Москвы не выводить эти части или задержать их отправку, аргументируя это репутационными потерями на Кавказе и тем, что азербайджанское правительство рассчитывает в случае внешней агрессии со стороны Грузии или Армении только на части Красной армии¹. Начало работы бакинских большевиков в провинции, поездка Орджоникидзе и Левандовского в Карабах и мятеж в Тертере лишь подтверждали невозможность сокращения численности XI армии. Орджоникидзе телеграфировал 24 мая в Москву: «...в случае взятия этих (прим.: 18-й Кавдивизии и 28-й пехотной) частей создастся невообразимая обстановка, чреватая болезненными скандалами, а может быть, и првалами»².

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ «ВАНДЕЯ». ВОССТАНИЕ

Пока Времревком совместно с прибывавшими в Баку членами Кавказского крайкома РКП(б) и представителями Красной армии определялся с дальнейшим политическим курсом, уезды жили своей жизнью.

Жила своей жизнью и Гянджа. В то время город делился на несколько частей. Самой большой из них была «мусульманская» на левом берегу реки Гянджачай. Там находились основные административные здания. Там же стояли дома гянджинских дворян, располагался базар. Окраины были застроены бессистемно традиционными для Востока домами с глухими высокими каменными или саманными заборами³.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 199. Л. 29–30.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 415. Л. 286.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 67–69.

На правом берегу реки находились армянские кварталы, после мартовского восстания в Карабахе оказавшиеся на полуосажденном положении¹. Вверх по течению Гянджачая располагалась немецкая колония Еленендорф. Станция Гянджа и пристанционный поселок, населенный железнодорожными рабочими, лежали в 8 километрах к северу от города². К югу от города в горах с марта 1920 года на осажденном положении находились армянские села, где «хозяйничали дашнакские эмиссары»³. Картину жизни Гянджи дополняли многочисленные офицеры-деникинцы с семьями, бежавшие в Северного Кавказа в апреле 1920 года⁴.

Мирный переход власти в Гяндже после переворота не привел ни к каким радикальным изменениям в городском и губернском административных аппаратах⁵. Не прекратились столкновения между мусульманами и армянами. Даже бывший генерал-губернатор Рафибеков не был арестован, а лишь отстранен от должности⁶.

Да и местные коммунисты во главе с Ибрагимом Алиевым, к которым перешла власть 28 мая, со стороны выглядели странно. До переворота в Гяндже отсутствовала единая большевистская организация: ячейки существовали в «мусульманской» и армянских частях города автономно и не контактировали между собой, как они впоследствии объясняли, «по техническим причинам»⁷.

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 25 мая. № 7. С. 2.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 67–69.

³ Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. М., 1995. С. 73–74.

⁴ Голос России. 1920. 25 апр. № 87. С. 3.

⁵ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 25 мая. № 7. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Коммунист. 1920. 20 мая. № 16. С. 2.

Поэтому первоочередной задачей для гянджинских коммунистов стало объединение. Заседания общегородской партконференций прошли 5 и 12 мая. На первом от всего города и отдельно от станционного поселка присутствовало по 15 делегатов. На втором — всего 45. По всей видимости, значительная часть участников в прошлом была известна своими умеренно-левыми взглядами. Поэтому начать конференцию оказалось необходимо с лозунга «Долой меньшевиков!»¹. Второй задачей стало преодоление межнациональной вражды между мусульманами и армянами, в том числе между коммунистами различного этнического происхождения².

Несмотря на то что партконференция избрала бюро для организации работы, представитель XI армии Тарумов даже 20 мая на страницах «Коммуниста» задавался вопросом «Существует ли в Гяндже партийная организация?». И отвечал на него однозначно — нет. Тарумов не доверял местному ревкому и не считал местных «коммунистов» способными сформировать партийный аппарат, ратовал за скорейшее приведение в жизнь декрета о земле и усиленную работу в деревне³.

Жизнь в Гяндже, как и во всем Азербайджане, начала меняться после 10 мая, когда в городе были опечатаны все банки⁴. Затем 13 мая представитель XI армии арестовал бывшего генерал-губернатора Худадат-бека Рафибекова. Начался исход из города семей скопившихся там в конце апреля беженцев-деникинцев с Северного Кавказа, местной буржуазии и помещиков, переселявшихся в свои

¹ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 3.

² Коммунист. 1920. 20 мая. № 16. С. 2.

³ Там же.

⁴ Коммунист. 1920. 11 мая. № 8. С. 4.

пригородные имения¹. Именно там, в Самухе² и Бегбанларе³, происходили собрания, на которых обсуждалась необходимость антибольшевистского восстания. Широкую известность в научных кругах получил список участников встреч из доклада турецкого коммуниста М. Сүбхи, занимавшегося расследованием причин трагических событий в Гяндже: бывшие премьер-министр Насиб-бек Усуббеков, генерал-губернатор Казахского уезда Эмир Хан Хойский, глава МВД Мустафа Векилов, турецкий генерал Нури-паша. Присутствие там Дж. Казымбекова подтверждалось только некоторыми из допрошенных⁴: до 20-х чисел, видимо, он колебался в вопросе необходимости открытой борьбы с большевиками.

Непримиримую позицию по отношению к новой власти заняли скрывшиеся за городом в первые дни после переворота гянджинские купцы, сколотившие за годы АДР значительные капиталы и имевшие неоднозначную репутацию⁵, Сары Алекпер и Гачаг Гамбар (Камбар). Они занялись формированием отрядов самообороны⁶.

С 11 мая в Гяндже начала издаваться на трех языках (азербайджанском, армянском и русском) стенная газета Кавроста «Кавказская Коммуна»⁷. С начала 20-х чисел — полноценное издание «Красная Ганджа» (прим.: орфо-

¹ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 19 мая. № 3. С. 2.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34.

³ Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Вауганов Х. Гәncә üsyany — 1920: sәnәdlәr vә materiallar. Baký, 2010. С. 127.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34.

⁵ Коммунист. 1920. 26 мая. № 20. С. 2.

⁶ Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Вауганов Х. Гәncә üsyany — 1920: sәnәdlәr vә materiallar. Baký, 2010. С. 128.

⁷ Коммунист. 1920. 13 мая. № 10. С. 4.

графия сохранена). Свежие номера расклеивались на городских улицах вместе с выпусками центрального органа Времревкома «Коммуниста» и газеты XI армии «Красный воин»¹. О содержании последней говорит тот факт, что её главный редактор А.А. Рондо будет в самый разгар Гянджинского восстания, 29 мая, арестован как анархо-коллективист, а начальник политотдела армии получит выговор за халатность².

Тем не менее мусульманская часть Гянджи пыталась продолжать жить по-прежнему. Реальной властью накануне восстания там были вооруженные отряды Сары Алекпера³. Большевистская агитация ограничивалась, и новые газеты не распространялись, что вызывало удивление у коммунистов из других районов города⁴.

После 14 мая в Гянджинскую губернию выехал член Времревкома Г. Султанов⁵. Эмиссары из Баку и высокопоставленные представители российских большевиков стали все чаще и чаще посещать Гянджу. Между ними и местным мусульманским ревкомом стали возникать трения⁶. В итоге Гянджинский губернский ревком был ликвидирован 19 мая. Уездные ревкомы должны были подчиниться непосредственно Времревкому⁷.

Перед своей поездкой в Карабах, 18 мая, Гянджу посетил командующий XI армией Левандовский⁸. Тогда же

¹ Коммунист. 1920. 26 мая. № 20. С. 2.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 9. Д. 86. Л. 230.

³ Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 205.

⁴ Коммунист. 1920. 26 мая. № 20. С. 2.

⁵ Коммунист. 1920. 16 мая. № 13. С. 3.

⁶ Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. 1920. 20 мая. № 3. С. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

началась активная фаза реорганизации частей бывшей армии АДР. Согласно приказу по Военно-морскому ведомству от 16 мая 1920 года, из-за значительного некомплекта рядового состава азербайджанских частей все они сливались в три полка. Для их формирования были выбраны Ханкенды, Баку и Гянджа, куда начали постепенно стягиваться «красные аскеры». Согласно тому же приказу, «излишний комсостав» направлялся в резерв. Нетрудно догадаться, что на практике это означало: по прибытии к месту реорганизации многие офицеры оказывались в неопределенном положении и фактически увольнялись из армии. «Не у дел» оказались в том числе бывший командующий Гянджинским укрепрайоном и 1-й дивизией Джавад-бек Шихлинский и командир 3-го Гянджинского полка Джахангир-бек Казымбеков¹.

Однако численность прибывших в Гянджу частей бывшей армии АДР в начале 20-х чисел мая не следует преувеличивать: Карабахский отряд получил приказ командира азербайджанской сводной бригады Войцеховского выдвигаться к местам реорганизации только 25 мая, то есть в день начала восстания в Гяндже².

Напряжения в среде офицеров бывшей армии АДР добавляло то, что в начале 20-х чисел мая усилились попытки командования XI армии контролировать их подразделения. Штабы 20-й, 32-й дивизий и 2-го Конкорпуса получили 21 мая приказ собрать сведения о расположении и состоянии азербайджанских частей³.

Осознание офицерами старой армии, после начала приведения в жизнь приказа Ильдрима от 16 мая, того,

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 317.

что их влияние на аскеров пытаются ограничить, а многих из них и вовсе уволить в запас с непонятными перспективами, сделало их сторонниками вооруженного восстания. При этом им нужно было спешить, так как, как показали дальнейшие события, только те части, где сохранился старый комсостав, приняли участие в антибольшевистском восстании. Попадая под влияние присланных комиссаров, аскеры либо бездействовали, либо сражались на стороне российской Красной армии¹.

Джахангир-бек Казымбеков вспоминал впоследствии, что план восстания был подготовлен 23 и 24 мая². При этом он же называет 24 мая датой начала восстания. Однако многочисленные архивные данные различных подразделений XI армии указывают на то, что до вечера 25 мая в Гяндже было спокойно³.

Молодой кедабекский коммунист М. Садыхов, оказавшийся по партийным делам в начале 20-х чисел в Гяндже, впоследствии так описывал город накануне восстания: «Днем 25-го мая я встретился с моим школьным товарищем Сеидовым Абузаром. Он являлся отставным мусаватским офицером и имел тесную дружбу с реакционными мусаватскими элементами. Я с ним сидел в кофейной и пил чай. В это время зашел в кофейную начальник мусаватской охраны Сары-Алекбер (прим.: Сары Алекбер) с двумя охранниками. Охранники были вооружены винтовками, маузерами и кинжалами. Сам Сары-Алекбер имел при себе маузер. Сеидов меня познакомил с ним и доложил обо мне, кто я такой. Алекбер протянул мне

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 193. Л. 67.

² Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Bayramov X. Gəncə üsyanı — 1920: sənədlər və materiallar. Bakı, 2010. С. 128.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 317; РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275.

руку неохотно и смотрел на меня весьма подозрительно. Я догадался, что ему весьма неприятно познакомиться с большевиком, тем более являвшимся чрезвычайным комиссаром Шамхорского уезда. Он с нами сидел недолго и ушел, куда-то торопился. На его лице была заметна нервозность и озабоченность.

Через несколько минут я услышал звук восточной музыки и “зурначи”. Музыка была из оперы “Асли и Керим”. Мы вышли из кофейной. По главной улице (ныне ул. Гянджа) проходил мусаватский полк при полном вооружении. Впереди колонны верхом ехал командир полка Кязумбеков (прим.: Казымбеков, формально уже уволенный в запас). Все офицеры и аскеры были подтянутые, в полном обмундировании и проходили строевым шагом¹.

Вечером 25 мая Садыхов поехал в Шамхорский уезд. По дороге на станцию он разговорился с красным командиром, участвовавшим в событиях в Тер-Тере, и решил срочно ехать домой в Кедабек, где в его распоряжении были отряды красных партизан. Заночевав на станции Долляр, еще затемно он проснулся от гула усиливавшейся далёкой канонады: это началось восстание в Гяндже².

Говорить о том, что восстание стало для кого-то в Гяндже неожиданностью, сложно. К середине 20-х чисел мая грядущее выступление в городе было чем-то вроде «секрета Полишинеля». Расползались самые разнообразные слухи: одни говорили, что мятеж готовят грузины, другие — что «разбойники» (подразумеваются Сары Алекпер и Гачаг Гамбар), третьи — что местные беки и ханы. Столь же разнообразны были пересуды о числе уча-

¹ Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 206–207.

² Там же. С. 207–208.

стников и о предполагаемой дате начала¹. Однако конкретных выводов на основании этих слухов руководство частей российской Красной армии не делало: неазербайджанский гарнизон Гянджи был мал, в город стягивались для реорганизации части старой «мусаватской» армии. Из этого следует, что аскеры мыслились в качестве лояльной коммунистам силы.

На момент восстания в Гяндже, помимо азербайджанских частей, находились только 178-й полк, один батальон 180-го полка 20-й дивизии, артбатарея² и активно набиривший добровольцев шариатский полк казаха Зульфигара Ахундова³. Оставшиеся батальоны 180-го полка и штаб 3-й бригады двигались в Гянджу со ст. Доляр (Долляр). 179-й полк стоял в горах на армянской границе⁴.

Части, состоявшие преимущественно из мусульман, занимали мусульманские кварталы Гянджи. Прибывавшие в город красноармейцы размещались у армян и у немцев в колонии Еленендорф. В центральной, мусульманской части Гянджи, где имелись административные здания, расположились их штабные учреждения, нестроевые тыловые подразделения и часть артиллерии⁵, которые стали легкой добычей для восставших. Захваченные ночью в мусульманской части города врасплох красноармейцы не оказывали сопротивления и были отправлены в тюрьму. Бой дали только чекисты во главе с В. Хатулашвили, занимавшие дом хана Хойского. Не сознавая масштаб происходя-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 66.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 7.

³ Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Bayramov X. Gəncə üsyanı — 1920: sənədlər və materiallar. Bakı, 2010. С. 125.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 7.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 66.

щего и полагая, что них напали бандиты, они доверились и впоследствии сдались подошедшим аскерам, приняв их за подкрепление¹.

Первым о начале восстания достоверно узнал недавно назначенный новый гянджинский комендант. Проезжая поздно вечером 25-го мая через мусульманскую часть города, он обратил внимание на непривычную для такого часа многолюдность: на углах улиц стояли группки о чем-то разговаривавших «татар», то и дело попадались куда-то спешащие аскеры. Комендант не знал азербайджанский язык. Он остановился и послал сопровождавшего его человека узнать, что происходит. Вернувшись, тот сказал, что в городе начинается восстание. Комендант, не будучи никем остановлен, прибыл в штаб 2-й бригады и попытался предпринять хоть какие-то меры.

Для смены аскерских караулов было приказано направить 4 роты 178-го полка из армянской части города в мусульманскую. К тому времени, когда они подошли к мосту через Гянджа-чай, их там встретил пулеметный огонь².

Около полуночи телефонная связь по городу прекратилась. Электричество было отключено. Группы мусульман и аскеров разоружали красноармейцев и направляли их в тюрьму³. С руководством шариатского полка и местными коммунистами поступали более жестоко: Зульфигару Ахундову, Мамед Али Сафарову и другим отрезали головы⁴.

Около 2 часов ночи со станции в штаб 20-й дивизии, находившийся в охваченной восстанием мусульманской

¹ Коммунист. 1920. 9 июня. № 31. С. 2.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 66–67.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34–35.

части города, прибыл конный с секретным пакетом. В нем было предупреждение о восстании в ночь с 25 на 26 мая¹.

Дж. Казымбеков вспоминал впоследствии, что части старой азербайджанской армии, находившиеся в Гяндже, одновременно арестовали своих комиссаров. Во главе восстания встали старые «мусаватские» генералы Мамед-Мирза Каджар, Дж. Шихлинский (племянник А.А. Шихлинского). Мусульманское население поголовно поддержало восстание. К нему примкнула часть бывших членов гянджинского ревкома², бывшие русские белогвардейцы³. Однако генерал Каджар в первый же день тяжело заболел и не мог принимать деятельного участия в борьбе⁴.

К утру 26 мая ситуация в городе начала проясняться. Повстанцам удалось захватить 8 орудий и артиллерийские склады⁵. Армянская часть Гянджи, пристанционный поселок и колония Еленендорф остались под контролем большевиков⁶. Немцы и армяне спешно организовывали собственные боевые отряды⁷. В колонии Еленендорф местными жителями был создан госпиталь⁸. В город спускались с гор дашнакские вооруженные формирования, занимавшие совместно с красноармейцами оборону по правому берегу реки Гянджа-чай⁹.

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34–35.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 317.

³ Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 208–209.

⁴ Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Bayramov X. Gəncə üsyanı — 1920: sənədlər və materiallar. Bakı, 2010. С. 130.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 13.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. М., 1995. С. 73–74.

Тем временем утром 26 мая в штабе XI армии было беспокойно: связь с 20-й дивизией и грузинской границей пропала. В конце концов, комдив 32-й дивизии по телефону доложил из Евлаха, что в Гяндже восстали «татары и беки-ханы»¹. Произошедшее заставило Левандовского предпринимать неотложные меры. В Гянджу походным порядком из района Евлаха была направлена 18-я Кавдивизия, ранее имевшая приказ содействовать Ильдарыму в борьбе с мятежами в равнинном Карабахе, и высланы бронепоезда².

Ни масштаб начавшегося восстания, ни степень его подготовки в Баку известны не были. Поэтому все ранее отданные частям приказы отменялись. Подразделения XI армии в экстренном порядке стягивались к стратегически важным центрам и транспортным артериям. Комдивам надлежало держать свои части в «кулаках», численностью не менее бригады, а при необходимости дивизии. В качестве сборных пунктов были назначены Закаталы, Нуха, Газах, Гянджа, Евлах, Тертер, Шуша, Баку, Балаканы, Куба, Дербент, Порт-Петровск, Темир-Хан Шура. Кроме того, по линии железной дороги Баку—Гянджа должен был курсировать бронепоезд с десантом численностью не менее 1000 человек и артиллерией для переброски в угрожаемое место. Охрана нефтепромыслов отдельно поручалась 28-й дивизии³.

Тем же приказом предписывалось начать разоружение населения. Добровольно сдавшим предлагалась компенсация. Все прочие считались мятежниками.

Документ выдержан в эмоциональных тонах. Мелкие вспышки Левандовский требовал подавлять «жесто-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 1.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 23–30.

костью»: «ханов, беков, мусаваров — к черту» (прим.: так в тексте). В ожидании всеобщего восстания предписывалось «расстреливать все подозрительные элементы», брать заложников из среды духовенства и «монахов» для «будущих расстрелов»¹. Нетрудно догадаться о последствиях подобных формулировок. Более того, в личных беседах по телефону с командирами Таманской кавбригады и 18-й Кавдивизии уполномоченный для поручений при командарме Введеняев, по всей видимости являвшийся автором текста приказа, заявлял, что ответственность за послабления при расстрелах контрреволюционеров, в особенности захваченных белогвардейских офицеров, лежит на высшем руководстве частей Красной армии².

В сложившихся 26 мая утром условиях над восставшими подразделениями старой азербайджанской армии нависла угроза блокады в мусульманской части Гянджи. Критически важным для них стало захватить станцию, располагавшуюся в 6 км к северу от города. Поэтому основным для попыток наступления было это направление. В случае успеха восставших от Баку были бы отрезаны основные силы 20-й дивизии и ведшая в Акстафе переговоры с Грузией комиссия, было бы обеспечено беспрепятственное сообщение Гянджи с азербайджанскими селами по берегам Куры, откуда можно было бы получать подкрепление, продовольствие и фураж.

Утром 26 мая, после короткого боя, станция была оставлена малочисленными оборонявшимися. Однако в тот же день около 3 часов дня³ подошедший из Акстафы бронепоезд «Тимофей Ульяновцев», высадив батальон под-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 23–30.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 16–20.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 51, 53.

держки, снова занял станцию¹. На поезде прибыл начдив 20-й Великанов, возглавивший подавление Гянджинского восстания. Утром 27 мая он смог направить об этом телеграмму в Евлах². Нормальную связь с Баку наладить удалось только 28 мая³. До этого штаб армии получал сведения из Евлаха, где располагался штаб 32-й дивизии. Далее по линии железной дороги сообщения посылались «с okazji» в виде курсировавших там бронепоездов.

Днем 27 мая продолжились попытки повстанцев захватить станцию. При артиллерийской поддержке всех 8 имевшихся в наличии орудий в ходе ожесточенного боя им удалось занять некоторые пристанционные постройки. Однако к вечеру их оттуда выбили. Во время боя один из снарядов пробил керосинопровод и поджег железнодорожный мост, отрезав бронепоезда «Тимофей Ульянов» и «Красный Азербайджан». Возможность маневра по станции сохранили «Красная Астрахань» и «Азербайджан № 2», действиями которых руководил Ефремов⁴. Степень ожесточения боев за станцию характеризует то, что все пристанционные постройки были совершенно разрушены⁵.

По иронии судьбы, ровно спустя месяц после возвращения большевиков в Баку и в день второй годовщины провозглашения независимости Азербайджана, 28 мая, произошел перелом в ходе Гянджинского восстания.

Оборонявший станцию комдив Великанов получал все больше и больше подкреплений. Из района Евлаха походным порядком под постоянным обстрелом повстанцев —

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 27–28.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 53.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 45–46.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 43–46.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34–35.

местных жителей и дав кровопролитный бой у станции Кюрек-чай к нему прибыла 18-я конная дивизия¹. Находившийся на станции Гянджа Ефремов в тот день оценивал наличные силы в 1200 штыков и 600 сабель (т.е. конницы)².

Кольцо вокруг восставших сомкнулось. К югу от города, в колонии Еленендорф держал оборону отряд немцев. Ниже по правому берегу реки Гянджа-чай — 180-й полк и армянские отряды. С севера, между городом и железнодорожной линией, позиции занимали остатки 178-го полка. К западу от города расположились части дивизионной кавбригады³.

В окруженной со всех сторон мусульманской части Гянджи в тот день состоялось собрание наиболее влиятельных лиц во главе с шейх-уль-исламом Ахунд Мехмед Али Намазаде, которое постановило драться до конца. Однако неудачи первых дней, слухи о заключении мира между коммунистами и Грузией, отсутствие помощи со стороны Карабахского отряда действовали на восставших подавляюще⁴.

На следующий день, 29 мая, начался первый генеральный штурм Гянджи. Разлившаяся из-за дождей Гянджа-чай не давала возможности перейти атакующим из армянской части на левый, «мусульманский» берег. Мост простреливался тремя пулеметами. Наступавшие со стороны станции были слишком малочисленны. К вечеру все были вынуждены вернуться на исходные позиции, понеся боль-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 54–55.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 45.

³ Там же.

⁴ Казымбеков Дж. Воспоминания о Гянджинском восстании // Bayramov X. Gəncə üsyanı — 1920: sənədlər və materiallar. Bakı, 2010. С. 132.

шие потери. Однако подкрепления продолжали подходить — прибыл 179-й полк¹.

Неудача наступления 29 мая заставила Великанова перегруппировать свои части, дожидаться подкреплений и обещанных ему броневедомств из Баку для ведения уличных боев².

Новый штурм начался утром 31 мая с ураганного обстрела «мусульманской части» города. Артиллерия оборонявшихся на этот раз молчала, по всей видимости, израсходовав в предыдущие дни все боеприпасы.

Около 4 часов дня, преодолев сопротивление, большевики ворвались в город и прекратили артобстрел из-за опасности попадания по своим. Бои приняли характер крайнего ожесточения с обеих сторон. Каждый двор необходимо было брать штурмом. Броневедомство было подорвано, шофер погиб. Части Красной армии несли большие потери, в особенности в комсоставе³. В этой обстановке из Баку по телефону требовали не трогать мирное население⁴.

В 10 часов вечера со станции Гянджа доложили, что все очаги сопротивления в городе подавлены. Часть повстанцев бежала. Её преследует Кавбригада⁵.

В состоявшемся глубокой ночью с 31 мая на 1 июня телефонном разговоре комдив Великанова описал положение дел в Гяндже. По его словам, «мусульманская часть Гянджи представляет из себя в полном смысле слова пустыню, так сильно она разрушена артиллерией... Ожесточение с обеих сторон самое сильное... Необходимы са-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 69.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 88–91.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 88–91.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 86.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 86.

мые сильные агитаторы со стороны политработников». Все мусульманское население поголовно было арестовано¹. Среди них был ряд руководителей восстания и шейхуль-ислам².

Отдельно Великанов отметил роль армянских отрядов в подавлении восстания: «Очень сложно удержать красноармейцев от жестокости... Все дело портят армяне, которые вплавь перебираются через реку... Я запретил вход армянам в мусульманскую часть... Огромных трудов стоило прекратить грабежи. Арестовано много армян — эта сволочь (прим.: так в оригинале) сегодня (прим.: 31 мая) чуть-было не испортила всю операцию. Настроение жителей армян хорошее, мусульман же подавленное». Даже арест женщин в мусульманской части Гянджи Великанов оправдывал их же собственной безопасностью из-за опасения «насилий со стороны армян» и обещал утром распустить всех по домам.

В ту ночь Великанов оценивал потери своих подразделений в ходе штурма в 200 убитых и 1000 раненых. Потери повстанцев — в 1000 человек³.

В ответ из Баку поступил приказ установить в Гяндже «строгий революционный порядок». Следить за недопущением со стороны частей самочинных обысков, расстрелов и «мобилизовать все политические силы для устройства в городе митингов, докладов, посвященных вопросу информации о происшедших событиях, на которых все трудящиеся должны быть убеждены в кровавой преступности беков, ханов и прочих руководителей мятежа»⁴.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 88–91.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 88–91.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 88–91.

Устанавливать порядок удавалось с огромным трудом. Участие обычных жителей Гянджи — «мусульман», в том числе женщин, в восстании привело к разложению красноармейцев. Ожесточение с обеих сторон имело следствием большое число жертв. Турецкий коммунист Сулейман Нури, занимавшийся расследованием событий, сопровождавших восстанию, оценивал потери мирного населения в 3–4 тысячи человек. Трупы находили в садах и подвалах — там, где люди пытались спрятаться. Раненых в городе почти не было. Масла в огонь подливала и агитация дашнаков среди красноармейцев, которые переставали слушать своих командиров: разграбили все то, что не было разграблено прежде восставшими, совершали самочинные реквизиции на глазах у своего командования и партработников. Пытавшемся образумить мародёров С. Нури они отвечали, что это «трофеи, принадлежащие им по праву».

Из арестованных во время штурма 12 000 мусульман в первые дни было отпущено 8000 человек¹.

Новый городской ревком создавать оказалось не из кого: часть из и так немногочисленных коммунистов-мусульман погибла во время восстания, на армянском берегу Гянджа-чая хозяйничали дашнакские эмиссары. Среди тех, кому удалось пережить восстание, был Ибрагим Алиев, который вновь вошел в состав ревкома и продовольственной комиссии².

На первых порах гражданские власти Гянджи были созданы Г. Султановым из политработников 20-й дивизии³, большая часть которых азербайджанским языком не владела.

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 34.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344.

Остро стоял продовольственный вопрос. Решить его пытались, запросив хлеб в Баку. Но в столице хлеба тоже не было¹.

АЗЕРБАЙДЖАН В СОСТОЯНИИ ВОССТАНИЯ

Гянджинские события были и остаются наиболее яркой и изученной страницей антибольшевистского восстания в Азербайджане. Однако началось оно не в Гяндже. Его первоначальным эпицентром были равнинные области восточной части бывшей Елисаветпольской губернии. Именно там впервые был столь неудачно «приведен в жизнь» Бунимовичем декрет о земле. Именно там имели место первые случаи нападения «мусульманского населения» на красноармейцев еще в начале 20-х чисел мая. Именно на этот район было направлено внимание бакинских большевиков и командования XI армии до начала событий в Гяндже.

На пространстве между Курой и отрогами Мало-го Кавказа к востоку от Гянджи в конце мая — начале июня разворачивались трагические события. Вся эта область оказалась охвачена антибольшевистским восстанием, имевшим неорганизованный, анархический характер. У него не было ни общепризнанных лидеров, ни лозунгов. Среди населения распространялись слухи, что большевики «будут отбирать жен и детей, у них нет ни религии, ни законов»².

Вот как описывал 30 мая свое положение начальник маленькой станции Герань (Гёран) в телеграмме, отправ-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 36.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 4.

ленной в Евлах: «опять прискакали 15 всадников. Их обстреляли из 2-х винтовок, и они убежали... Провизии нет. Достать неоткуда... Служащие заявили окончательно, что они вечером оставят станцию и первым поездом (прим.: уедут) в ту сторону, куда поезд пойдет. Прошу выслать провизию на 6 человек, а также выслать охрану не менее 10 человек, ибо приближается нам смерть...». На это ему ответили, что охраны не будет, так как людей нет¹.

Госучреждения, станции железной дороги, лишенные сильной охраны, грабились. Одиночные красноармейцы и коммунисты убивались². Для связи между войсковыми подразделениями необходимо было отправлять с посланием отряды силой не менее эскадрона. Последствием такого характера восстания становилось крайнее взаимное ожесточение.

Комдив 32-й дивизии Штейгер, штаб которого находился в Евлахе, после начала восстания в Гяндже оказался в непростой ситуации. Вверенные ему подразделения были растянуты по дорогам в направлении к горной части Карабаха. Приказом Командарма от 26 мая они должны были бы быть стянуты в кулаки в Евлахе, Тертере и Шуше³. Однако исполнить этот приказ Штейгер не мог: все пространство равнинного Карабаха находилось в состоянии «анархического восстания», приобретающего религиозный характер. Части Красной армии в Тертере и в особенности в Шуше оказались бы в полной изоляции. Ни организовать их снабжение, ни даже обеспечивать надежную связь с ними не было бы никакой возможности. 18-я Кавдивизия, которая должна была ранее помогать Ч. Ильдры-

му наводить порядок на равнине, ушла в Гянджу. При этом подразделения старой азербайджанской армии, находившиеся в Карабахе, хоть в основном и не проявляли пока враждебности, не могли после событий в Тертере и Гяндже вызывать прежнего доверия. К этому необходимо прибавить, что Шуша оставалась окружена дашнакскими отрядами армян генерала Дро, от которых можно было ожидать чего угодно, кроме поддержки, о чем красноречиво говорили имевшие место ранее с ними контакты¹.

В этих условиях, вопреки приказу по армии от 26 мая, Штейгер начал отводить вверенные ему части к Евлаху. Информация об этом, дойдя до штаба XI армии, вызвала негодование. От Штейгера 30 мая потребовали не отводить войска по меньшей мере дальше Агдама из-за возможных «политических последствий и контрреволюционных провокаций». В ответ на это Штейгер описал тяжелую обстановку на дороге Евлах—Шуша: накануне, в 5 верстах севернее Барды, т.е. в глубоком тылу дивизии, эскадрон натолкнулся на восставших, ядро которых состояло из участвовавших ранее в событиях в Тертере бывших аскеров 3-го Шекинского полка при одном офицере. На борьбу с ними был отправлен кавполк при артдивизионе. Вышедший из Барды в Агдам пехотный полк также натолкнулся на повстанцев и, потеряв до 60 человек, отступил обратно в село². Таманская кавбригада была оставлена в Агдаме и не могла быть отправлена в Шушу³. В результате Штейгер получил разрешение отвести все войска севернее реки Тертер и сконцентрировать их на участке Евлах—Барда⁴.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 23–30.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Ед. хр. 1025. Л. 1–3.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 64–65.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 67.

⁴ Там же.

Одновременно с отводом 32-й дивизии из Карабаха 2-я Кавдивизия отходила из Закатальского округа к Нухе (Шеки). 28 мая в штаб армии докладывалось, что по мере ухода красноармейцев население «занимает враждебную сторону»¹.

Однако большая часть старых азербайджанских войск в Закаталах, Карабахе и на грузинской границе до конца мая сохраняли лояльность по отношению к новой власти. Аскеры бывшего Закатальского полка арестовали часть своих офицеров² и по уходе 2-й Конной дивизии заняли позиции на грузинской границе. При этом произошел эксцесс: по уходе красноармейцев окопы заняли грузины, и аскерам пришлось их выбивать³.

Отступление частей российской Красной армии к железной дороге создало иллюзию начала ухода большевиков из бывшей Елисаветпольской губернии, если не из всего Азербайджана. О подобных слухах, муссировавшихся в обществе, упоминает Орджоникидзе в телеграмме от 2 июня предреввоенсовета Троцкому⁴. О подобных же слухах, распространявшихся в равнинном Карабахе, рассказывал Ч. Ильдрым в интервью газете «Коммунист»: якобы скоро на место красноармейцев придут турки⁵.

К этому времени в результате эпидемии малярии⁶ и боев в 20-й и 32-й дивизиях осталось лишь 4000 штыков. Москва продолжала требовать отправки 18-й и 28-й дивизий на Польский фронт, слухи о чём еще более подкрепляли уверенность части азербайджанского общества в на-

¹ Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 50.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 31.

⁵ Коммунист. 1920. 3 июня. № 26. С. 2.

⁶ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275.

мерении большевиков оставить Азербайджан¹, как ранее также страну покинули английские интервенты.

Видя, что равнинная часть Елисаветпольской губернии погрузилась в анархию, что части Красной армии практически стихийно отходят к Евлаху и неизвестно, останутся ли они там или уйдут в Баку, что в любой момент отряды генерала Дро могут спуститься с гор и устроить резню в мусульманской части Шуши и окрестных селах, 3 июня начальник Карабахского отряда Зейналов прибыл в Агдам к заместителю председателя Карабахского ревкома Мир Джафару Багирову и предложил организовать военную диктатуру для поддержания порядка после ухода Красной армии на участке Агдам—Шуша. При этом всем коммунистам гарантировалась бы полная безопасность. Багиров ответил ему, что Карабахский отряд должен сохранить верность бакинскому Времревкому. Зейналов подтвердил, что останется исполнять должность командующего вверенными ему подразделениями. Тогда же Нури паша якобы прислал Багирову письмо с выражением «солидарности Советской власти»².

После разговора с Багировым Зейналов уехал в Шушу. Туда же прибыл Нури-паша. А вскоре, 5 мая, Багиров узнал, что Зейналов с Нури-пашой и «каким-то доктором» объявили диктатуру и арестовали коммунистов и сочувствующих. Самому Багирову удалось скрыться и добратся до Барды³.

Вскоре, 9 мая, из Нухи пришли сведения, что в Закаталах также арестован местный ревком. Аскеры бывшего Закатальского полка перешли на сторону восставших. Была занята крепость и телеграфная контора⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 31.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 946.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 125–132.

ПОВСЕМЕСТНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ

Начало восстания в Гяндже с первых дней оказало влияние на жизнь Баку и Апшеронского полуострова. Вечером 26 мая на бакинском променаде была проведена облава. Всех, у кого не оказалось документов, задержали до выяснения личности¹.

Однако маховик арестов «врагов революции» раскручивался сравнительно медленно. Первой жертвой пал бывший генерал-губернатор Баку Тлехас, приговоренный на публичном демонстративном процессе по делу об убийстве коммуниста Али Байрамова к расстрелу².

Вскоре, 3 мая, был обнародован арест и передача дел в трибунал бывших гянджинского и карабахского губернаторов Х. Рафибекова и Х. Султанова, бывшего министра народного просвещения Капланова³. На соседней странице газеты, где была помещена заметка об этом, будто в качестве оправдания находился материал об антисоветских действиях бывшего губернатора в Шуше⁴.

Рядом с вышеупомянутыми публикациями размещалось еще две. Одна — о назначении председателем чрезвычайной следственной комиссии Эюба Ханбудагова. С. Панкратов оставался его заместителем. Другая — о переполненности Баиловской тюрьмы⁵.

На следующий день на первой полосе «Коммуниста» вышла статья об особой роли Чрезвычайной комиссии в борьбе с «врагами революции»⁶.

¹ Коммунист. 1920. 29 мая. № 23. С. 2.

² Коммунист. 1920. 29 мая. № 23. С. 2.

³ Коммунист. 1920. 3 июня. № 26. С. 4.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Коммунист. 1920. 4 июня. № 27. С. 1.

Тем не менее многие представители высшего командования бывшей азербайджанской армии не только продолжали в те дни оставаться на свободе, но и занимали ответственные посты. Бывший министр обороны генерал С. Мехмендаров зарегистрировался в качестве «нетрудового элемента» и заявил, что живет за счет продажи старых вещей и «ищет службы»¹. Генерал Гайтабаши сохранил пост начальника штаба как минимум до 4 июня, когда созывал всех бывших офицеров царской армии, находившихся в Баку, в Маиловский театр для постановки на учет губвоенкоматом². На состоявшейся 5 июня встрече присутствовало свыше 1000 человек. Большая часть из них уже служили в советских органах власти, в действующей армии или были зачислены в резерв. Но 52 пришедших бывших денкинских и уволенных азербайджанских офицеров были направлены на остров Нарген (Бёюк-Зиря), где располагался фильтрационный лагерь³. В те дни там шел ускоренный отбор ранее доставленных туда из Баку бывших белых для срочного пополнения стремительно редевших частей XI армии⁴.

Однако вскоре сам Гайтабаши также был отправлен на Нарген. Туда же попало, постепенно, подавляющее большинство высшего командного состава старой азербайджанской армии. Некоторые из них (С. Мехмендаров, А.А. Шихлинский, С. Тонгиев) впоследствии продолжили службу в рядах Красной армии. Но большинство, в том числе Гайтабаши, были там расстреляны⁵.

¹ Коммунист. 1920. 3 июня. № 26. С. 4.

² Коммунист. 1920. 4 июня. № 27. С. 1.

³ Коммунист. 1920. 8 июня. № 30. С. 4.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 9. Д. 86. Л. 246.

⁵ Назирли Ш. Расстрелянные генералы Азербайджана. Баку, 2015.

По всей видимости, на интенсивность арестов влияло два фактора:

- ход восстания в провинции, его расширение на все новые районы и присоединение к нему все большего числа представителей старых азербайджанских элит;

- распространение находивших благодатную почву среди самых разных слоев населения слухов о намерении Красной армии покинуть Закавказье.

Различные пересуды о положении в Гянджинской губернии были настолько интенсивны, что 28 мая они оказались на страницах газеты «Коммунист», сообщившей, что несколько сел в равнинном Карабахе захвачено повстанцами¹. Заметка вызвала гнев Левандовского, связавшегося с Наримановым и потребовавшего, чтобы в азербайджанской прессе публиковались сведения о боевых действиях на основе проверенной информации². О распространении слухов о скором уходе Красной армии упоминал и Орджоникидзе во время доклада Троцкому о положении в Азербайджане³.

Развеять слухи должны были жесткие меры. В.И. Ленин 2 мая поставил перед представителями российских большевиков в Азербайджане задачу разоружить «буржуазию и крестьянство»⁴. Скрывающие оружие объявлялись «врагами революции». Добровольно сдававшим полагалась компенсация⁵.

На Апшеронском полуострове показательной жертвой мер по разоружению населения стало село Маштаги.

¹ Коммунист. 1920. 28 июня. № 22. С. 1.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 31.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 33.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 23–30.

На созванном представителями большевиков 4 июня митинге жители пообещали все сдать, но принесли только устаревшие виды оружия и в очень небольшом количестве. Тогда из числа местных влиятельных семей были взяты заложники. После того как эта мера также не привела к сдаче оружия, заложники были расстреляны, а по селу 5 мая открыт артиллерийский огонь шрапнелью. В результате часть маштагинцев сдала оружие и выдала тех, кто его продолжал скрывать¹.

Тем временем разоружение проводилось и в провинции. Кусарский ревком 4 мая произвел экспедицию в аул Кюзун и арестовал более 50 человек².

Но наиболее напряжённо дело обстояло в полосе вдоль железной дороги в бывшей Елисаветпольской губернии.

После подавления восстания в мусульманской части Гянджи все имевшиеся в распоряжении комдива Великанова конные части (кавбригада и 18-я Кавдивизия) были направлены в деревню: как мусульманскую, так и армянскую³.

В самой Гяндже разоружение армян провалилось. Как признавался Великанов: «армянская часть города разоружена, как будто... обыски дали плохие результаты... спрятали неизвестно куда... отобрано за все время 1000 винтовок, не считая окрестных сёл и деревень»⁴.

В западной равнинной части бывшей Елисаветпольской губернии разоружение шло спокойно. Местные жители сами ловили и передавали в Особый отдел XI ар-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 317.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 92.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 26; РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 97–98; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 36.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 36.

мии пойманных видных участников восстания в Гяндже¹. Единственно, они опасались нападений армян. В горной части, в районе Кедабека, шли столкновения между «мусульманами» и русскими-молоканами с одной стороны и армянами с другой². При этом командование XI армии получало о тех событиях противоречивую информацию: ходили слухи, будто в горах собрались беки-ханы и планируют новый поход на Гянджу. В результате регулярные части Красной армии отправлять туда опасались³.

Иначе дело обстояло на равнине к востоку от Гянджи. Комдив 32-й Штейгер докладывал в Баку, что 2 июня дороги между Евлахом, Бардой и Тертером им не контролировались. Связь между подразделениями отсутствовала. Таманская кавбригада была направлена на зачистку от повстанцев дороги Евлах—Барда⁴. Части, находившиеся в Барде, вновь подверглись атаке со стороны отрядов аскеров, по-видимому Шекинского полка, и местных жителей и были выбиты из села. Восстановить положение удалось только к вечеру с подходом подкрепления⁵.

К 3 июня восстание перекинулось на всё междуречье Куры и Аракса. Ночью был атакован штаб 2-го кавполка в Петропавловке (Сабирабад) на Мугани. Ранен военком полка тов. Громов. Совершено нападение на караул моста через Куру в Зубовке (Али-Байрамлы/Ширван)⁶.

На Мугань начали прибывать «банды» из Персии. Хан Ширванский призывал к «священной войне» против не-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 36.

² Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018. С. 206–209.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 42.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 417. Л. 19.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 45.

⁶ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 417. Л. 106.

верных и стал формировать отряды, которые, однако, при появлении крупных формирований Красной армии, в особенности с артиллерией, быстро рассеивались¹.

Лучше всего характер происходившего на правом берегу Куры от Гянджи до устья Аракса описывает приказ по XI армии от 8 июня: «Тяжелая обстановка партизанских действий повстанцев начинает сказываться на наших частях пагубно. Устанавливаются все чаще случаи участия красноармейцев в мародёрстве и грабежах, нередко производятся разгромы мечетей и мусульманских святынь. Красноармейцы, командиры и комиссары поддались чувству злобы против повстанческих частей мусульман и начинают придавать борьбе характер религиозный или национальный. Так, например, охотно используют услуги армян, содействующих разгрому татар, несмотря на то что армяне руководствуются только чувством национальной розни, а не великими задачами революции трудящихся. Установлены даже отдельные случаи непринятия мер против армян, грабивших покинутые татарские аулы.

Такое поведение красных частей дает почву провоцирования мусульман бедняков на борьбу с нами, ибо беки и ханы уверяют их, что «русские войска не признают законов и идут, чтобы истребить и разграбить мусульман и отобрать у них жён».

Агитация беков и ханов будет иметь успех, война против нас приобретет национальный и религиозный характер, если части решительно не изменят своего поведения.

Реввоенсовет Армии категорически, именем Революции, требует величайшей выдержки от красных бойцов, уважения к религии и святыням и величайшего политического и классового сознания, чтобы не уронить в гла-

¹ РГВА. Ф.195. Оп. 3. Д. 199. Л. 100–102.

зах бедняков Востока высоты наших революционных лозунгов.

Каждый боец должен остерегаться от излишней жестокости или покровительства одной из наций. Наш старый правый признак: «бедняк всех наций — наш брат, богач всякой веры и нации — наш враг» и здесь должен торжествовать»¹.

Для наведения порядка в тылу из 18-й Кавдивизии, Таманской кавбригады и конполка 32-й дивизии 6 июня была создана группа Водопьянова². К 9 июня полоса вдоль дороги Евлах—Барда опустела. Жители бежали за Тертер³. В Барде политработники конфисковали большое число ковров, награбленных у местных жителей⁴. Одновременно шла работа по изоляции армян, в том числе удалении их из частей Красной армии⁵.

После того как стало известно о провозглашении диктатуры Зейналова и Нури-паши в Карабахе, руководством большевиков было принято решение не торопиться с её ликвидацией силами регулярных частей Красной армии⁶. В курдскую часть Карабаха направился Ильдырм для организации там пробольшевистского восстания. На Аракс с той же целью поехал Багиров⁷. Правда, миссия Ильдырма провалилась из-за того, что он не смог переправиться через разлившийся от дождей Тертер.

Тем временем Карабахский отряд стремительно редел. Он традиционно страдал от дезертирства. К концу мая в районе Кюрдамира бывших аскеров и офицеров ско-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 9. Д. 86. Л. 269.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 417. Л. 129–130.

³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 29.

⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 37.

⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 29.

⁶ Там же.

⁷ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 42.

пилось такое количество, что председатель местного ревкома запросил помощь у военных, чтобы их разогнать¹. Тогда же часть Шекинского конного полка, принимавшего участие в событиях в Тертере, перестала подчиняться командованию и примкнула к восстанию². Оставшаяся же часть полка поздно получила приказ об отмене движения к Гяндже на переформирование и, согласно донесению начдива Азербайджанской сводной Шевелева, была разбита, без указания кем, у колонии Еленендорф³.

После объявления Нури-пашой и Зейналовым диктатуры в Шуше дезертирство в Карабахском отряде лишь усилилось. По информации, полученной от задержанного в районе Барды не позднее 10 июня аскера, весь рядовой состав Кубинского полка разошелся по домам. То же сделали все бакинцы из батальона Бакинского полка. Воевать остались одни аскеры-шушинцы, повстанцы из местного населения и бывшие участники восстания в Гяндже⁴.

В те же дни разведка докладывала, что повстанцы вместе с «беками и ханами» уходят с равнины Тертер-Барда в Персию⁵, беднота возвращается в села и «приступает к разделу помещичьего имущества и посевов»⁶, а 18-я Кавдивизия не обнаружила противника в районе Тертера.

Подразделения Красной армии начали медленное движение на Агдам 10 июня. В первый день они встречали сопротивление, в том числе остатков бывших регулярных частей азербайджанской армии. Но когда 11 июня стало известно об отъезде руководителей карабахского восстания Нури-паши и Зейналова в направлении Джабраи-

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 344. Л. 61.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 275. Л. 64–65.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 206.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 220–222.

⁵ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 170.

⁶ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 42.

ла¹, настроение жителей стало меняться. Утром 11 июня в расположение Красной армии прибыли парламентарии из бывших членов ревкома Агдама. Поимка главарей восстания была поручена Багирову, действовавшему на Араксе².

На следующий день, 12 июня, большая часть восставших аскеров с тяжелым вооружением (3 орудиями, 2 мортирами и 5 пулеметами) сдались в районе Агдама и были распущены по домам³. А еще спустя два дня конразведка 286-го и 287-го полков вступила, встреченная «мусульманскими представителями» музыкой, в Шушу⁴.

По всей видимости, отъезд Нури-паши и Зейналова в Персию был вызван тем, что прежний их расчет на добровольный уход большевиков из бывшей Елисаветпольской губернии не оправдался. Стало ясно, что отступление носило тактический характер.

Надежд на помощь со стороны Турции также не было. Позицию кемалистов выразил командующий их силами в восточной Анатолии Карабекир-паша, который направил Кавбюро РКП(б) телеграмму с сожалением по поводу действий Нури-паши, помешавших продвижению Красной армии в Карабах⁵.

К выводам о том, что большевики в Карабахе — это «всерьез и надолго», пришел и генерал Дро. После возвращения коммунистов в Шушу он отошел со своими отрядами в Зангезур и власть в контролировавшихся армянами частях Карабаха оказалась в руках местного старого коммуниста С. Амбарцумяна, который уже 16 июня совместно с Буният-заде провел митинг в Шуше⁶.

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 239.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 42.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 210–211.

⁴ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 418. Л. 321.

⁵ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 17.

⁶ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 15. Л. 106; Коммунист. 1920. 3 июня. № 43. С. 2.

Подписание мира между Азербайджаном и Грузией поставило крест на надеждах закатальских повстанцев на помощь. Упорно защищавшиеся на первых порах¹, повстанцы начали покидать своих лидеров. По всей видимости, сказалось и то, что против них были брошены не русские части, а добровольческие «мусульманские» и турецкие формирования².

В Закаталы большевики вступили 20 июня³. Вновь была восстановлена власть не только над всеми территориями, которые контролировала АДР по состоянию на 27 апреля, но и расширена на занятые ранее армянами районы Карабаха.

Состоявшееся 13 июня торжественное открытие первого заседания новоизбранного Бакинского Совета стало своеобразным символом победы коммунистов в Азербайджане⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 13. Д. 42.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 1081. Л. 77–78.

⁴ Коммунист. 1920. 15 июня. № 36. С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бескровное вначале, возвращение большевиков к власти в Азербайджане было обречено, рано или поздно, столкнуться с вооруженным сопротивлением.

Проблемы, вызванные разрушением традиционных экономических связей, непрекращающееся противостояние с армянами на юге Елисаветпольской и в Эриванской губернии, империалистическая, грабительская политика стран Антанты в Турции и неопределённость их позиции в отношении АДР подталкивали самые разные слои азербайджанского общества к идее неизбежности ориентации на Советскую Россию. Победы Красной армии на фронтах Гражданской войны весной 1920 года катализировали этот процесс и заставили искать контакта с большевиками людей, далеких от коммунистических идей и даже боровшихся с Бакинской коммуной в 1918 году: бывшего царского генерала А.А. Шихлинского, «мусаватистского» губернатора Карабаха Х. Султанова, бывшего турецкого генерала Халил-пашу (Кута), бывшего министра АДР М.Г. Гаджинского, представителей бакинской буржуазии и многих других. Поэтому когда первый большевистский бронепоезд, громяхая по мосту через Самур, въехал 27 апреля на территорию Азербайджана, несмотря на 3000-ный гарнизон Баку, защищать столицу оказалось некому. Пытавшихся бежать в Гянджу членов «мусаватистской» администрации арестовали на вокзале те, на кого они возлагали все свои надежды: турецкие добровольцы во главе с внедренным

ранее в их среду поволжским татаринном А. Алимовым. Все произошло так быстро, что парламент АДР успел лишь передать власть большевистскому правительству, состоящему исключительно из «мусульман», — Временному Революционному комитету во главе с писателем Н. Наримановым, находившимся в то время в Москве. Новый глава Азербайджана приехал в Баку только через три недели после переворота. Все это время за него судьбоносные решения подписывал местный гуметист М.Д. Гусейнов.

Успех большевиков 27–28 апреля был обеспечен не столько подпольной работой азербайджанских коммунистов (боевые дружины они создали в Баку только 28 апреля, когда переворот уже свершился), сколько участием в нём самых разнородных местных социальных и политических сил. Каждый оказался готов увидеть в приходе большевиков то, что ему хотелось. Бакинские рабочие — повышение зарплат, конец безработицы и дешёвый хлеб с Северного Кавказа. Бакинская буржуазия — возможность отправки своих товаров на традиционные рынки. Армяне и прочие национальные меньшинства — гарантию своей безопасности. Турецкие добровольцы — открытие коридора для помощи Советской Россией кемалистской Турции. Офицеры армии АДР — возможность быстро закончить войну в Карабахе победой и пробиться к находившимся в блокаде Нахичевани и Ордубаду. Даже исламисты из партии «Иттихад» и простые моллы заявляли о своей безоговорочной поддержке большевиков и пытались вступить в ряды Азербайджанской компартии: они, ориентируясь на риторику большевиков в отношении «мусульман», рассчитывали на то, что гонений на религию не будет. «Мусаватистские» администрации в уез-

дах переименовывали после переворота себя в ревкомы. Военнослужащие армии АДР в одночасье стали «красными аскерами». Все они сменили трехцветный флаг со звездой и полумесяцем на одноцветно красный. Но то же со звездой и полумесяцем.

Возвращение большевиков к власти в течение первых двух недель выглядело исключительно декоративным. Российская Красная армия мыслилась азербайджанскими элитами как союзник, идущий на помощь кемалистской Турции в борьбе с мировым империализмом и грабительской политикой стран Запада в отношении «мусульманских народов». Такая трактовка событий лишь подтверждалась признанием независимости Азербайджана со стороны РСФСР 6 мая.

Ситуация стала стремительно меняться с приездом в Баку комкавфронта латышского коммуниста И.Т. Смилги. После 10 мая большевики приступили к реорганизации власти на местах и революционным преобразованиям, которые всего за пару недель затронули интересы всех без исключения слоев населения Азербайджана. Уже к началу 20-х чисел мая в азербайджанском обществе накопилось большое число тех, кто чувствовал себя «выброшенным из жизни» новой властью.

Свою роль в нагнетании обстановки сыграл и субъективный фактор: красные комиссары и политработники частей XI армией выработали за годы Гражданской войны на территории РСФСР определенные практики при обобществлении собственности. Действовать иначе в Азербайджане им было непривычно. Так, уполномоченный XI армии Бунимович приступил к обобществлению земель и передаче промыслов рабочим в равнинном Карабахе еще до формирования в Баку какой-либо правовой базы осу-

ществления подобных мер. В условиях патриархальной деревни восточного Закавказья подобное поведение неминуемо вызывало конфликты, усугублявшиеся коммуникативными сложностями: крестьяне не знали русского языка, а красноармейцы — азербайджанского. Переводчиками между ними служила местная интеллигенция — в большинстве своем члены бывшей уездной администрации АДР, бывшие мусаватисты и иттихадисты.

Приезд Н. Нариманова 18 мая в Азербайджан не оказал принципиального влияния на ход уже запущенных процессов. Все те, кто еще недавно радовался приходу большевиков, полагая, что хуже, чем при старой власти, быть не может, стали склоняться к противоположному выводу. Неуклюжие действия Москвы в Закатальском вопросе и назначение на ответственные должности в Баку нетюрок отталкивали национально настроенные и протурецкие слои населения Азербайджана; запрет на преподавание ислама в школе и конфискация мечетских земель — религиозные круги; условия выборов в Советы, назначенных в Баку на конец 20-х чисел мая, — и тех, и других, а также мелких предпринимателей и домовладельцев.

Патриархальная и малограмотная азербайджанская деревня вынесла из декрета о земле лишь то, что у их деревенского моллы забирают его надел. Однако местной интеллигенции, состоявшей из помещиков-агаларов, не удавалось трансформировать растущее непонимание и недовольство политикой новых властей в организованное восстание: деревня им не верила. В своем большинстве крестьяне предпочитали не уходить далеко от своих домов, ограничиваясь созданием отрядов самообороны.

Нигде, за исключением Баку, у коммунистов не было возможности опираться на свою социальную базу — ра-

бочих. Ни в Нухе, ни в Шуше, ни даже в Гяндже организованного интернационального пролетариата на момент апрельского переворота не было. Там, где существовали коммунистические ячейки, они оказывались заложниками армяно-мусульманского противостояния, зачастую функционируя независимо в среде разных этнических сообществ.

Как только в результате первых преобразований большевиков от них начали отворачиваться их же вчерашние союзники, в азербайджанской провинции сложилось ощущение, что коммунистов уже никто не поддерживает. Любое движение частей Красной армии стало восприниматься как начало её отступления к Баку или вовсе ухода из Азербайджана.

Несмотря на то что до Гянджинского восстания репрессии против представителей административного аппарата АДР, начавшиеся после 11 мая, командного состава старой армии и представителей имущих классов не носили системный характер и не отличались жестокостью, реорганизация вооруженных сил вывела в запас (фактически уволила) значительное число авторитетных офицеров, в том числе Дж. Казымбекова, М.М. Каджара и других. Все больше и больше становилось тех, кто получал основания опасаться за свое будущее, и недовольных тем, как коммунисты утверждаются в Азербайджане.

В такой обстановке уволенные в запас офицеры старой армии в Гяндже решаются на авантюру: поднять восстание в своих бывших частях, где оставалось еще много лично им преданных людей. Должной связи ни со скрывавшимися лидерами «Мусавата», ни с грузинским правительством, на помощь которого они рассчитывали, ни с азербайджанскими частями в Карабахе или Баку, ни с де-

ревней, за исключением пригородных гянджинских сёл, у них не было. Была лишь уверенность, что в Азербайджане большевиков никто не поддерживает и, значит, достаточно зажечь искру, чтобы разгорелся пожар.

В самой Гяндже восстание поддержали все «мусульмане» и часть бывших деникинских офицеров. Армянское и немецкое население с оружием в руках встало на сторону большевиков. Населенный железнодорожниками пристанционный поселок восставшим приходилось брать с боем. Не получив поддержки от Грузии, стремившейся заключить мир с Советской Россией, очень быстро повстанцы оказались в плотном кольце всё прибывавших и прибывавших красноармейских частей. Азербайджанские войска за пределами Гянджи не только не оказали поддержки восстанию, но даже порой, пусть и без большой охоты, оказывали содействие его подавлению.

Армейское командование большевистских сил в Азербайджане, от которого постоянно из Москвы требовали отправки частей на Польский фронт, при отсутствии значительных сил и резервов, опасаясь всеобщего восстания, начало стягивать свои войска к критическим объектам инфраструктуры: железным дорогам, крупным городам. В азербайджанской провинции это было воспринято как начало отступления коммунистов из страны. По мере ухода красноармейцев власть на местах стали захватывать местные авторитетные лица, как это случилось в Закаталах, на Мугани, часто это были моллы и помещики.

В условиях ухода Красной армии и опасений перед возможным началом наступления армян командование азербайджанских частей в Карабахе решает предложить местным тюркским большевикам организовать что-то вроде коалиционного правительства и, не найдя с ними общий

язык, решает их арестовать. Однако после того, как стало ясно, что большевики пришли на Южный Кавказ всерьез и надолго и никуда уходить не планируют, большая часть восставших начала расходиться по домам, а их лидеры бежали за границу.

Подавление восстания под руководством бывших офицеров азербайджанской армии привело к разрушению второго по значимости города Азербайджана — Гянджи. Участие дашнакских националистических отрядов придавало этим событиям характер межрелигиозной войны, несмотря на все меры, предпринимавшиеся командованием и политработниками Красной армии к предотвращению подобной интерпретации событий. Им не удавалось предупредить проникновения дашнаков в мусульманскую часть города, предотвратить убийства мирного населения, мародерство, к которому присоединялись и сами озлобленные красноармейцы, уровень политической грамотности которых был в основной массе низок. По этой причине при подавлении восстания в Карабахе и Зангезуре большевики стремились использовать, по возможности, свои «мусульманские» добровольческие подразделения.

Восстание имело следствием ухудшение позиций бакинских большевиков в их отношениях с ЦК РКП(б) и развязывание рук чекистам. Азербайджанская армия как самостоятельная боевая единица прекратила свое существование. На всех её бывших офицеров легло подозрение в контрреволюционных настроениях. АзЧК и Особые отделы XI армии получили полный карт-бланш для устранения всех, кто мог казаться им ненадежным. Восстание в деревне предписывалось подавлять «жестокостью». Все офицеры, многие представители бывшей «мусаватской администрации», буржуазии были арестованы. Часть их

расстреляна. Часть, после фильтрации, продолжила службу в армии и гражданских учреждениях. Наркомвоенмор Чингиз Ильдрым лишился не только армии, но и, в значительной мере, авторитета в глазах представителей РКП(б) в Азербайджане.

Главным же бенефициаром восстания стал будущий проводник сталинской политики в республике М.Дж. Багиров, зарекомендовавший себя с положительной стороны во время событий в Карабахе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

- АПДУДПАР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18.
ГАРФ. Ф. Р-5144.
ГАРФ. Д.130.
ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 3267.
РГАСПИ. Ф. 64.
РГАСПИ. Ф. 85.
РГАСПИ. Ф. 275.
РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 810.
РГАСПИ. Ф. 64.
РГАСПИ. Ф. 83.
РГВА. Ф. 195.

Периодика

- Голос России (Баку). 1920. 28 апр. № 89.
Известия Временного Революционного Комитета Азербайджана. № 1–20.
Коммунист (Баку). № 1–30.

Мемуары, сборники документов

- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. XII. European, including Russian, Questions. January 1920–April 1921. Ed. by R. Butler and J.P.T. Bury, London, 1962.
Halil Paşa. Bitmeyen savaş. (*Халил-паша (Кум)*). Бесконечная война.). Istanbul, 1972.
Karabekir K. Ýstiklal Harbimiz (*Карабекир К.* Наша борьба за независимость.). С II: Ýstambul, 1960.

Resulzade M.E. Azərbaycan cumhuriyeti. (*Расулзаде М.Э.* Азербайджанская республика.) Ýstambul, 1990.

Адрес-календарь Азербайджанской Республики / под ред. А.М. Ставровского. Баку, 1920.

Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Внешняя политика: документы и материалы. Баку, 1998.

Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Парламент: стенографические отчеты. Баку, 1998.

Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: документы и материалы. Баку, 1998.

Алишевский В.Г. Баку и Промыслово-заводской район по данным переписи 1913 года. Ч. II. Вып. 2. Баку, 1922.

Баданов И. Подпольная работа ком'ячейки Бакинской радиостанции в 1919 г. // Из прошлого. Баку, 1924.

Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2.

Дунин-Борковский К. Альбом флагов и вымпелов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, союзных советских республик и иностранных государств. По материалам Народного Комиссариата по иностранным делам и Штаба командующего морскими силами Республики. М., 1923.

Ефремов М.Г. Взятие Баку // Военные вести. 1922. № 7.

Зейналова С.А. Участие посланцев Советской России в установлении советской власти в Азербайджане // Материалы по истории Азербайджана. Труды Музея истории Азербайджана. Т. VII. Баку, 1968.

Из прошлого: сб. материалов по истории Бакинской большевистской организации и Октябрьской революции в Азербайджане. Баку, 1924.

История Азербайджана по документам и публикациям. Баку, 1990.

К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925: документы и материалы. Баку, 1989.

Караев А.Г. Из недавнего прошлого. Баку, 1926.

Красовский С.А. Жизнь в авиации. М., 1960.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967.

Лукьяненко Я. В подполье Азербайджана // Из прошлого. Баку, 1924.

Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. М., 1995.

Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014.

Мусабеков Г. Избранные статьи и речи. Т. 1. Баку, 1960.

Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: сб. документов и материалов. Ереван, 1992.

Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике: документы и комментарий / сост., отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. Ю.Г. Барсегов: в 2 т. М., 2008. Т. 1.

Нариманов Н. Письма и некоторые документы по карабахскому вопросу. Баку, 2002.

Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и Азербайджанского Национального совета 1918 г. Баку, 2006.

Садыхов М.Г. Воспоминания рабочего-подпольщика малокавказских гор. СПб., 2018.

Статистический ежегодник России 1913 г. (год десятый). Издание Статистического комитета М.В.Д. СПб., 1914.

Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1944.

Монографии

Allen W.E.D., Muratov P.P. Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco- –Caucasian Border 1828–1921. Cambridge, 1953.

Alstadt A.L. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, 1992.

Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti (1918 –1920): Bibliografiya. Bakı, 2008.

Bayramov X. Gəncə üsyanı — 1920: sənədlər və materiallar. Bakı, 2010.

Caucasian border 1828–1921. Cambridge, 1953.

Hovannisian R.G. The Republic of Armenia. From London to Sevres, February-August, 1920. V. III. London, 1996.

Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasus (1917–1921). N.Y., 1951.

Süleymanov M. Azərbaycan Ordusunun tarixi (1918–1920). III C. Bakı, 2018.

Süleymanov M. Nuru paşa və silahdaşları. Bakı, 2014.

Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. N.Y., 1995.

Swietochowski T. Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. N.Y., 1985.

The Baltic and Caucasian States. Ed. By J. Buchan. London, 1923.

Абасов А.Т. Генерал Мехмандаров. Баку, 1977.

Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории. Баку, 1994.

Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918–1920 гг. Баку, 1994.

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Баку, 1998.

Азизбекова П.А., Казиев М.А. Степан Шаумян: биографический очерк. Баку, 1978.

Аух Е.М. Между приспособлением и самоутверждением. Ранний этап поисков национальной идентичности в среде мусульманской интеллигенции и общества на юго-восточном Кавказе (1875–

1905 гг.) // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.

Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

Багиров Э.А. Из истории советско-турецких отношений (1920–1922 гг.). Баку, 1965.

Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997.

Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955). М., 2009.

Бахшалиев Ф. Аграрная политика Российской империи в Закавказье в конце XIX — начале XX века // Кавказ&Глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 3–4.

Великий Октябрь и борьба за советскую власть в Азербайджане: сб. документов, материалов и статей. Баку, 1958.

Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954.

Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

Гаджиев А. Из истории образования и падения Западной Кавказской (Карской) демократической республики. Баку, 1992.

Гаджиев И.Б. Совместная борьба Бакинского пролетариата и трудящихся Дагестана против английских интервентов и деникинской контрреволюции в 1919–1920 гг. Махачкала, 1960.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 1999.

Гасанлы Дж.П. История дипломатии азербайджанской Республики: в 3 т. Т. 2: Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920–1939). М., 2013.

Гасымлы М. Анатолия и Южный Кавказ в 1724–1920-е гг.: в поисках исторической истины. М., 2014.

Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана (1919–1920 гг.) // Кавказ&Глобализация. Т. 4. Вып. 1–2.

Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана // Кавказ&Глобализация. 2010. Т. 4. Вып. 1–2.

Гафаров В. Русско-турецкое сближение и независимость Азербайджана (1919–1921) // Кавказ&Глобализация. Т. 4. Вып. 1–2. СА&СС Pres, 2010.

Гражданская война и военная интервенция в СССР, Т. 1. М., 1983.

Гулиев Дж.Б. К истории образования Второй Республики Азербайджана. Баку, 1997.

Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов «Мусават» в прошлом и настоящем. Тифлис, 1927.

Гусейнов И. Победа советской власти в Азербайджане в 1920 году и помощь XI Красной армии // Труды Института истории партии при ЦК ВКП(б) Азербайджана. Т. XVIII. Баку, 1952.

Дарабади П. Военно-политическая история Азербайджана (1917–1920 годы). Баку, 2013.

Дарабади П. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку, 1991.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. М., 2003.

Демоян Г. Турция и Карабахский конфликт в конце XX — начале XXI века: Историко-сравнительный анализ. Ереван, 2006.

Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922: Войска интервентов. М., 1998.

Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. М., 1998.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 2000.

Дубнер А. Бакинский пролетариат в годы революции (1917–1920 гг.). Баку, 1931.

Зейналов Р.Э. Военное строительство в Азербайджанской ССР. Баку, 1990.

Ибрагимбеги Г.А. Самедбек Мехмандаров. Баку, 1946.

Ибрагимов С.Д. Генерал Али Ага Шихлинский. Жизнь и деятельность (1865–1943 гг.). Баку, 1975.

Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.

Искендеров М.С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу советской власти. Баку, 1958.

Исмаилов М.А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — начале XX в. Баку, 1964.

Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры — азербайджанцы. М., 2005.

История государства и права Азербайджанской ССР (1920–1934 гг.) Т. 2 / Институт философии и права АН АзССР, Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова; авт. тома Фирилун Надир оглы Ахмедов, З.М. Касумов, А.Ш. Мильман. Баку, 1973.

История государства и права Азербайджанской ССР / под ред. М.С. Халафова. Баку, 1964.

История Гражданской войны в СССР. 1917–1920. Т. 5. М., 1960.

Кадиишев А.Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

Кадырли А. Из истории развития дореволюционной бакинской нефтеперерабатывающей промышленности. Баку, 1970.

Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Г.Л. К вопросу об установлении советской власти в Дагестане и образовании Дагестанской АССР // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4.

Кятибли И. Чингиз Ильдым. Баку, 1964.

Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокиной. СПб., 2003.

Махарадзе Н.Б. Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси, 1965.

Ментешаишвили А.М. Оккупация и фактическая аннексия Грузии: о политической и правовой оценке нарушения договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 года. Тбилиси, 1990.

Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX в. Баку, 1966.

Мирошников Л.И. Английская экспансия в Иране. 1914–1920. М., 1961.

Мкртчян Ш. Нагорный Карабах: анатомия свершенного Азербайджаном геноцида (1920–1988 гг.) / пер. с арм. Степанакерт, 2003.

Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006.

Мустафа-заде Р.С. Две республики: Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006.

Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). М., 2019.

Назирли А. XI Красная армия в Северном Азербайджане: оккупация, расправы, бесчинства. Баку, 2014.

Назирли Ш. Расстрелянные генералы Азербайджана. Баку, 2015.

Насиров Т.М. Борьба за власть в Азербайджане (1917–1920 гг.). Баку, 1993.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1998.

Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963.

Пчелин Н. Крестьянский вопрос при мусавате (1918–1920 гг.). Баку, 1931.

Раевский А. Английская интервенция и Мусаватское правительство: Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.

Раевский А. Партия «Мусават» и ее контрреволюционная деятельность. Баку, 1929.

Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М., 1941.

Ратгаузер Я.А. Борьба за Советский Азербайджан: К истории апрельского переворота. Баку, 1928.

Ратгаузер Я.А. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927.

Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2008.

Рзакулиев О.М. Большевики — организаторы статечного движения в Азербайджане (1918–1920 гг.). Баку, 1962.

Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, 1962.

Саркисян А.Е. Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. Ереван, 1990.

Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.

Сеидзаде Д.Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991.

Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии. Баку, 1978.

Советский Азербайджан: мифы и действительность. Баку, 1987.

Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.

Стеклов А. Красная армия Азербайджана. Баку, 1928.

Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.

Токаржевский Е.А. Очерки из истории Азербайджана 1920–1925 гг. Баку, 1950.

Файгл Э. Правда о терроре. Армянский терроризм — истоки и причины. Баку, 2000.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, 2004.

Ягублу Н. Энциклопедия Мамед Эмина Расулзаде. М., 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово автора к читателю	5
Рецензия С.И. Чернявского	8
Рецензия В.Б. Лобанова	11
Введение	14

Глава 1. Рейд бронепоездов на Баку

Пролог	23
Один день на Петровской линии	30

Глава 2. Большевистский переворот

Вместо пролога	43
Один день в Баку	46
Эпилог	61

Глава 3. Первые дни АССР

В ревкоме	65
Транзит власти «на местах»	69
На улице	76

Глава 4. Новые реалии и место Азербайджанской республики в мире

Азербайджан и РСФСР	81
«Закатальщина»: Азербайджан и Грузия	85
Азербайджан и Армения	92
«Прекратить армяно-мусульманскую резню...»	97

Глава 5. Переход к политике военного коммунизма в АзССР

Декрет о земле	113
Промышленность и финансы	116

Глава 6. Отложенная битва за Азербайджан

Переход большевиков к действиям	124
Первые звонки	134
Азербайджанская «Вандея». Восстание	139
Азербайджан в состоянии восстания	157
Повсеместное восстановление власти большевиков	162

Заключение	172
Библиография	180